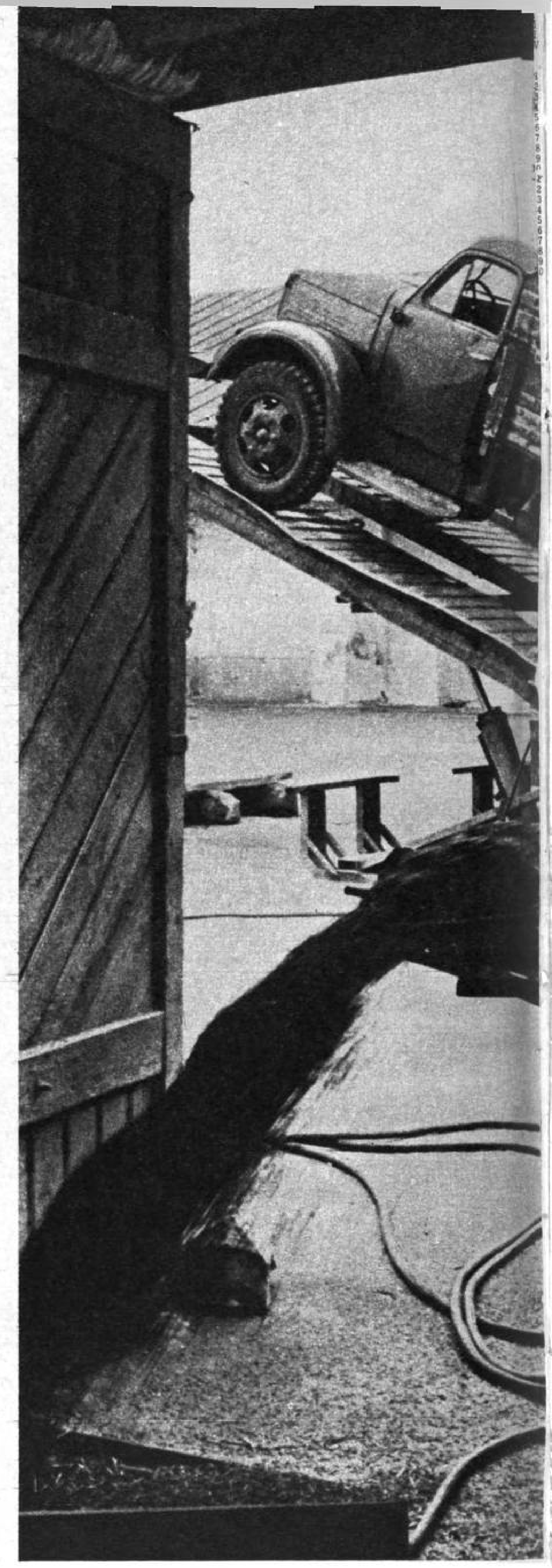

9-18
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вот оно, золото нового урожая.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 27 (2036)

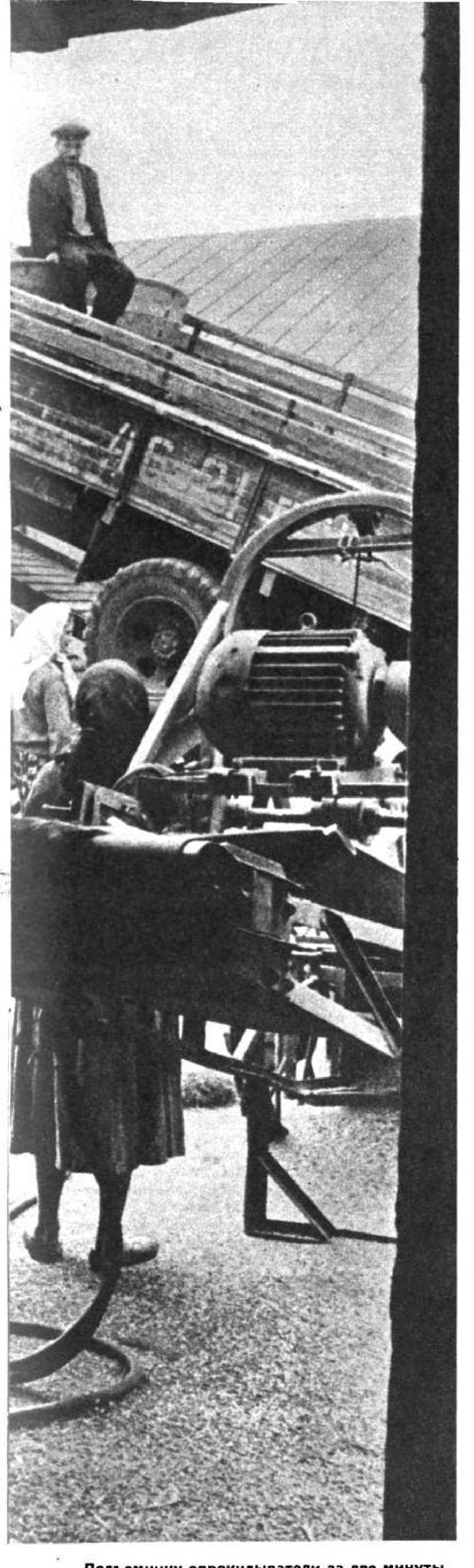
3 ИЮЛЯ 1966

ЗДРАВСТВУЙ,

НОВЫЙ ХЛЕБ!

О. КНОРРИНГ,
специальный
корреспондент «Огонька».

Фото автора.

Подъемники-опрокидыватели за две минуты разгружают машину.

Элеватор напоминает водохранилище, куда «стекаются» ручейки зерна, откуда «утекают» они потом почти каждодневно на мельничные комбинаты. Уровень запаса здесь заметно не колеблется. Но вот наступает «паводок» — уборка хлебов. И сразу на элеватор устремляются тысячи машин, груженных зерном нового урожая...

«Паводок» не застал врасплох людей Евлахского элеватора Азербайджанской ССР. Задолго до уборки директор Гуссейн Назаров, главный инженер Аваз Гуссейнов, их помощники начали готовиться к приемке зерна. Все разгрузочные механизмы, зерноочистительные машины были приведены в боевую готовность, проверены, отремонтированы.

И вот уже первая колонна автомашин у ворот элеватора. Это всегда праздник: хлеб пошел! И по доброй традиции во главе колонны — машина, украшенная портретом Ленина.

Лаборантки в белых халатах стараются как можно быстрее взять пробу. Пять минут — и анализ готов. Зерно соответствует кондиции — можно принимать!

Что говорят хлеборобы, каковы их прогнозы? Беру интервью у директора зерносовхоза имени Орджоникидзе Исмаила Гаджиева.

— Урожай хороший, центнеров по двадцать с гектара возьмем, не меньше, а зерно-то какое — золото!

— Много ли даете хлеба?

Гаджиев улыбается.

— Как вам сказать. Цифру назову, она вам все равно ни о чем не скажет. Запишите: хлебом нашего совхоза мы можем целый месяц кормить Баку.

Побудешь день на элеваторе и станешь свидетелем разных коллизий. В лаборатории конфликт. Председатель колхоза «Кавказ» Мамедов не согласен с анализом лаборатории. Это бьет колхоз по карману. Сорок пять машин, по три тонны в каждой,— не шутка. Что же, раз спор, значит, нужен арбитр. Кто? Государственный инспектор Тахмазов. Теперь ему самому придется делать анализ. Инспектор берет пробу со всех машин, смешивает зерно, что-то долго колдует над ним и, наконец, объявляет: «Лаборатория права. Зерно, конечно, можно принять, но с колхоза, чтоб впредь не повадно было привозить плохо очищенное зерно, удержим...»

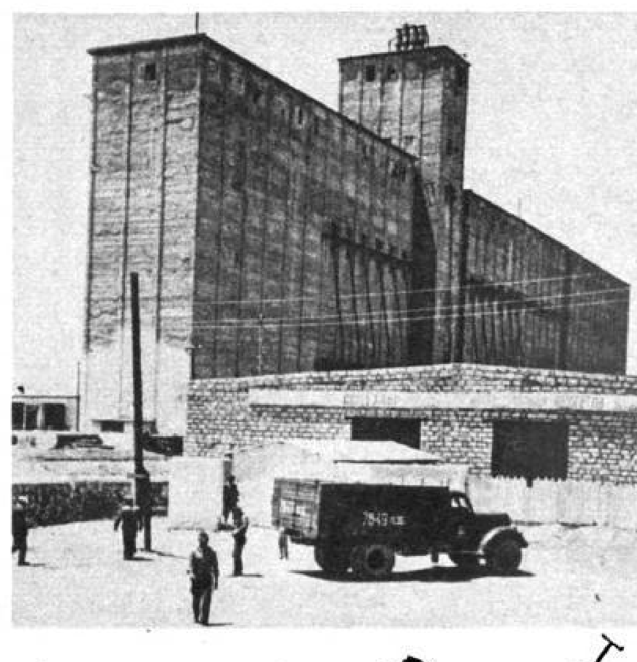
Сумма названа внушительная. Материальные стимулы действуют, и это особенно остро ощущаешь, когда беседуешь с главным бухгалтером элеватора Александром Михайловичем Михайловым. В его комнате всегда народ. Представители колхозов и совхозов выясняют финансовые взаимоотношения.

— У нас с ними,— рассказывает Александр Михайлович,— еще в декабре прошлого года были заключены договоры на закупку хлеба. Под эти договоры мы в течение года три раза выдавали им денежный аванс. А если колхоз пожелает продать государству хлеб еще сверх намеченного плана, мы за зерно уплатим в полтора раза дороже. За семена цена повышается до трехсот процентов. Чтобы был стимул сдавать хорошее зерно, установлен порядок: чем ниже процент влажности и сорности, тем выше цена. Хочешь получить больше денег, сдавай хорошее зерно. Это выгодно и колхозам и государству. Вот теперь колхозы и дерутся за каждый процент. Многие хозяйства нынче будут иметь возможность продать нам хлеб сверх плана. Думаю, что процентов на сорок больше закупим, чем рассчитывали. Ссыплем в закрома, пусть лежит.

Пусть лежит! Легко сказать, труднее надежно сохранить зерно. Хлеб на элеваторе хранится годами. За ним глаз да глаз нужен. Каждый день лаборанты следят за температурой, проверяют влажность, смотрят, чтобы не появился долгоносик или какой другой амбарный вредитель. Периодически зерно мощными механизмами перелопачивается, пропускается через очистительные машины, проветривается, пересыпается из одного бункера в другой. Таковы будни. А сейчас «половодье» и одна за другой мчатся на элеватор машины. Идет новый хлеб!

Первая колонна с хлебом прибыла на элеватор.

Лаборантка спешит брать пробу.

Выяснение финансовых позиций...

Спор решает государственный инспектор.

Марсельеза — мелодия торжественная и мятежная, пришедшая в сегодня из бурной истории Франции XVIII столетия, давно знакомая нам.

Марсельеза — государственный гимн Франции.

В эти дни я слышал Марсельезу на берегах Оби и Невы, Днепра и Волги. Советские города встречали гостя — главу французского государства Шарля де Голля.

...В конце прошлого века по Сибири путешествовал журналист Эдмон Котто. Позже в Париже вышла его книга, в которой Котто писал, что Сибирь «рано или поздно благодаря несметным богатствам своих недр и особенно благодаря плодородию своей почвы будет иметь огромное будущее». О поездке этого француза вспомнила в дни пребывания генерала де Голля в Новосибирске газета «Советская Сибирь». Генерал де Голль увидел город, которого не было на карте России во времена Котто, город с миллионным населением, город рабочих и ученых. Из столицы Западной Сибири во Францию протянулись нити добрых отношений. На собрании членов общества «СССР—Франция» в Новосибирском театре оперы и балета выступали летчик, сражавшийся вместе с французскими летчиками из эскадрильи «Нормандия — Неман» против гитлеровцев в советском небе, и сибирский художник, боровшийся в рядах французских партизан. В Академгородке под Новосибирском два ученых из Франции сейчас знакомятся с опытом своих советских коллег. На предприятиях Новосибирска есть оборудование, сделанное руками французов.

У каждого города, который лежал на пути поездки генерала де Голля, есть свои связи с Францией. Волгоград дружит с Дижоном. Киев встречает французских артистов. Ленинградская печать рассказывала о научно-технических связях с Францией. В дни визита высокого гостя из Франции как-то по-особому ясно почувствовалось, как глубоки связи между народами наших двух стран, как далеко эти связи уходят в прошлое, как велико стремление советских людей и французов сделать их еще прочнее и шире.

Выступая в Киеве, генерал де Голль сказал: «Мы, французы, и вы, советские люди, как бы начинаем новую жизнь, которая приведет нас к миру».

Больше сотни корреспондентов из самых разных стран сопровождали генерала де Голля во время его поездки по Советскому Союзу. Визит его в нашу страну приковал к себе внимание всего мира. Сейчас по-прежнему остро стоит вопрос о безопасности в Европе и во всем мире. Сотрудничество стран, стремящихся к обеспечению безопасности,— надежная основа для того, чтобы добиться успехов в этом важнейшем для народов деле. Особое место принадлежит здесь сотрудничеству между Францией и Советским Союзом. История уже доказала его важность.

Почести защитникам Ленинграда. Президент Франции Шарль де Голль и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин на Пискаревском кладбище.

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

ПУСТЬ ЗВУ

Шарль де Голль и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный в гостях у рабочих завода «Сибэлектротяжмаш».

У фонтанов Петродворца. Фото Н. Науменкова и В. Соболева (ТАСС).

Колхозники рыболовецкой артели под Волгоградом сделали генералу де Голлю подарок.

Прошлое знает примеры такого сотрудничества. На многих лозунгах, которыми был встречен де Голль в СССР, были написаны приветствия ему, как одному из руководителей антигитлеровской коалиции. Советские люди помнят совместные усилия военных лет. Теперь идет речь о практической реализации идеи франко-советского сотрудничества в наши дни.

В мире есть и скептики и прямые недоброжелатели этого. Некоторые органы мировой печати, отводя первые полосы сообщениям о визите де Голля в Советский Союз, сопровождают их кислыми комментариями. Еще бы! Мирное сотрудничество государств с различными социальными системами, общие усилия во имя безопасности в Европе ломают привычные и окостеневшие концепции, на которых построена вся политика поддержания напряженности в мире. Это нарушает и дальнейшие планы тех, кто основывает свои действия на прежних представлениях о «праве сильного», о «руководстве миром» и на прочих беспочвенных, но опасных доктринах.

Но времена меняются. В мировую политику все сильнее проникает струя реализма, укрепляя надежды на то, что мир можно уберечь от катастрофы. И поэтому приезд Президента Франции в нашу страну привлек такое большое внимание людей на нашей планете.

Пожалуй, никто из тех журналистов, которые сопровождали генерала де Голля в его поездке, каковы бы ни были их симпатии и взгляды, не напишет — просто не сможет написать — ни одного плохого слова о приеме, который ждал Президента Франции в каждом городе, куда он приезжал. Длинные вереницы людей, стоявшие вдоль пути, по которому следовал торжественный кортеж, цветы и приветствия — все это повторялось всюду. Искренность советских людей в стремлении к дружественным и прочным связям с Францией не сможет поставить под сомнение ни один скептик или недоброжелатель.

Мне запомнились милиционер с флажком Франции в руках, который стоял на улице в Новосибирске, облепленные людьми памятники в Ленинграде, тысячи людей в Киеве, которые ожидали на улицах гостя из Франции, и, конечно, праздничность Волгограда, который уже второй раз встречал де Голля — спустя двадцать два года. Новый Волгоград, восстановленный из пепла и руин...

И, со своей стороны, каждый из тех, кто выходил встречать Президента Франции, верил в то, что французский народ с такой же искренностью и сердечностью хочет дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Да, мы давно знаем мелодию Марсельезы. Нам нравится эта мелодия, воплотившая в звуках своих дух народа. Пусть звучит Марсельеза! Это государственный гимн страны, с которой мы готовы дружить прочно и долго.

ЧИТ МАРСЕЛЬЕЗА!

В книге для почетных посетителей Ленинградского Металлического завода генерал де Голль сделал теплую запись.

Президента Франции приветствует Киев.

Волгоград. Мамаев курган.

ПОСЛЕДНИЕ АККОРД ФИ

И. ВЕРШИНИНА
Фото Е. УМНОВА.

Владимир Атлантов — СССР — 1-я премия.

Джейн Марш — США — 1-я премия.

Вероника Тайлер — США — 2-я премия.

Эвелина Стоицева — Болгария — 2-я премия.

Прозвучали последние аккорды конкурса, пробушевали последние аплодисменты, и непривычно тихо стало в опустевшем Большом зале Московской консерватории. Овации победителям звучат теперь в других городах нашей страны, куда поехали с отчетными концертами лауреаты. Готовясь к этим концертам, победитель конкурса скрипачей Виктор Третьяков говорил мне:

— Вы знаете, это еще труднее, еще ответственнее. Надо убедить, что первую премию ты получил не случайно. Ведь слушатели — это тоже жюри, конечно, не столь компетентное,— в жюри заседали лучшие музыканты мира,— но такое же взыскательное и доброжелательное.

Не скупился слушатель в зале во время прослушиваний. Не успевал оркестр умолкнуть, как раздавались голоса, громогласно присуждающие только... первую премию! В преимуществе оказались вокалисты: у них премий было в два раза больше. И потому довольны были и те, кто с самого начала бесспорным лидером считал советского певца Владимира Атлантова, и те, кто свои симпатии отдал уверенному мастерству Джейн Марш. Они оба очень молоды: Владимиру — 27 лет, Джейн — 24, а ведь в состязании принимали участие вокалисты до 32 лет. Правда, музыкальный стаж Атлантова не малый — двадцать лет. С семи лет Владимир занимался музыкой — учился в Ленинградском хоровом училище. Этот солидный фундамент, большая музыкальная культура всегда ощущаются в его исполнении: поет ли он Германа или Хозе на сцене Кировского оперного театра, куда был принят после консерватории, или романсы Чайковского и сонеты Кабалевского на конкурсе... Замечательный голос певца, его мощь и тембр давно полюбились советским слушателям, к ним присоединились и маститые члены жюри.

Известный американский певец член жюри Джордж Лондон нам говорил:

«У Атлантова самый красивый голос из всех теноров, что я слышал в последние годы. А я ведь постоянно гастролирую, выступаю с труппами различных стран, так что певцов слышал немало. В его будущем можно не сомневаться!

Интересно дарование моей соотечественницы, с которой я только здесь познакомился,— Вероники Тайлер; у нее есть теплота, очень хорошее понимание музыки и совершенно особая вокальная техника. Редкий, красивый голос у Марии Биешу, и в пение она вкладывает все свое сердце. Но надо сказать, это всегда было присуще русским певцам. Поэтому мы все с благоговением храним их пластинки и каждое имя знаем наизусть. Я рад был встретиться в жюри с Ириной Архиповой — я ее очень ценю как певицу. Мы пели с ней в «Борисе Годунове». Не могу я забыть и триумфальный успех ее концерта в Нью-Йорке.

Григорий Соколов — СССР — 1-я премия.

Виктор Ересько — СССР — 3-я премия.

ЫНАЛА

Миша Дихтер — США — 2-я премия.

Очень хорошо себя показала и ваша молодежь. Кроме них, мне понравилась болгарка Стойцева — одна из больших драматических индивидуальностей, я давно не встречал такой настоящей артистки в опере. Джейн Марш еще очень молода как певица, занимается вокалом всего три года, правда, в ее исполнении видна хорошая подготовка, большая работоспособность, которые являются залогом ее дальнейшего расцвета».

...Да, начало творческого пути Джейн Марш сложилось на редкость счастливо. Летом прошлого года в Италии дебютировала она на фестивале искусств стран Европы и Америки.

Лето 1966 года принесло певице золотую медаль конкурса Чайковского.

После выступления Джейн спросили, что она себе пожелает на следующий год, ведь завтра день ее рождения.

— Я очень хочу петь по-русски Татьяну в Москве и у себя в Штатах.

Петь в Москве! Об этом мечтают все певцы.

— Я три раза уже гастролировала у вас в стране, а в Москве выступала впервые только на конкурсе,— рассказывает нам болгарская певица Эвелина Стойцева.— Я много пою произведений русских композиторов, но выучила семнадцать романсов Чайковского, прежде чем остановилась на четырех. И старалась петь их так, как учила меня в детстве мать — транспонировать через сердце.

— Музыка всегда показывает, что у тебя за душой,— словно продолжая предыдущий разговор, говорит Вероника Тайлер. И своим искусством она также подтверждает это. Не удивительно, что с I тура Вероника стала любимицей слушателей, и она восторженно говорит о них:

— Я никогда таких не встречала,— открытые, приветливые, восторженные, эмоциональные, сердечные. Когда-то я хотела быть психологом. Теперь в свободное время пишу, пишу о людях, с которыми встречаюсь. О советских людях я должна написать непременно,— они так мне помогли на конкурсе своим вниманием,— этого я никогда не забуду.

Вероника рассказывает о дочке, о своей работе в оперном театре Нью-Йорк-Сити, о товарище по Джульярдской школе — Симоне Эстесе, с которым они вместе пели там.

— С ним было легко работать, потому что он очень хороший артист. Этот человек всего себя отдал искусству.

Григорий Соколов, Миша Дихтер, Виктор Ересько, Александр Слободяник... также целиком отдали себя искусству. У всех этих 20—25-летних юношей стаж в музыке исчисляется уже 15—20 годами. Это значит, ежедневно и летом и зимой сидят они у рояля по 5, 6, 7 часов — сколько надо. А надо много. Для того, чтобы так играть, как играют они. Что творилось на их выступлениях на III туре! Памятные последние дни... Музыка звучала в зале с 9 утра до 11 ночи. Репетиции, прослушивания, опять репетиции, опять прослушивания. Когда после первого звонка открывали двери зала, казалось, что шлюзы прорвало и могучие потоки, бурля и пенясь, несутся каскадами. И вся эта вздыбленная лавина мгновенно застывала, как только пианист садился к роялю. Не пропустить ни одной фразы, ни одного аккорда, ни одного звука... Чайковский, Рахманинов, Лист и вновь Чайковский, Шопен, Брамс и снова Чайковский. Концерт № 1 — пять, десять, четырнадцать раз. И каждый раз по-новому, у каждого свой.

Григорий Соколов играл одним из последних. Сколько раз Концерт Чайковского был уже здесь исполнен! Но когда ученик девятого класса Ленинградской музыкальной школы, шестнадцатилетний Григорий Соколов стал играть Концерт, в зале поняли: так еще не играл никто. У рояля юноша преобразился. Немного мешковатый и застенчивый в жизни, на сцене он был собранным, подтянутым, уверенным. И мне вспомнилось, как в день выступления очень талантливого, широко уже признанного советского пианиста Николая Петрова стало известно, что тот вывихнул руку,— единственный человек, который готов был играть раньше вместо Николая, был Гриша. А ведь участникам конкурса дорог каждый лишний час, не говоря уже о днях. На концерте Гриша играл спокойно, сосредоточенно, но сколько в этом кажущемся спокойствии было подлинного вдохновения! Лиричность и теплота сочетались с блеском и виртуозностью.

Зал был покорен.

В день концерта Миши Дихтера — ученика Розины Левиной, той самой, у которой занимался Ван Клиберн, мы оказались в зале задолго до начала. Только что закончилось прослушивание певцов. На сцену пришел новый оркестр. Музыканты настраивали свои инструменты, в зале еще сновали уборщицы. А у рояля сидел юноша в черной майке и что-то играл. Оркестрантов становилось все больше, в какофонию включились духовые инструменты, виолончели, альты. Но юноша все так же поделовому и, казалось, спокойно проигрывал отдельные куски. А потом вприпрыжку побежал за кулисы.

И через десять минут Бетховен. Концерт № 5. Его играл уже совсем другой музыкант. Он слился с оркестром, слышал каждый инструмент и отвечал им мудро, глубоко, горячо, страстно.

Дихтер не знал, хорошо ли он играл, и, как всегда, был собой недоволен. Но когда за кулисы пришел к нему французский пианист, также участник III тура, Бруно Ригутто, и молча протянул ручку для автографа, Миша горячо, с благодарностью обнял нового друга.

У музыки нет завистников.

Антон Рубинштейн говорил когда-то: игра на инструменте — движение пальцев, исполнение — движение души. И кажется, говорил он это о лауреатах конкурса Чайковского.

КИНОДРАМАТУРГ И РЕДАКТОР

В юношеские годы Александр Попов мечтал о профессии учителя. Но так случилось, что стал он учителем детворы не в небольшой — школьной, а в огромной киноаудитории. Фильмы для детей, создаваемые по талантливым сценариям Александра Федоровича Попова, завоевали миллионы детских сердец. Мастер острых, занимательных сюжетов, он создал целую галерею героических образов. Художественные киноленты — «Счастливого плавания» (за этот фильм писателю была присуждена Государственная премия), «Девчонка, с которой я дружил», «Андрейка» и многие другие — подолгу не сходят с экранов. В творчестве кинодраматурга А. Попова значительное место занимает ленинская тема.

А. Попов известен и как главный редактор популярного в нашей стране литературно-художественного журнала «Нева». Много сил писатель отдает журналу. Однако ни на один день не оставляет он своего пера. В самый разгар напряженной литературной работы встретил он свое шестидесятилетие. И по-прежнему в центре его творческих интересов — новые сценарии для детских фильмов.

К. ЧЕРЕВКОВ

О БУЛЬДОЗЕРАХ, МИЛЛИОНАХ И ПЛОХОЙ ПАМЯТИ

Юрий РЫТОВ,
собкор «Огонька»
Фото А. Гостева.

ЗАВОД КАК ЗАВОД

Я на одном из самых старых заводов Южного Урала: основан он в 1898 году бельгийской фирмой «Столль и К°». Но от господина Столля здесь уже ничего не осталось. Недавно разрушено последнее принадлежавшее ему строение — склад. Сейчас на площадке грохочет бульдозер — расчищает землю.

Бульдозер собственного производства. Завод выпускает дорожные и строительные машины — скреперы, автогрейдеры, бульдозеры. Получив от поставщиков комплектующие детали — тракторы, мощные тягачи,— одевает их в стальные спецовки: прикрепляет брусья-толкатели, отвалы, лебедки, ковши.

Во дворе выстроилась длинная шеренга бульдозеров — новенькие, с запахом свежей краски. Большинство машин серо-стальные. Несколько ярко-канареечного цвета — тропические. Треть машин, выпускаемых заводом, идет на экспорт.

Завод как завод.

Но этот Челябинский завод имени Колющенко — одно из сорока трех предприятий страны, первыми применивших новую систему планирования и экономического стимулирования.

ДВА ВОПРОСА

Два дня просидел я в гостинице, зарывшись в бумаги. Инструкции, отчеты, справки и сводки. Я пытался понять, какими путями ничем внешне не примечательное предприятие попало в индустриальную элиту, в разряд заводов, поражающих воображение автоматическими линиями, безупречной отделкой корпусов.

Завод имени Колющенко удостоился такой чести не случайно. В прошлом году он получил семь с лишним миллионов рублей прибыли, в том числе почти полмиллиона сверхплановой. Много это или мало? Много: рентабельность, которой, впрочем, раньше мало кто интересовался, составила около тридцати процентов. Каждый рубль капитальных вложений давал тридцать копеек! Спрос на продукцию завода велик и устойчив. А это значит, что скреперы, бульдозеры и автогрейдеры не задерживаются долго во дворе и, едва миновав заводские ворота, превращаются в рубли, доллары, фунты стерлингов. Наконец, производство очень динамично, оно активно, целеустремленно развивается: за семилетку выпуск машин увеличился чуть ли не вдвое...

Почему же так получилось? И означает ли эта статистика, что завод вписался в новую экономическую систему так же безболезненно и просто, как немудрящий шплинт входит в предназначенное ему отверстие?

НЕТ, НЕ БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

В кабинете главного бухгалтера Ивана Васильевича Осолодкова я встретился с главным экономистом Иваном Васильевичем Осолодковым. Я не оговорился: три дня назад главный бухгалтер Иван Васильевич был назначен главным экономистом и пока совмещал две должности. Здесь же присутствовал начальник организации производства Адольф Михайлович Спориш.

И сразу выяснилось: нет, совсем не легко выйти на орбиту новых экономических категорий и зависимостей.

И. В. Осолодков.— Новая система — это, кроме всего прочего, дополнительные премии за хорошую работу. Но нам с самого начала было ясно: эти премии мы не можем и не должны получать из государственного бюджета. Нужно самим искать средства. Однако завод не лес и деньги не грибы. Источник единственный — дополнительные прибыли. Дополнительные к тому плану, который мы уже составили. Трудному, напряженному. Который сам по себе давал большой рост прибылей... А как увеличить прибыли? Тут два способа. Во-первых (Иван Васильевич передвинул костяшку на счетах), увеличить производство — опять-таки сверх намеченного на этот год плана. Во-вторых (он передвинул вторую костяшку), сократить издержки — и опять-таки сверх уже составленного плана... Подсчитали и решили: выдюжим. И, еще не зная, попадем ли в новую систему, попросили увеличить задание по реализации на два и две десятых процента.

Иван Васильевич с особым удовольствием дважды щелкнул костяшками.

(Кстати, точно то же —увеличить задание — попросили и остальные сорок два предприятия. Планы по реализации были увеличены в общем на 157 миллионов рублей, по прибыли — на 59 миллионов. По просьбе самих заводов! Это небывалое в нашей промышленности явление показало, какие огромные движущие силы скрывает в себе новая экономическая система.)

А. М. Спориш.— В ноябре и декабре объявили смотр резервов. Получили две с половиной тысячи предложений! Застолбили все узкие места, приготовили план научной организации производства и труда. Определили заказчиков на дополнительную продукцию, уточнили, кому что нужно. Откорректировали график выпуска машин. Нашли станки, которые можно было передвинуть в другие цехи или продать. И, конечно, учили людей: на курсах, семинарах, читали лекции. И сами учились. Двадцать второго января получили решение о переводе завода на новую систему. Но фактически мы уже работали по-новому...

И. В. Осолодков.—Мы посулили людям золотые горы. Судите сами: поощрительный фонд в этом году должен превысить миллион рублей. Это в три раза больше, чем прошлогодний фонд предприятия. Нужно было убедить рабочих, что это не бабушкины сказки, а вполне реальные перспективы. А как убедить? Делом.

— Что же получилось? — спрашиваю я.

И. В. Осолодков.—План выполнили, и все наши расчеты подтвердились. Впервые за много лет выплатили премии инженерам: раньше не позволял фонд зарплаты. Намного увеличились премиальные рабочим.

(В первом квартале лишь одно из сорока трех предприятий не справилось с планом по прибыли. Но все остальные выполнили этот план почти на 108 процентов!)

А. М. Спориш.— Образовался и солидный фонд развития производства. Им мы распорядимся по собственному разумению.

БОЛЕЗНЬ, КОТОРУЮ ИСЦЕЛИТ ВРЕМЯ

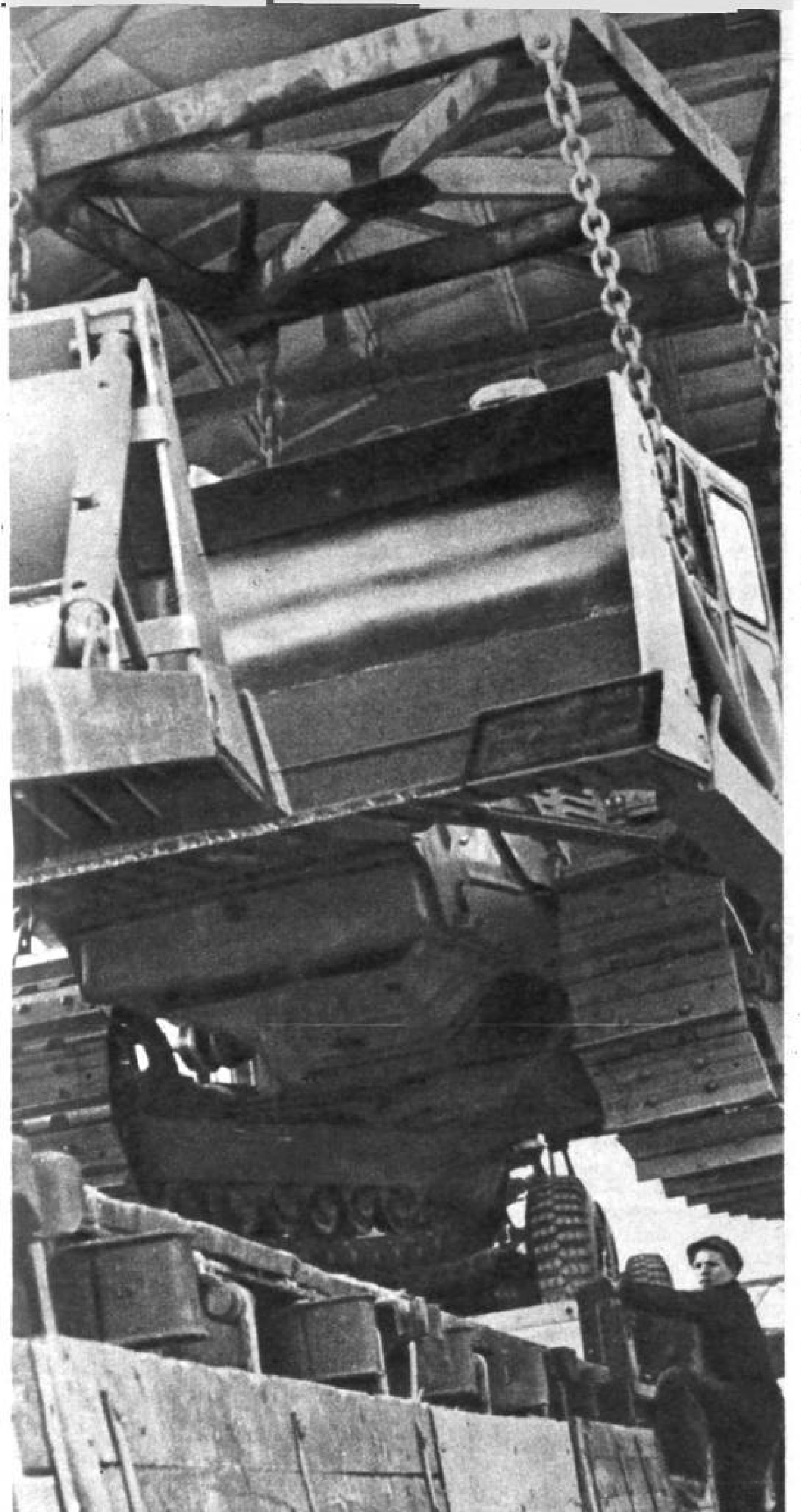
Иду по заводскому двору и думаю о только что состоявшемся разговоре. Хороший разговор. На первый свой вопрос: каким образом завод добился успехов? — ответ я получил. Тут, пожалуй, все ясно. Научная организация труда выдвинулась здесь на первое место давно. Экономическая наука пользовалась уважением, с ее законами считались. И потому даже тогда, когда действовали преимущественно административные методы управления, а рычаги экономические были ослаблены, завод жил так же, как и сейчас,— в заботах о государственной выгоде, о высшей рентабельности производства. Разница в том, что раньше приходилось довольствоваться лишь стимулами моральными, а теперь к ним прибавились, и весьма заметно, стимулы материальные. Да еще в том, что хозяйственная инициатива получила на предприятиях законную прописку, а потому и работать стало несравненно легче.

А вот второй вопрос: все ли идет гладко в рамках новой экономической системы?

Положительного ответа я и не ждал. Инерция старых привычек и старых инструкций очень велика. Разумеется, подводят поставщики и заказчики. Они-то еще не работают по-новому. Первые задерживают комплектующие изделия, вторые не спешат платить за полученные машины. К счастью, это не продлится долго. Со второго полугодия на новую си-

В обеденный перерыв к рабочим приехали артисты Центрального театра Советской Армии. Говорят, что хорошее настроение — также резерв производства.

Бульдозер родом из Челябинска.

Заглянуть в будущее завода легко: надо пойти в «хозяйство» А. А. Фельске, он начальник экспериментального цеха (на снимке слева). Часто бывают здесь и А. М. Спориш (справа) и И. В. Осолодков.

стему перейдет еще одна большая группа предприятий. Тут дело времени.

...И КОТОРУЮ ВРЕМЯ НЕ ИСЦЕЛИТ

В один из понедельников, в четырнадцать тридцать, я пришел в кабинет директора Николая Петровича Богданова, чтобы послушать так называемый рапорт по производству. Об этом рапорте я узнал из плана-графика работы хозяйственников и руководителей общественных организаций, врученного мне Адольфом Михайловичем Споришем. График был составлен для того, чтобы избавиться от стихийных совещаний и кустарщины в управлении.

В кабинете собрались начальники цехов и служб. По существу, рапорт представлял собой обычную производственную планерку. Начальник производства рассказал о работе на прошлой неделе. Начальник отдела снабжения пожаловался на «трактористов» (так называют здесь своих могучих соседей-поставщиков с ЧТЗ) — те не дают машины. Председатель комиссии по культуре производства поставил перед собравшимися задачу — «обеспечить удовлетворительное состояние эстетики и высший комфорт» на каждом участке. Начальники цехов, как и полагается, предъявили друг другу взаимные претензии: кто кому что должен.

Но вот что меня поразило: недочеты, о которых говорилось, были абсолютно всем давно известны. И никто ничего не предпринимал, чтобы их устранить. По одной-единственной причине: не было указаний директора. Впрочем, и директорские указания не всегда помогали: с легкостью в мыслях необыкновенной начальники цехов давали обещания... и тут же забывали о них.

Когда мы остались вдвоем, Николай Петрович Богданов подтвердил, что мое впечатление верное.

— Производственная дисциплина у нас плохая,— сказал он.— Мы научились решать самые сложные технические проблемы, но никак не привыкнем к точности, исполнительности, деловитости...

Почему же так? Объяснение может быть единственным: это не что иное, как рудиментарный остаток административных методов руководства, когда многие решения и указания не подкреплялись экономической необходимостью, а многие экономические законы не имели юридической силы. Тогда, в те времена, низовые производственные руководители (да и не только они!) для каждого своего действия ожидали команду свыше, а с другой стороны, не всегда могли эту команду выполнить, ибо не всегда опиралась она на расчеты и здравый смысл. Об этом еще помнят. Плохая память.

Болезнь эту не исцелит ни время, ни благие призывы. Лучшее лекарство — дальнейшее внедрение хозрасчетных отношений между цехами и участками, между всеми звеньями производственного механизма. Материальная ответственность за поступки и обещания, штраф за бездеятельность. Другими словами, естественное и закономерное развитие новой экономической системы.

ОРДЕН КОМАНДАРМА

...В Центральном музее Советской Армии на втором этаже, возле стенда, где выставлены личные вещи дважды Героя Советского Союза генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, я встретил пожилого человека. На лацкане его пиджака — орден Красного Знамени и медаль «За взятие Берлина».

— А ведь товарищ генерал и погиб-то вроде как у меня на глазах,— сказал он.— Но только теперь я узнал, куда ему осколок попал: вон бекеша-то против сердца пробита.

— Вы, что же, первый раз в музее? — спросил я.

— И в Москве раньше не бывал. Нынче с курорта еду, вот и завернул. Мне однополчанин сказал, что здесь про нашего генерала экспонаты есть...

Мы познакомились. Петр Иванович Фролов работает сейчас шофером, живет в Тюмени. Вместе с Петром Ивановичем мы осмотрели оружие генерала, его партийный билет, прочитали краткую биографию. Иван Данилович Черняховский родился в 1906 году на Украине, в городе Умани. Восемнадцати лет пошел в армию, окончил артиллерийскую школу, Академию механизации и моторизации Советской Армии.

К началу Отечественной войны Черняховский командовал танковым корпусом. Потом — армией, к концу войны стал командующим 3-го Белорусского фронта. Черняховский был одним из самых талантливых советских полководцев.

— Однажды — это было, когда генерал командовал армией,— он пришел к нам в батальон на передовую,— рассказывает Петр Иванович.— И как раз в то время письмо из дома: мать тяжело заболела. Я попросил командира, чтоб мне дали отпуск. Наш комбат капитан Иволгин в докладе командарму упомянул, что мой взвод занял с налета железнодорожный разъезд, захватил два немецких эшелона и, удерживая разъезд до подхода батальона, отбил три контратаки. А потом сказал, что за это меня к награде представили и что я в отпуск прошусь. Командарм вызвал меня, поблагодарил за смелые боевые действия и пожал руку. «Отпуск тебе разрешаю,— говорит,— только как ты без боевой награды в деревню приедешь? Подожди часок-другой, что-нибудь придумаем». И верно: часа через четыре приехал в батальон майор из штаба армии и привез мне орден Красного Знамени. Тот самый, что вы видите. «Получай,— говорит,— командарм тебе свой отдает. Его тоже к Красному Знамени представили, и сегодня он награду получил». «А как же,— спрашиваю,— генерал без ордена будет?» «Ничего, у него орденов много, подождет. Когда твой придет, он его возьмет. А если непременно свой получить хочешь, приедешь из отпуска и поменяетесь с генералом». Майор такой веселый, улыбается, и не поймешь: то ли шутит он, то ли по-серьезному.

Вернулся я из отпуска, и в первом же бою меня ранило. Когда выписали из госпиталя, попал под Кенигсберг, в артиллерию. И опять к генералу Черняховскому. Он уже фронтом командовал. Там, под Кенигсбергом, он и погиб, недалеко от нашей огневой позиции. Мы видели, как по дороге шел «виллис» и перед ним снаряд разорвался. Трое сами из машины выскочили, а четвертого вынесли на руках. И сразу же все бойцы узнали, что это наш командующий... И когда мы потом по фашистам стреляли, то на снарядах писали: «За Черняховского».

А. ГОЛИКОВ

ДЕЙНЕКА

Дерзать, когда рискуешь уже достигнутыми в прошлом завоеваниями,— бесспорно признак большой силы.
Эжен ДЕЛАКРУА

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ЖАРКИЙ ИЮНЬ

Москва. Лето 1933 года. Знойное, пыльное, пахнущее бензином, асфальтовым варевом, запорошенное бетонной пудрой строек. Суета и сутолока будней.

В эти жаркие июньские дни в Москве открылась выставка «Художники РСФСР за пятнадцать лет». В десятках залов развешаны картины художников самых разных возрастов, темпераментов и направлений.

Вернисаж. Яблоку негде упасть. Много выставок мне довелось посетить потом, но такой тесноты не припомню, может быть, потому, что очень все хотелось посмотреть, все было в диковинку, как только могло быть пареньку в шестнадцать лет.

Есть какое-то поразительное свойство памяти, когда некоторые события, или картины, или разговоры остаются в ней на всю жизнь. Таким был этот незабываемый вернисаж.

Помню у холста «Ленин в Смольном» остановились бледный, худощáвый человек со светлыми глазами и рядом с ним огромный, тучный мужчина в яркой тюбетейке. Это были нарком просвещения Бубнов и поэт Демьян Бедный. Они о чем-то увлеченно беседовали с автором картины, длинноволосым и подвижным Бродским. В этот день среди публики вернисажа и около своих полотен можно было увидеть корифеев русской живописи — Бакшеева, Грабаря, Юона, Машкова, Рылова, Нестерова. И присутствие «живых классиков» делало этот день особенно торжественным и значительным. Ко многим картинам пробиться было абсолютно невозможно. Вот группа девушек окружила портрет работы Ряжского «Делегатка». Каждая узнает в ней себя, и их радость непомерна.

Но что это? В одном из залов над нами повисло огромное, странное сооружение из планок и веревок, напоминающее доисторического птеродактиля. Подпись гласит: «Летатлин». Рядом в этом же зале «Черный квадрат» Малевича, а напротив — несколько холстов Филонова. Один из них назывался «Лицо города». В странном калейдоскопе смешались «детали» человека, домов...

Художники чего-то не понимали, что-то не принимали, а жизнь шла дальше. Все вокруг было перепахано, вздыблено. Новые отношения, новые люди. Новый ритм отмеривал часы бытия. И мастера искусства старались понять, осмыслить лицо времени.

«Сеятель» Шадра. Сколько забот о самом сокровенном и важном, всенародном прочтете вы в его взгляде, в его открытом лице! Думы народные, полные истинной тревоги за судьбу Отечества, за правду жизни.

Новые, еще неведомые люди глядели на нас с холстов Иогансона, Чепцова, Малютина, Струнникова, Богородского, Сергея Герасимова...

Были и другие композиции, другие решения. Острые, необычные по цвету картины представили на выставку художники Пименов, Тышлер, Вильямс... Тревога звучит в полотне Петрова-Водкина «1918 год в Петрограде». Скорбно глядит на нас молодая женщина, прижимая к груди ребенка. Беспокойно в городе, народ толпится на площади, о чем-то шепчутся кучки озабоченных людей. Такой увидел новь художник...

В этой удивительной экспозиции были широко представлены талантливые колористы Кончаловский, Машков, Лентулов, Осмеркин. Их жизнелюбивые, яркие полотна, воспевающие природу, мажорные и свежие, радовали душу.

В последнем зале выставки — картины Александра Дейнеки.

Словно сама современность вошла и прочно овладела зрителем. Перед ним порою грубовато, но зримо предстало Сегодня.

«Перед спуском в шахту». Шахтеры, черномазые, широкоплечие. Они ждут начала трудового дня...

Ветер гудит в кружевных металлических конструкциях, развевает платья девушек-строителей в картине «На стройке новых цехов», он будто доносит до нас песни, молодые и смелые. Художник пишет мужественных людей труда. Но, как все сильные люди, он любит детей и с любовью рисует их. Малыш клубочком свернулся и сладко спит. Рядом с ним букет васильков. По всему полотну разлита поразительная тишина...

Подлинным апофеозом выставки была картина Дейнеки «Оборона Петрограда». В небольшом зале все время битком набито. Идут шумные споры...

В суровом молчании, сомкнув ряды, проходят перед зрителями рабочие дружины. Снег. Люди, будто кованные из металла.

Вчера и сегодня. В этом полотне художнику удалось осмыслить ход времени, понять и почувствовать величественный шаг века...

Сила и нежность, грохот маршей и тишина, борьба света и мглы — в этих контрастах весь Дейнека, художник, глубоко постигший сложную душу времени.

Его талант подвергался большим испытаниям. В иные годы язык его картин, простой и острый, не всегда укладывался в привычные рамки. Порою досужие критики приписывали ему формализм. Но мастер оставался верен своему сердцу.

«У нас есть свой... суд — это будущее. Счастлив тот, кто может предстать перед ним» — эти слова Оноре Бальзака может с полным правом произнести Дейнека.

НЕЗНАКОМКА

Стройная, почти хрупкая девушка. Худенькое лицо с нежным, тонким румянцем, милые, чуть раскосые глаза. Русые волосы с непокорной прядью повязаны черным бантом. Все в ней было так просто, естественно и так неуловимо сложно.

...Мы встретились на Кропоткинской улице, на выставке Академии художеств, в чудесном старом особняке с просторными, светлыми залами и каким-то особым ароматом, свойственным домам, которые много лет дружат с художниками, с их картинами, заботами и радостями.

Был канун вернисажа, 21 апреля 1966 года. Брожу по пустынным залам. Вечерело. Весеннее солнце залило ровным светом анфиладу, озарило теплым рефлексом полотна, скульптуры, зажгло янтарным огнем начищенный паркет.

Необъятный мир искусства открылся мне. В торжественной тишине особенно понятен был разговор картин. Десятки самых разных голосов словно напевали, шептали, а порою кричали. Этот безмолвный разговор часто доходил до самого сердца, иногда наводил на раздумья, а порою, несмотря на энергию собеседника, оставлял душу холодной...

И вдруг я встретил ее. В большом сумрачном зале я внезапно ощутил чей-то пристальный взгляд и обернулся.

Высокая девушка строго и чуть грустно смотрела на меня. Во всем облике девушки, в легком ее стане, в почти фарфоровой прозрачности лица было что-то неуловимо напоминающее подруг Софьи Перовской. В гордой посадке головы, в задумчивом изломе бровей, в еле заметном румянце. Даже черный бант в волосах невольно возвращает к давно ушедшим временам.

Но ее спортивная осанка, разлет плечей, непокорно вздернутый нос, чуть тронутые помадой губы, ее руки, сильные и нервные, платье из джерси не оставляли сомнений в том, что это — дитя середины XX века...

Она красива. Ее умный, пристальный взор, оттененный большими, чуть подкрашенными ресницами, волнует. Она немало передумала и много знает. Она уверена в себе. Ее ожидают радости и утраты, она готова принять их. Об этом говорит смелый блеск ее глаз. Неотразимый аромат юности окружает очаровательную незнакомку — это строгое и нежное, мудрое и простое, сложное дитя нашего времени.

Кто она?

Ее, оказывается, зовут «Юный конструктор», она — портрет, написанный академиком Александром Дейнекой. Так гласит надпись на этикетке.

«Юный конструктор» — портрет-символ. С удивительным тактом художник раскрывает перед нами сложный образ молодого современника, наделяя его обаятельными чертами человека — чистого, мечтательного, красивого особой душевной значительностью.

Изыскан, необычен колорит картины. Палитра холста предельно лаконична, но как удается мастеру создать тончайший букет из пепельно-розового, пепельно-голубого цветов, локальных ударов черной и алой краски, великолепно сгармонированных и оттененных сложной игрою белых тонов планшетов с натянутым ватманом! Больше всего поражает

А. Дейнека. ЮНЫЙ КОНСТРУКТОР.

А. Дейнека. СТАРЫЙ РЫНОК В НИМЕ.

ХЕМИНГУЭЙ В ПАРИЖЕ.

необыкновенная свежесть пластического решения холста. Он написан в одно касание — «а-ля прим», с поистине юношеским задором. А ведь надо не забывать, что это произведение создано сегодня ровесником века — художником 1899 года рождения.

РОВЕСНИК ВЕКА

Лифт долго ползет на девятый этаж большого дома на улице Горького. Долго-долго звонит звонок в двери, где прибита металлическая дощечка с надписью: «Дейнека — один звонок». И вы уже собираетесь уходить, когда наконец дверь открывается и суровый хозяин, хитро щурясь, глядит на вас. В темно-вишневой спортивной рубашке с короткими рукавами, красиво простроченной белой ниткой, коренастый, с тяжелыми, рабочими руками, широкоплечий, с осанкой боксера, он с первого взгляда может показаться резковатым, даже грубым. Его пристальный взгляд, его массивное лицо с резкими морщинами на лбу, короткие волосы, всю жизнь непокорно торчащие на затылке, ироническая складка у рта смущают. А если помнить о его всемирной славе, то все это вместе кого хочешь выведет из равновесия, если не знать близко этого внешне грозного человека.

Он всегда напоминает мне огромного медведя, который ни за что не хочет показать свою затаенную, уязвимую, доброту.

Может быть, время, жизнь приучили его быть осторожным. Он, как все пожившие и повидавшие много люди, с трудом привыкает к новым знакомым, с ним не всегда легко говорить, но когда он осторожно берет в свою огромную, сильную руку вашу и бережно, как все по-настоящему сильные люди, пожимает ее, вы чувствуете — это большой и мудрый человек.

Мастерская Дейнеки. Целый мир, в котором не так просто разобраться. Венера Милосская и бельведерский торс (слепки в натуру) соседствуют с бесценными русскими иконами XIV и XV веков. Оригинал «Балерины» Дега и рядом шедевр самого хозяина — «На балконе», обошедший весь мир. Стены увешаны уникальными репродукциями Паоло Учелло, Ван Гога, Пикассо. Деревянные скульптуры «Боксера» и «Женщины», вырубленные Дейнекой почти в натуральную величину, и маленькие керамические фигурки, сделанные им же, огромные начатые холсты с намеченным углем рисунком и готовые пейзажи, натюрморты, интерьеры. Большой диван завален журналами, пришедшими со всех концов света, и, конечно, прежде всего книги, книги, книги. Надо сказать, что у Дейнеки — одно из лучших в Москве собраний книг по искусству. И несмотря на весь этот кажущийся хаос — французских палитр, сотен кистей, мексиканских ритуальных масок, блоков мозаики, деталей витражей, папок с рисунками — словом, тысячи самых разнородных предметов, во всем этом космическом беспорядке есть своя железная логика, известная лишь хозяину мастерской. И не дай бог кому-нибудь потревожить этот заведенный порядок — хлопот не оберешься.

— Думаешь, ты первый спрашиваешь, кто эта девушка, где я ее нашел? — улыбнулся Дейнека в ответ на мой вопрос о «Юном конструкторе».— Да нигде я ее не находил, я ее просто взял да придумал.— Тут он беззвучно рассмеялся.— Да-да, и не воображай, что я фантазирую. Просто я очень много раз встречал таких милых, славных и умных девушек в институтах, на стадионах, в концертах, у знакомых и запоминал все, что особо радовало и огорчало или поражало меня. Эта девушка не Светлана, не Ольга, не Нонна. Она дитя века!..

...Ночь. За огромным, во всю стену, окном мастерской — панорама Москвы. Горят, переливаются, трепещут огни гигантского города.

ТВОРИТЬ — ЗНАЧИТ УБИВАТЬ СМЕРТЬ

— Никогда мне не забыть далекую, светлую пору моей юности — ВХУТЕМАСС,— рассказывает Дейнека.— Как будто сегодня, сижу на барьере сухого фонтана в небольшом дворике с садиком и смотрю на шумный народ, толпящийся вокруг. Вот стоит сдержанный, с черной бородкой Прусаков, внимательно слушает круглолицего, с копной волос на голове, буйно жестикулирующего Гончарова. Проходит изящный Вильямс с молодым белобрысым Сергеем Образцовым. Поодиночке, не зная еще друг друга, бредут двором будущие Кукрыниксы. Топает милый увалень Эйзенштейн, сидит с фотоаппаратом в кругу соратников Родченко. Стайкой, как монашенки, идут ученицы Фаворского. А вот и профессора...

Могучий Кончаловский о чем-то спорит с маленьким, еле поспевающим за ним Штеренбергом. Не торопясь прошествовал по-мужицки одетый бородатый Фаворский. Рысцой пробежал щеголеватый Осмеркин... Наверное, окончился совет.

Студенты ВХУТЕМАССа напоминали «бурсу», шумную, увлекающуюся, полную сил. На лето эта колоритная ватага разлеталась по далеким и близким городам и селам, чтобы осенью опять создавать бесконечные натюрморты, спорить о Пикассо, увлекаться кино, слушать лекции, заниматься спортом.

На всю жизнь у меня остался вхутемассовский заряд бодрости, желания дерзать, спорить и, главное, не топтаться на месте. И когда мне в жизни приходилось туго — а это бывало,— я всегда вспоминал слова, сказанные мне Маяковским: «Надо вырвать радость у грядущих дней, Саша». И вот, как видишь, сдюжил...

...Ты спрашиваешь меня, как Париж? Могу тебе сказать: совсем другой. Тогда, в ту поездку, в 1935 году, он мне показался серебристо-серым, очень похожим на живопись Сислея и Писсаро. Сейчас это другой город. В нем заиграли новые, локальные краски реклам, одежд, машин. В этой новой гамме Парижа большая роль художников Пикассо, Леже, Люрса и других, много работавших над декором архитектуры, влиявших на тональность и силуэт одежды людей, на уровень промышленной графики.

Жан Люрса говорил мне:

— Огромные нагие пространства современной архитектуры нуждаются в очеловечивании... Мне нужно ощущение живой плоти, живой жизни в том пространстве, которое служит мне жильем. Мне нужна зелень, звезды, человек...

И я совершенно согласен с ним.

Люрса умер в этом году, но он оставил людям радость своих созданий.

Гобелены Люрса, декоративные решения Леже, некоторые монументальные работы Пикассо служат этой большой задаче — очеловечиванию архитектурных конструкций, созданию декора, делающего современный интерьер или городской пейзаж нарядным, радостным. В этом смысле очень интересен музей Леже под Каннами, созданный стараниями его друзей. Жаль только, что ему уже не довелось побывать в нем. Но это старая грустная история из жизни художников...

...Многие говорят: как ты ухитряешься все успевать,— а я им отвечаю: я люблю работать! Сколько себя помню, я всегда рисовал. В пять лет я засыпал над рисунками от творческого напряжения. Примитивные, они, эти ранние зарисовки, были предельно искренни. Вот и сегодня,— и тут Дейнека как-то застенчиво поглядел на свои тяжелые руки, с узловатыми пальцами,— вот и сегодня я делаю то же самое — работаю до упаду и стараюсь быть искренним. Вот и все.

Он встал, зашел за большой холст, стоящий на мольберте, и через минуту вынес небольшое полотно и молча поставил его у стены.

...Распахнув дверь, в дом вошла элегантная дама. Норковая шубка, черная модная шляпа, черные перчатки, длинное вечернее платье. В ее фигуре и улыбке была какая-то особая, вкрадчивая приветливость. Но от этой ласковой обходительности мороз пробегал по коже. Дело в том, что вместо лица из-под полей шляпки на нас глядел... череп.

— Последняя гостья,— объявил, улыбаясь, Дейнека.— Как-то я написал этот холст, но специально не заканчиваю. Еще рано, погожу, впереди много дел.

Солнце, раскаленное июньское солнце нагрело крышу мансарды, в мастерской, несмотря на раскрытые широко окна, душно.

Город за огромными окнами таял в сизом мареве лета.

— Ромен Роллан здорово сказал когда-то,— задумчиво промолвил Дейнека.— Творить — это значит убивать смерть!

НОВОЕ СЛОВО

Вглядитесь в чеканный профиль великого Данте на фреске Рафаэля, и пред вами, как по волшебству, предстанет Ренессанс — эпоха гигантов, и в то же мгновение вам откроется одна из самых сокровенных тайн мира — трепетная душа времени.

...Современность... Живая ткань истории, каждое мгновение которой либо созидание, либо хаос, либо творчество и радость, либо разрушение и трагедия. Но ни минуты покоя, и так каждый день, каждый час, каждую секунду человеческого бытия. И в этом каждодневном свершении великий смысл слова — сегодня.

Сегодня... Оно предстает перед нами не только в сверкании и реве лунных ракет и ослепительных вспышках новостроек, но и в милой улыбке спящего малыша, шелесте трав, в слезах матерей, в немеркнущей жизни поэзии, музыки, живописи, в вечной борьбе света и мрака.

Эта старая, как мир, истина, к сожалению, иногда забывается художниками, которые не видят нового. А оно властно требует от всех роста, поиска и движения. Сегодня всякий покой, не говоря о движении назад в искусстве, категорически противопоказан. Ничто так не пагубно для художника-реалиста, как видеть действительность через очки старого искусства.

* * *

Мартирос Сарьян в одной из последних статей, «Во имя этой красоты», пишет: «Представителями современной живописи являются Гуттузо и Пикассо, Сергей Герасимов и Дейнека, американец Уайес... Все они, несмотря на разную манеру письма или, как говорят, различные школы, почитаются современниками...»

Дейнека. Он вошел в мир искусства сорок лет тому назад, широко распахнув двери, и вместе с ним ворвались в этот мир звуки, цвета, ароматы времени, в котором он живет.

Сорок с лишним лет Александр Дейнека идет вместе со своим народом, деля с ним радости и горе, часы веселья и тяжких раздумий. Его труд, каждодневный, неустанный, его постоянный поиск, его неутомимая жажда видеть и понимать новое восхищают и поражают.

Дейнека... Его творчество можно любить или не любить. Но именно сегодня особенно ясно, что его искусство прочно вошло в нашу жизнь, а образы, созданные им, обрели поистине магическую реальность. Время — безжалостный судья, оно решительно выметает шелуху и мусор и оставляет истинные ценности; среди этих непреходящих ценностей — картины Дейнеки...

И когда утром солнце снова встает над Москвой, то каждый раз оно встречается с крепким, коренастым мужчиной, который пишет картину или рисует, либо компонует эскизы витражей и мозаик.

Это Дейнека — наш современник.

Марк БАРИНОВ

Фото Е. Умнова.

КУДА ПЛЫВУТ

Материки плывут, как корабли. Красивая, поэтичная идея... Но высказали ее не поэты. Это одна из гипотез, которую всерьез обсуждали крупнейшие ученые мира на Международном океанологическом конгрессе, проходившем недавно в Москве. Она связана с кардинальным вопросом происхождения материков и океанов, происхождением нашей Земли.

Об этом я много разговаривал с четырьмя учеными: советским, американским, немецким и французским.

Ведущий ученый Ламонтской геологической обсерватории Колумбийского университета США доктор Б. С. Хизен — высокий, плотный, румяный американец с мохнатыми бровями и открытой улыбкой. Доктор Хизен — крупный специалист по геологии больших глубин.

Профессор Гламжо — морской геолог, известный специалист по Средиземному морю. С истинно французской учтивостью он спросил у моей переводчицы, не француженка ли она (такой выговор!), а потом повел беседу стремительно и экспансивно, выразительно жестикулируя.

Мюнхенский профессор Краус явился на встречу со мной секунда в секунду и говорил очень точно, педантично, суховато и очень ясно. Замечу при этом, что говорил он о вещах фантастических.

Александр Ильин — кандидат географических наук, морской геолог, опытный моряк. Сколько раз, рассказывая мне о новых исследованиях, о выводах и обобщениях, он вдруг задумывался и неожиданно заключал: «А может быть, это совсем не так...»!

Александр Васильевич Ильин рассказал о том, что за последние годы пристальное внимание морских геологов было обращено на так называемые рифтовые системы океанов.

Рифтовая система Атлантического океана — Срединно-Атлантический хребет — простирается от Исландии почти до Антарктиды и занимает площадь, в полтора раза превышающую площадь нашей Родины. Эта горная система возвышается над дном на 3—4 тысячи метров. Ее гребень имеет вид острого и крутого выступа, как бы вытолкнутого из массивного тела хребта.

Но самое интересное для геологов то, что меж самых высоких гребней хребта расположены узкие глубочайшие долины, напоминающие щели. Это рифтовые долины. Они разрезают во многих местах Срединно-Атлантический хребет так, словно эта горная система глубоко рассечена клинком. «Рифт» в переводе на общепонятный язык означает «трещина», «разрыв».

Американский исследователь доктор Хизен одним из первых обратил внимание на необычность этого явления. Рифтовые долины, имеющие ширину от нескольких морских миль до нескольких сот метров, достигают при этом глубины нескольких километров. Крайне интересно, что именно в районах рифтовых долин находятся почти все действующие подводные вулканы, а их сотни в Атлантике, и ежегодно исследователи открывают десятки новых! Здесь же располагаются эпицентры большинства подводных землетрясений. Тепловой поток, идущий из недр планеты, в рифтовых долинах значительно выше, чем во всех остальных областях дна океана. Словом, именно здесь находятся зоны активной тектонической деятельности планеты, самые могучие процессы вулканизма. Ильин подчеркивает, что речь может идти не о вулканизме в обычном понимании этого слова, а о вулканической стихии, приводящей к нагромождению гигантских количеств базальтов и формированию хребтов.

И так не только в Атлантическом океане! Новейшие исследования установили грандиозную картину рифтовых систем. Оказывается, срединные хребты, переходя из одного в другой, существуют во всех океанах и обнимают всю Землю, словно спрут, и всюду все хребты имеют рифтовые долины — незаживающие раны на теле Земли.

Протяженность рифтовых систем на дне океанов достигает грандиозной цифры — 60 тысяч километров, а их общая площадь примерно равна площади всей суши! Посудите теперь сами, может ли наша старая планета считаться спокойной, если треть ее поверхности живет активнейшей тектонической жизнью!

Говоря об особенностях рифтовых систем, нельзя не вспомнить об очень интересном открытии советского океанолога Глеба Борисовича Удинцева, сделанном во время тридцать шестого рейса экспедиционного судна «Витязь». Он обнаружил, что в рифтовой долине срединного хребта Индийского океана таинственная мантия Земли подходит почти к самой поверхности дна.

Я спросил А. В. Ильина:

— А что такое все же мантия?

Он подумал и ответил:

— Этого никто не знает... Я говорю, точно никто не знает, предположений очень много...

Геологи давно уже прощупали Землю сейсмическими волнами. Установлено, что до некоторой глубины эти волны распространяются с определенной скоростью, и вдруг скорость эта резко меняется, затем, еще дальше, на глубине уже тысяч километров, скорость снова резко меняется. Объяснение одно: наша планета, грубо говоря, трехслойна. И ученые назвали верхний слой корой, следующий — мантией, а центральную часть — ядром. Есть предположение, что мантия состоит из основных пород, слагающих планету. Есть предположение также, что вещество мантии пластично. Секреты образования полезных ископаемых, секреты полного овладения кладовыми природы скрыты в мантии, и поэтому так стремятся к ней ученые.

Все, что находится в водах океана, в конце концов попадает на дно. Живые организмы умирают, и их останки опускаются в пучину, частицы, принесенные с суши ветрами и реками, тоже оказываются на дне. Миллионы и миллионы лет длится этот процесс, и в результате — огромные толщи осадков. Они могут рассказать о многом. И прежде всего о процессах, происходящих на суше. Ведь 95% всей поверхности суши состоит из осадочных пород, то есть бывших когда-то дном океана!

Исследуя донные осадки в районе рифтовых систем, ученые обнаружили ярко выраженную закономерность, проявляющуюся почти всюду. В районе рифтовых хребтов толщина осадочного слоя практически равна нулю. А чем дальше мы отступаем от центральных гребней, тем ровнее склоны, тем толще осадки, тем... да, да, тем древнее дно! Вот к каким выводам пришли многие исследователи: рифтовые системы молодые (в геологическом, разумеется, понимании этого слова). Но давайте рассуждать дальше. Предположим такую картину: на дне произошел катаклизм — образовалась трещина в коре Земли, потом извержение вулканических масс, вырос хребет, образовалась рифтовая долина. Какую картину мы смогли бы наблюдать в этом случае? Полное отсутствие осадков на самом хребте и общий со всем остальным дном толстый слой осадков сразу за его пределами. А на самом деле? Наблюдается **постепенное** повышение слоя осадков. Почему? И тут кончаются точные сведения и начинается гипотеза...

Перенесемся мысленно на 54 года в прошлое. В 1912 году молодой немецкий геофизик Альфред Вегенер опубликовал книгу «Происхождение материков и океанов», книгу, которая стала сенсацией в ученом мире, породила много споров. В ней Вегенер предложил гипотезу, согласно которой в незапамятные времена Америка, Африка и Евразия составляли единый материк. Впоследствии он раскололся, а куски его, словно корабли, расплылись по магме в разные стороны. Так, по Вегенеру, образовались Америка, Африка и Евразия, так образовался Атлантический океан. Вегенер доказывал также, что Срединно-Атлантический хребет — это «отставший кусок Америки».

Пожалуй, наиболее сильным, прямо-таки гипнотизирующим доводом в пользу гипотезы немецкого ученого было удивительное совпадение очертаний материков. Попробуйте вырезать из карты Америку, Евразию, Африку и сложить их вместе. «Зазор» будет минимальным.

Впоследствии гипотеза Вегенера была отвергнута многими геологами. Она надолго стала для большинства океанологов красивой фантазией.

Вернемся, однако, к вопросу о донных осадках в районах рифтовых систем. Итак, повышение толщи слоя осадков происходит с удалением от середины хребта. О чем это говорит? А. Ильин, его коллега из США доктор Хизен, французский профессор Гламжо, профессор из Мюнхена семидесятисемилетний доктор Краус, кстати сказать, близкий друг Вегенера, а с ними многие другие исследователи считают, что подобное явление можно объяснить лишь одним. А именно тем, что материки движутся!

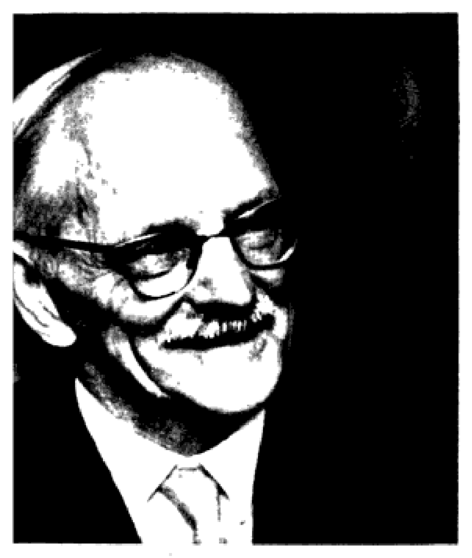
А. В. Ильин сделал расчет и установил, что скорость горизонтального движения блоков Земли в некоторых районах дна Атлантического океана равна 0,5 сантиметра в год. Скорость, что и говорить, не космическая, но ведь у геологических процессов впереди вечность!

Гипотеза очень хорошо объясняет роль и значение рифтовой системы Срединно-Атлантического хребта. Это здесь в незапамятные времена произошел разлом коры Земли, именно отсюда гигантские силы начали свою работу по раздвижению материков, именно поэтому ученые наблюдают главную особенность дна Атлантического океана, заключающуюся в общем смягчении рельефа в стороны от хребта, в понижении тектонической деятельности, в увеличении толщи донных отложений. Гипотеза Вегенера набирает силу, привлекает все больше сторонников.

Впрочем, доктор Краус никогда не считал ее гипотезой. Он

МАТЕРИКИ ?

Кандидат географических наук А. В. Ильин: Нас ждут впереди самые удивительные открытия.

Профессор Краус: Океанология — мост между народами. Мы можем добиться успеха только в совместной работе.

Доктор Хизен: Рифтовые долины — эпицентры большинства подводных землетрясений.

Профессор Гламжо: Природа вечно в движении. Дрейф континентов — еще одно подтверждение этого высшего философского принципа.

рассказал, что однажды в далекой своей молодости, проговорив ночь с Альфредом Вегенером, он стал на всю жизнь сторонником этой, как он категорически утверждает, теории.

Старый геолог рассказал мне о своих взглядах ча образование материков и океанов.

В незапамятные времена в районе южных полярных широт существовал грандиозный материк Гондвана.

Я не удержался и спросил:

— Когда именно?

Краус улыбнулся:

— Ну, скажем, два или три миллиарда лет тому назад.

Впоследствии, под влиянием тепловых подкорковых потоков Гондвана распалась на Америку, Австралию, Лемурию и Африку. Материки разошлись в разные стороны. Потом Лемурия, в свою очередь, распалась на Мадагаскар и Индию, которая совершила путь к берегам Евразии. Так, по словам профессора Крауса, образовались Индийский и Атлантический океаны. И следы этих событий — срединные хребты и рифтовые долины на дне океанов.

Профессор Гламжо сказал, что теория дрейфа континентов подтверждается и его исследованиями небольшой рифтовой системы Средиземного моря. Французский ученый утверждает, что это море — остаток океана, ликвидированного «придвигающейся» к Евразии Африкой.

— Но, я надеюсь, все это дела давно минувших дней? Теперь-то мы прочно стоим на якоре? — спросил я.

— Нет! — в один голос ответили Ильин, Гламжо и Краус.

Процесс продолжается, сказал Ильин, доказательством тому может служить, в частности, движение блоков Земли в районе Исландии. Процесс продолжается, сказал Краус, Тянь-Шань, Памир, Гималаи — результат «вдвигания» Индии в Азию, а тектоническая деятельность в этом районе — лишнее тому доказательство.

Но в чем причина этого грандиозного явления?

Ученые напоминают мне, что на такие категорические вопросы современная океанология не может дать уверенного ответа. Можно предложить гипотезу.

Итак, гипотеза в гипотезе...

Доктор Хизен считает, что раз налицо имеется дрейф материков, разломы коры и не наблюдается существенных сжатий, речь может идти о расширении, распухании нашей планеты.

Ильин, Гламжо и Краус высказывают другие предположения.

Ильин рассказывает о гипотезе конвекционных потоков в мантии Земли. Вещество мантии разогрето неравномерно, считают сторонники этой гипотезы, возникает движение потока вещества из более теплого очага к более холодным областям. Эти восходящие из глубин планеты потоки можно представить себе в виде фонтанов, доходящих до самой коры и затем расходящихся в разные стороны. Могучая сила их движения заставляет перемещаться материки и дно океанов от центральной части восходящего потока. Предполагается, что рифтовые долины и есть разломы коры над восходящей ветвью потока. Таким образом, гипотеза связывает мысль Вегенера о дрейфе материков с современным взглядом на неразрывность земной коры и мантии.

Профессор Гламжо добавляет: по его мнению, не следует считать, что на протяжении истории Земли горизонтальные движения происходили только в одном направлении. Нет, материки движутся словно корабли в дрейфе: по прихоти моря.

Существует двадцать гипотез, двадцать попыток научно ответить на вопрос о происхождении материков и океанов. Мы беседовали только об одной из них. А проблем перед океанологией сотни, а гипотез тысячи...

На прощание я задаю сакраментальный вопрос еще об одной гипотезе: была ли Атлантида? Ученые улыбаются. Чуть насмешливо, чуть грустно. Кто не переживал в разном возрасте увлечение этой таинственной страной, этой красивой легендой?!

— Я специально обследовал донные осадки в районе, указанном Платоном. За последние тридцать — сорок тысяч лет никакой суши в том районе не было, — говорит Ильин.

— Быть может, доктор Хизен меня обнадежит? — спрашиваю я.

Доктор Хизен с улыбкой показывает оттиск своей статьи со схемой участка суши в Средиземном море в районе Крита и островов возле Пелопоннесского полуострова.

— Вот Атлантида Платона, — с улыбкой говорит он, — и погибла она в 1400 году до нашей эры.

— Чепуха, — заявляет профессор Гламжо, — ни в Атлантике, ни в Средиземном море никакой Атлантиды не было! Греки пошутили, а мы до сих пор ломаем головы!

— Кто знает, кто знает... — задумчиво покачивает головой доктор Краус.

Когда узнаешь что-то новое, важное, в первый момент не в состоянии охватить и оценить всего смысла и значения открывшегося тебе. Плавание материков... Может быть, это все-таки фантазия, не имеющая перспектив в большой науке?

И я решил еще раз поговорить об этом. Два крупнейших геолога нашей страны согласились побеседовать со мной.

Академики Александр Вольдемарович Пейве и Александр Леонидович Яншин подтвердили, что гипотеза о плавании континентов имеет первостепенное значение в современной науке.

— Геологические исследования последнего десятилетия и в первую очередь глубокое бурение в складчатых областях, — сказал академик Пейве, — показали, что горизонтальные движения имеют ведущее значение при формировании земной коры. Эта мысль очень громко прозвучала на конгрессе в выступлениях представителей мировой науки.

— Нужно только ясно представлять себе сложность этого явления, — добавил академик Яншин. — Дело в том, что речь идет не о плавании материков, как кораблей в океане. Есть данные, что мантия тверда, как и кора Земли. Следует говорить о горизонтальных движениях блоков Земли — слой по слою. И даже не о движениях лишь континентов, но порой о движении больших или малых частей материков, а иногда о движении части материка вместе с частью океанического дна.

Что же касается причин этих грандиозных перемещений, — продолжал Александр Леонидович, — то надо вспомнить о том, что наша планета находится в сложном движении. Вращение вокруг оси, движение на орбите, движение вместе с солнечной системой... Все это порождает в коре и мантии силы, приводящие к перемещению материков, дна океанов в разных комбинациях и разных направлениях. Но при этом следует не забывать и о грандиозных вертикальных движениях — опусканиях и подъемах частей земной коры, — которые давно знает и изучает геология.

Природа очень сложна. Мы знаем это и не боимся этого, несмотря на то, что процесс познания еще расширяет сферу неведомого, — закончил академик Яншин.

Возвращаясь домой после этой важной беседы, я подумал: как беден воображением и ленив порой бывает наш мозг! Атлантида... Прекрасная поэтическая сказка. А сколько живых, существующих на самом деле атлантид окружает нас со всех сторон, тревожит, будоражит, ждет нас со своими тайнами, загадками, вопросами!

Гремите, колокола!

Анатолий КАЛИНИН

РОМАН

Рисунки П. Пинкисевича.

Ее давно уже приметили с палуб речных судов, огибавших остров по глубоководному правому р а з р е з у Дона. Еще бы не приметить! Буксирные катера, самоходные грузовые баржи, пассажирские лайнеры и ракеты местной линии, бороздившие Дон, миновали разбросавшийся по отлогому берегу хутор всегда в одни и те же часы, и всегда в эти часы можно было увидеть с их палуб на знойно сверкающей островной косе ее одинокую фигуру в зеленом купальнике, как будто облепленную теми самыми листьями, что непроницаемой кровлей укрывали придонские виноградные сады. Или же она гребла, огибая остров на плоскодонке, а на корме, подняв уши, сидел громадный, невиданной серо-голубой масти пес, поворачивая из стороны в сторону лобастую волчью морду. Вероятно, это был еще щенок, иначе он не провожал бы каждое судно грозно-звучным, срывающимся лаем. И играла она с ним на берегу как со щенком. Плавать она умела так, что даже матросов на судах охватывал озноб, когда она подплывала под самый борт и ее зеленое тело начинало извиваться на гребнях волн, поднятых судовыми винтами. Можно было подумать, что она испытывает себя на самой границе страха.

И вскоре уже те же самые яблоки, которыми бомбардировала она суда, из орудий войны превратились в орудия мира и дружбы. Проплывая мимо, матросы заискивали:

— Казачка молодая, кинь-ка яблочко!

Она никогда не отказывала, до дна опустошая свою белую клеенчатую сумку, и ловила бросаемые ей в обмен с борта судна вяленые рыбины: чехонь, синьгу, а иногда и донского рыбца. Тут же она и разделывалась с рыбой, не забывая поделиться со своим четвероногим другом, после чего он то и дело хватал пастью воду. Матросы уже подслушали, что зовет она своего диковинного зверя Ромкой, и кричали ему:

— Ромка, плыви к нам!

И теперь уже он, стоя на берегу или на корме лодки, будто отлитый из какого-то серебристо-серого металла, отвечал им не угрожающим, а беззлобным и, пожалуй, дружелюбным лаем. Во всяком случае, холка у него не вставала дыбом.

И матросам становилось уже не по себе, когда, проплывая мимо хутора, они не находили на обычном месте знакомую фигуру в лиственного цвета купальнике или же в трусиках и в тельняшке, которую как-то бросил ей с палубы яхты один моторист, восхищенный тем, как она в бурю разворачивала среди волн лодку. Если ее не оказывалось на косе, в лодке или же еще где-нибудь на берегу, матросам уже чего-то не хватало, а если она не показывалась два или три дня, они начинали испытывать беспокойство: уж не случилось ли чего-нибудь с их казачкой? И в сердца этих грубоватых людей закрадывалась тревога: не заболела ли она или же, чего доброго, вдруг взяла и уехала, бросив их на произвол судьбы, а то унес ее отсюда с собой какой-нибудь залетный гусь?

Об этом они не хотели и думать. И, минуя хутор, они буравили взорами листву огромного дерева, за которым укрывался дощатый, как застекленный скворечник, дом на яру. Если это было в пору разливов или же если выше по Дону были открыты в Цимлянской плотине шандоры и из нового степного моря в низовья сбрасывалось много воды, знакомая им зеленая лодка покачивалась на приколе под яром у самого дома. Но больше так ничего и нельзя было увидеть сквозь густую листву. Только проблескивали сквозь нее стекла веранды, опоясавшей дом на яру.

Откуда было знать матросам, что в это самое время их казачка или неподвижно сидит у себя на веранде на скамеечке и незряче смотрит на вращающийся перед нею пластмассовый черный круг, или же лежит на раскладушке на спине и вслушивается в звуки, извлекаемые из этого круга острием корунда. В полдень сплошные стекла веранды, обращенные к Дону, пылали нестерпимо для глаза, а на исходе дня холодновато, как зимний донской лед, мерцали сквозь ветви дерева, закрывающего собой половину дома.

И если замкнулась она на крючок, то никто не приближайся к ее двери. Тем более когда звучала за дверью музыка. Но и тогда, когда там было тихо, все равно лучше было дождаться, когда она выйдет сама. То ли читает вслух там книжку на английском языке, то ли что-то записывает, сидя за столиком у окна, в коричневую клеенчатую тетрадь. Раньше всегда такая доверчивая, прячет эту тетрадь в ящик стола и запирает на ключ. Иногда, оставаясь вечером дома, Луговой внутренне усмехался, подумав, что он сидит в своей комнате у стола за составлением очередной записки в винтрест о преимуществах правобережного виноградарства перед левобережным, его жена наводит порядок в своей книге регистрации больных, которую она обычно прихватывала с собой с медпункта, а их дочь в это время ведет какую-то свою книгу — не иначе дневник. А зачем же еще в ее возрасте прятать тетрадь? Близкие люди, одна семья, и у каждого — своя жизнь. Но если у двоих из этой семьи никаких секретов друг от друга нет, то у третьей, самой юной, уже появилась своя тайна, ревниво охраняемая ею от родительских взоров.

Луговой усмехался: пусть... Когда-нибудь она и сама улыбнется, если не посмеется над тем, что прятала от всех, доверяя только бумаге свои семнадцать лет.

И эта комната, столь же глянцевито-зеленая, как и листва клена, окутавшего своими мохнатыми лапами угол веранды, впервые так полюбилась ей тоже года два-три назад. Правда, переселялась она туда и раньше, особенно когда приезжала Абастик, но вообще больше спала в одной комнате с матерью и никогда не переселялась на веранду так рано, как теперь, когда еще только взламывался на Дону лед, еще зоревали на ветвях клена румяные сизые гроздья почек, а стекла окон расписывались к утру морозом. Тогда-то она впервые сумела отбить и атаки матери, напуганной ее постоянными ангинами, согласившись лишь на то, чтобы, кроме одеяла, взять с собой на веранду еще и отцовскую бурку.

К этой бурке у нее, кажется, было особое отношение еще и потому, что она издавна соединялась в ее сознании с той самой историей, которая волновала ее воображение еще в раннем детстве. Впервые Наташа услышала о ней еще совсем маленькой, когда приехал к отцу, перед тем как поселиться по соседству, в Раздорской, его фронтовой друг Скворцов, жил у них дня три, наполнив дом шумом своих гулких шагов и отрывистым хохотом. Особенно громко принимался он смеяться, когда начинал требовать у Наташиного отца за столом, чтобы тот рассказал, как это между боями с гитлеровцами он успел прикрыть полой своей бурки чужую жену и увезти ее от законного мужа к себе в полк. И женщина эта, оказывается, была не кто иная, как затаенно улыбавшаяся при этих словах Наташина мать. Чем больше отец, посмеиваясь, отнекивался, а мать, как молоденькая девушка, заливалась румянцем, тем сильнее и у Наташи разжигалось любопытство:

— Па, ну расскажи! Ма, ну скажи ему!!

И не отставала от них вместе со своим могущественным союзником вплоть до той самой поры, пока отец не сдавался. Но и после она еще не раз требовала от него, чтобы он повторял ей эту историю со всеми подробностями, точно так же, как настаивала раньше, чтобы он вместо колыбельной убаюкивал ее песней о казаке. Неужели это правда, что отец увез мать верхом на лошади под той самой черной, косматой буркой, которую теперь достают из сундука всякий раз, когда к ним сразу наезжает много гостей и не хватает одеял укрываться?! А на одной из фотографий, хранившихся у них в семье, и сама мать была в такой же бурке, в которую, по ее словам, она закутывалась зимой, переезжая с санитарным обозом с места на место. На этой фотографии мать молодая, строгая, и совсем не верится, что это она теперь так трясется, чтобы ее дочка не простудилась, не упала с де-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 25, 26.

рева, не перекупалась и не перегрелась на солнце.

И отец не лучше. Все хуторские дети осенью и зимой ходят берегом в школу в станицу и обратно, и никто из родителей никого не провожает и не встречает, не боятся, что их деточки могут по дороге замерзнуть или их волки съедят. От стыда перед подругами некуда глаза девать. А если чему случиться, оно все равно случится, как это было однажды и при матери, когда Наташа отбежала от нее на десять шагов помыть сапоги, а изъеденный мартовским солнцем лед провалился под ней. Ну и ничего страшного не произошло: тут же в домике у бакенщика Ярыженского высушилась, и даже без насморка обошлось. Зато разговоров потом хватило года на три.

Но вот она опять появлялась вместе с Ромкой, и ее иногда даже приветствовали с проходивших судов гудками, от которых взмывали с острова вороны и долго с карканьем кружились над вербами. И в такие дни, если она подплывала на лодке близко к баржам и катерам, на нее уже сыпался целый град рыбин, навяленных матросами на донском сквозняке. Тут же она и начинала отрывать от них перья, отдирать жирные спинки, а ее разлаявшемуся на радостях псу доставались головы.

Если же и не на Дону она опять пропадает до вечера, то наверняка продирается сквозь заросли терна и шиповника на склонах бугров и правобережных балок. Желтобрюхи уползают у нее из-под ног. Неверно, что они своей твердой и круглой, как большой орех, шишкой на хвосте могут до смерти захлестать человека. Они совсем мирные, как и все то, что здесь ползает, шныряет между камнями, в траве, в чакане и копошится, трепещет в ветвях, летает, попискивает и скрежещет. И только коршуны, высматривающие сверху ящериц в траве и цыплят в хуторских дворах, составляют исключение из правила. Зато и красивы они, когда описывают свои круги на недвижных крыльях.

Ромка обнюхивает каждый пень и каждую нору, перепрыгивает через ерики и перебредает родники, вылезая из суглинистой жижи с обагренными ногами, а из подернутых цвелью музгочек весь в ядовитой зелени и шныряя в бурьянах так, что только по темной, извивающейся спине и можно найти его. На боках у него низками виснут репьи, которые он потом весь вечер будет деловито выкусывать вместе с шерстью. Золотистая бахромка репьев и на платье у Наташи. На изодранных шиповником, дерезой, исхлестанных черноталом ногах никогда не заживают багровые шрамы и рубцы, и платье, кожа, волосы насквозь пропахли полынью, чебрецом, росой и солнцем. А зимой с ее бедер и с колен не сходят синяки, потому что, когда съезжаешь с вершины Володина кургана, не всегда успеваешь развивающие космическую скорость сани вывернуть в проулок, и они или переворачиваются, или вламываются в чей-нибудь плетень.

Каждый день теперь что-нибудь новое, доселе неизвестное им, узнавали о ней отец с матерью. Как-то большие сани, на которых вместе с Наташей спускались с Володина кургана соседская Верка и ее братишка Петька, застигли бабку Лущилиху в таком месте, откуда не всегда можно успеть эвакуироваться в приличном виде. Спасаясь, Лущилиха так и забыла, что у нее в руках ее юбки.

Верка и Петька сопровождали Наташу в ее походах обычно лишь до той поры, пока ей опять не хотелось остаться совершенно одной — наедине с Доном, распростертым над ним небом и со своими мыслями. И тогда ей стоило лишь сказать им одно слово, чтобы они моментально исчезли. Свои мысли она ни с кем не хотела делить. Только Ромка, скользящий у ее ног серо-голубой тенью, никогда ей не мешал.

— Ромка, назад! Не бойтесь, дядя Андрей, он еще совсем щенок. Ему только полгода.

Но встретившийся Наташе на переходе через Сибирьковую балку худой, желтолицый Андрей Сошников, глядя на громадного, с волчьими ушами пса, не хочет этому верить и, разминаясь с Наташей, обходит ее по бурьянам стороной.

— А по виду, Наташа, ему все два года можно дать. Красивый кобель. Но, по-моему, лучше с таким дело не иметь. Ты смотри, он когда-нибудь и тебя может порвать.

Наташа весело смеется.

— Хотите, дядя Андрей, я могу ему руку и в пасть положить?

И, наклоняясь над Ромкой, она хочет показать, как это делается. Андрей Сошников, содрогаясь, отмахивается от нее обеими руками.

— Не надо, Наташа, я и так тебе верю.

И, уходя по тропинке к хутору, еще долго оглядывается на Ромку. Судя по всему, Наташины слова о доброте Ромки никакого впечатления на него не произвели.

Никогда прежде столько музыки не звучало у них в доме. Но и после того как в самом доме затихал этот шквал звуков, хлопала на веранде дверь и ее голос уже доносился откуда-нибудь с берега, или даже глубочайшей ночью, когда все вокруг молчало, объятое сном, нельзя было до конца быть уверенным, что наконец-то наступило избавление. Именно в это время непременно оказывалось, что мимо хутора проплывает теплоход или самоходка и изнемогающий от скуки на медленной воде радист на всю катушку крутит тот самый концерт, который только что отзвучал здесь в доме. И пока теплоход или самоходка пройдут мимо хутора от Раздорской до Мелиховской, опять можно успеть прослушать от начала до конца тот же самый Третий концерт Рахманинова или фантазию фа-минор Шопена.

Невольно прислушиваясь, кажется, нельзя было и представить для них лучшего зала, чем это зеркально чистое лоно воды среди лугов, виноградных садов и казачьих станиц и хуторов, заглядевшихся с крутого правого берега в Дон. Казалось, рояль стоит на палубе самоходки, плывущей по Дону к Азовскому морю. А с недавних пор, после московского конкурса, это чаще всего был все один и тот же рояль. Мало того, что от его музыки уже некуда было укрыться в самом доме; не только днем, но и ночью взад и вперед плавала она по Дону, настойчиво стучась в окна домиков, мерцающие сквозь чернильную мглу.

В том году Дон — на другую весну после отъезда Абастика — разлился так, как не разливался с тех самых пор, когда у Цимлы обуздали его плотиной. Впадающий в него ниже плотины Северный Донец принес с собой из бурно занесенных зимой снегами украинских степей массу полой воды и повлек за собой почти такой же разлив, как и прежде. Как и в прежние годы, вода затопила все задонское займище, лес купался по самые плечи. Выше хутора — в станице Кочетовской и ниже — в станице Старочеркасской жители ездили по улицам на лодках, от дома к дому, в сельсовет, в правление колхоза, в сельпо, и в самом хуторе вода зашла в окраинные сады, так что их хозяевам пришлось спешно отрывать из земли виноград и подвязывать к слегам. А вода, все прибывая, бурлила среди красноватых голых лоз и подбиралась уже к слегам. Зашла она под нижнюю калитку и во двор к Луговым, ворочалась у самого дома, затопив ступеньки лестницы, вырубленной лопатой в яру.

Из-за близкого соседства с водой ночами в доме было совсем холодно. Но Наташа в этом году совсем спозаранок переселилась на веранду. Еще бы, если, спустив ноги из окна, можно было прямо прыгать в лодку!..

И потом вода стояла у яра вплоть до самого июля, неохотно отступая, отдавая за ночь только по полступеньки земляной лестницы. И почти вплоть до июля гремели в береговых вербах, в талах, в хуторских садах соловьи. Вся весна была заряжена музыкой: прибрежные лес и сады, проплывавшие мимо суда, веранда дома на яру, про-

ливающая в полночь из своих окон струи желтого света в быстротекущие мутные струи Дона.

Не тогда ли и попыталась впервые поделиться с Луговым своими сомнениями Марина и не встретила с его стороны ничего, кроме самоуверенного поучения, что со временем все превратится в муку́? Но если все вспоминать до конца, то и нельзя сказать, чтобы потом время от времени не возвращалось к нему ощущение своей вины перед Мариной. Конечно, как всякая мать, она явно преувеличивала, но, как мать, она имела право и на преувеличение. Вспоминалось теперь и то, что после этого разговора несколько дней было ему как-то не по себе, и то, как обрадовался он, когда вскоре появилась возможность хоть косвенно загладить перед Мариной вину — это когда приехал к ним из Москвы погостить их другой фронтовой друг, Греков, с сыном Алешей.

С первого же дня этот длиннорукий парень заменил Наташе в ее походах и Валю и маленькую Верку. А значит, и от материнского сердца должен был хоть немного отвалиться камень тревоги.

Как-то взоры новых Наташиных друзей — матросов ревниво обнаружили ее с палуб судов на островной косе уже не только с Ромкой, но и с каким-то долговязым и белым, как молодой тополь в задонском лесу, парнем. Был он в очках, и готовое умозаключение тотчас же приклеилось к нему.

— Эй, ты, папенькин, смотри свои окуляры не утопи! — затрагивали они его, проплывая мимо.

И больше всего сбивало их с толку, что он охотно подхватывал шутку добродушным басом:

— А мы их привяжем!

И в самом деле, связывая капроновой леской дужки очков, он входил в воду. Но озадаченные его миролюбием матросы и не подумали отстать от него. В появлении этого о ч к а р и к а рядом с их казачкой им чудилась некая угроза, и, пока еще не поздно, надо было принимать меры. А для этого нет ничего лучшего, как постараться уронить его в ее глазах.

Больше всего изощрялся моторист с прогулочной яхты «Альбатрос», совершавшей регулярные рейсы с туристами вверх и вниз по Дону. Всякий раз при приближении к хутору он с разрешения капитана яхты облачался в его китель с пуговицами, надраенными до золотого блеска, и, прикладывая ко рту рупор, осведомлялся:

— Ну, кугут, тебя сом еще не утащил?

Несмотря на обиднейшее по этим местам прозвище, а может быть, и по незнанию его, тот отвечал все так же миролюбиво:

— Еще нет.

— Ну, так беспременно утянет. Сомы кугутов любят.

И, довольный своим остроумием, первый начинал хохотать, давая сигнал к веселью и скучающим на палубе яхты туристам. Ромка, вздыбив холку, отвечал им с острова враждебным лаем.

Но однажды ответ к у г у т а на вопрос моториста потерялся за порывом ветра, и моторист, приложив ко рту рупор, подозрительно потребовал:

— Ты что там лепечешь? Повторить!

Тот его требование исполнил. И снова его слова отнесло ветром. А мотористу почудилось в них что-то обидное. К тому же к у г у т как-то небрежно отмахнулся и повернулся к нему долговязой спиной. И матрос не выдержал роли до конца. От обиды вдруг вырвалось у него слово, нетронуто лежавшее на дне его памяти, вероятно, еще со времен раннего деревенского детства:

— Чаво?

Как на грех, ветер в это мгновение улегся, и в наступившей тишине явственно прозвучал над водой убийственный ответ с острова:

— Ванькя, тормози лаптем, деревня близко, завтра новый сплетем.

Задонское эхо тут же повторило слова. Туристы так и легли на палубе яхты. Но труднее всего мотористу было перенести взрыв другого смеха, донесшегося до его слуха с острова. Бурно смеялась Наташа. А вокруг нее с громким лаем бегал ее зверь. И ничего иного не оставалось посрамленному мотористу, как тут же провалиться сквозь люк под палубу яхты.

С того дня и с других судов перестали неосторожно затрагивать нового спутника Наташи. По воде слух идет еще быстрее, чем по суше. К тому же вскоре убедились матросы, что в своих выводах об этом очкарике они поторопились. С опозданием они оценили, что плавает он не хуже их казачки. И если она плавала саженками, то он где-то неплохо выучился кролю. А после этого само собой отпало и слово «папенькин», приставшее было к его долговязой фигуре. Папенькину не перемахнуть бы судоходный разрез Дона за какие-нибудь пять минут. И на веслах он поднимался от хутора к острову, точно рассчитав встречную силу течения и всегда причаливая к одному и тому же месту — между косой и бакеном. Правда, и руки у него были едва ли короче весел.

Недаром же его сразу признал за своего и Ромка. С первых дней он уже играл с ним на берегу и в воде почти так же, как с Наташей. А потом матросы перестали беспокоиться и тогда, когда видели, как Наташа и этот парень, переплыв с острова на левый берег, где стояли сметанные хуторянами к зиме стога лугового сена, начинали взбираться на них и со смехом соскальзывать вниз, валясь друг на дружку. Как дети.

И вскоре тот же строптивый моторист уже кричал с палубы яхты с фамильярностью:

— Эй, парень, брось-ка яблоко!

Прежде чем бросить, тот всегда интересовался своим боцманским басом:

— По делу или по случаю?

Еще более густым басом с палубы заверяли:

— По делу.

Это означало, что в обмен с борта яхты будет брошена вяленая вобла, а то и синьга. И еще долго после этого в задонском лесу басило эхо.

Судя по всему, с появлением у них в доме Алеши у Марины были связаны надежды, что и Наташина жизнь хоть как-то изменится, выбьется из обычной колеи с этими внезапными приступами одиночества и с музыкой, без которой уже и не начинался ее день и не засыпала она. Да и вообще чему же еще было и порадоваться при их хуторской жизни, если не приезду фронтового друга? С другим своим другом, Скворцовым, виделись они часто, чуть ли не каждое воскресенье, и он, живя по соседству в станице, давно уже и сам о с т а н и ч и л с я, приезжая, ни о чем другом уже не способен был говорить, кроме как о своем винограднике на сто донских чаш и о том, как варить стерляжью уху. Конечно, стерляжья уха была хороша, но не настолько же, чтобы рассказами о ней потчевать своих друзей при каждой встрече. И все так же никогда не упускал Скворцов случая побранить современную молодежь, пощипывая отращенную уже после войны повитель седеющих усов, поделиться своими мыслями по этому поводу.

— Надо, чтобы они боялись. Без этого нельзя, — говорил он, дергая себя за кончик уса.

С Грековым же не встречались они с тех самых дней, как его после Цимлянской стройки взяли оттуда, из политотдела, на работу в Москву... И теперь еще неизвестно было, кто больше радовался его приезду, Луговой или Марина. Тем более, что она и всегда выделяла Грекова из их друзей и, может быть, даже немного была влюблена в него за то, что, по ее словам, он никогда не выпячивался, не в пример тому же Скворцову, — ни на фронте, ни после войны, всегда предпочитая оставаться в тени и радуясь успехам своих друзей не меньше, если не больше, чем своим. Между тем и на фронте он никогда не прятался за чужие спины и потом не поспешил при первой же возможности выйти — как тот же Скворцов — на пенсию.

И тем больше сокрушалась Марина по поводу его семейной жизни: хорошим людям не везет. Нет, с женой Грекова и теперь связывала любовь, но тем сильнее, кажется, страдал он оттого, что так и не настроились у нее отношения с его сыном от первого брака. Луговому он об этом никогда не рассказывал, но от Марины не сумел скрыть. Женщина умеет получить доступ и в самый глухой уголок мужского сердца.

Не случайно теперь Греков и погостить приехал к ним не со всей семьей, а только с Алешей. Недаром, должно быть, и так безропотно сносил все его внезапные бурные нападки. Время от времени в парня как будто вселялся какой-то вирус, и он начинал придираться к отцу то за то, что тот возвращался с Дона без улова, хотя просидел с удочками в лодке с самой зари, то из-за того, что и в самые удачные дни берется у него одна мелочь. И Алеша бежал в дом за сантиметром, чтобы измерить длину принесенных отцом с Дона с у л о к. А то просто достаточно было отцу за столом заговорить, чтобы он тут же, перебивая, завязал с ним спор ни из-за чего. Лишь бы поспорить. И иногда Луговому даже со стороны трудно было смириться, что его друг, тот самый комиссар Греков, которого любили за его бесстрашие и твердость не только в полку, но и во всей дивизии, при этом лишь втягивал голову в плечи, виновато, растерянно улыбаясь. Как будто подменили его.

Должно быть, он и сам это чувствовал, потому что однажды, когда они остались с Луговым на Дону в лодке вдвоем, сам заговорил:

— Ты только, пожалуйста, ничего такого о нем не подумай. Парень он не хуже других. Конечно, неуравновешенный, но в этом надо винить не его. И знаешь, я вообще после Цимлы понял, что большую часть вины за ошибки наших детей должны взять на себя мы сами.

Но нападало на Наташу ее затворничество, и опять, кроме музыки, уже ничто не существовало для нее, в том числе и Алеша. Только Бетховен, Шопен или Лист. И Алеша никогда не мешал ей, только поодаль бродил вокруг веранды. Но в эти-то часы отцу и доставалось от него больше всего. И опять Луговому трудно было смотреть, как его друг покорно сносит все нападки.

Только однажды он и вышел из себя. Нет, не тогда, когда Алеша опять придирался к нему и, как репей, цеплялся к каждому слову. В эти минуты Греков лишь безуспешно пытался урезонить его:

— А вот это, Алеша, ты уж совсем зря. Это ты не подумал.

И ни разу не повысил голоса. Лишь иногда смуглый румянец прильет к скулам.

Но однажды, когда Алеша, сорвавшись вдруг с места, бросился вплавь через Дон наперерез вынырнувшей из-за острова ракете, впервые увидел Луговой, как его уравновешенный друг весь покрылся каплями пота и закричал голосом, скорее похожим на звериный:

— Верни-ись!

На этот раз Алеша не ослушался его. Вернулся.

Приезжая с тех пор с отцом каждое лето, сопровождал он Наташу и в ее ежедневных походах в кинотеатр турбазы, когда на нее вдруг нахлынуло желание самой учиться музыке. Так же, как до этого нахлынул на нее английский язык.

Когда-то, когда Луговой переучивался из военного в агронома и на пять лет они переехали в город, матери большого труда стоило уговорить ее ходить в музыкальную школу. И когда потом возвращались они в хутор, больше всего, может быть, радовалась Наташа тому, что избавится от этой музыки. Достаточно того, что у них в семье уже была одна к а т о р ж а н к а. И вот теперь она вдруг бросила матери за столом упрек, что если бы та действительно хотела учить ее музыке, она бы не позволила ей тогда бросить по глупости. А теперь, в ее

годы, ничего уже наверстать невозможно. Но она все равно будет играть, будет!.. И совсем не для того, чтобы из нее вышел Рихтер,— она просто не может без музыки. Она все уже обдумала. Несмотря на то, что пианино у них в доме нет, она, как и Любочка, будет ходить в кинотеатр турбазы, который по целым дням пустует...

В полдень знойного донского лета в дощатом кинотеатре турбазы всегда было жарко и душно. Наташа раздевалась за полотном экрана и садилась там за пианино в купальнике. Пианино «Ростов-Дон» было вконец заигранное, и в Революционный этюд Шопена, который она стала разучивать, то и дело врывались чужеродные звуки. Тем более, что после большого перерыва пальцы слушались ее совсем плохо. Между тем Революционным этюдом Шопена, который звучал в ее сердце, и тем, который рождался под ее пальцами в этом пустынном зале, была целая пропасть.

Но пусть бы кто-нибудь заикнулся об этом тому единственному слушателю, что способен был три, четыре и шесть часов подряд, не шелохнувшись, сидеть на своем месте на откидном стуле в сумеречном зале кинотеатра! Глаза Алеши, устремленные на экран, на котором обрисовывался Наташин силуэт, становились за стеклами очков совсем черными, а щеки, всегда полыхавшие розовым, девичьим румянцем, пепельно бледнели.

Для завсегдатаев же бильярдной турбазы, располагавшейся под дощатой сценой кинотеатра, все эти часы были сплошной мукой. Они бежали из городов от грохота цехов и улиц не для того, чтобы и здесь, на берегу Дона, на их головы валился этот грохот из одних и тех же повторяющихся звуков, называемых музыкой. Не музыка это была, а пытка. И бильярдисты под сценой, под ногами у Наташи, начинали сквернословить так, что уши у Алеши, сидевшего в зале, охватывались огнем. Он не срывался с места лишь потому, что Наташа ко всему, что не имело отношения к Революционному этюду Шопена, оставалась совершенно глухой и равнодушной. Ничто другое ее не касалось. Ее тень трепетала на экране, и глаза Алеши еще никогда не смотрели на киноэкран с таким жгучим вниманием, как теперь. Впервые в жизни он узнал, что Шопен может быть так прекрасен. И над этим Шопеном он раньше смеялся, называя всю эту классическую музыку мертвым хламом.

Но доведенные ею до исступления бильярдисты начинали стучать снизу в доски сцены концами своих деревянных киев. Приходившая после обеда в кинотеатр убирать дородная тетя Глаша, чтобы усмирить их, лила из черного ведра сквозь щели на сцене им на головы воду, а когда они начинали ломиться снаружи в дверь, закрытую на крюк, встречала их на пороге с сибирьковым веником, тряпкой и шваброй. Отступая, бильярдисты бежали жаловаться директору турбазы, но тетя Глаша оставалась неумолимой. Ко всем этим городским туристам, отдыхающим и загорающим на береговом песочке в то время, когда все хуторские с утра до вечера не разгибали спин на виноградниках и на огородах, она относилась с нескрываемым презрением.

— Понаехали сюда, фулюганы, шарики катать.

Директор пытался убедить ее:

— Люди, тетя Глаша, за целый год собрались отдохнуть.

— А у самих шеяки, как у бугаев. Ты бы послухал, какие они не стесняются при дитю слова говорить. И язык не отсохнет.

Директор грозил ей увольнением, но она только поводила пышным плечом. Во-первых, она была уверена, что по своему добросердечию он свою угрозу не сдержит. Во-вторых, знала, что ему и некуда податься, когда в хуторе самый сезон, каждый человек нарасхват. Без людей задыхаются и в совхозе, и в учебно-опытном хозяйстве за Доном, и на опорном виноградарском пункте.

Иногда прибегала Валя, поступившая на лето в столовую турбазы официанткой. Както сразу изменилась она и, хоть все так же оставалась небольшого роста, уже не похожа была на девчонку в своих остроносых туфельках, в короткой юбке и с высокой прической. И как-то она по-новому, можно было подумать, намеренно, то и дело старалась откинуть голову, как будто она стала у нее тяжелой и падала вниз. Рядом с Наташиным ее лицо выглядело совсем взрослым, хотя была она почти на два года моложе.

Она молча садилась в зале рядом с Алешей, не обращавшим на нее ровным счетом никакого внимания, и через час так же молча исчезала. Перерыв в столовой кончался. Туристы требовали, чтобы их кормили не реже четырех раз в сутки.

Однако вскоре и завсегдатаи бильярдной под сценой сменили гнев на милость. То ли сумела их тетя Глаша в конце концов укротить, то ли со временем не так стала оскорблять их слух Наташина игра. Во всяком случае, теперь уже нередко под ее ногами раздавался стук и звучал вопрос:

— А что это ты там такое играешь?

— Шопена,— отвечала Наташа.

— И никакой другой музыки больше не знаешь?

— Нет.

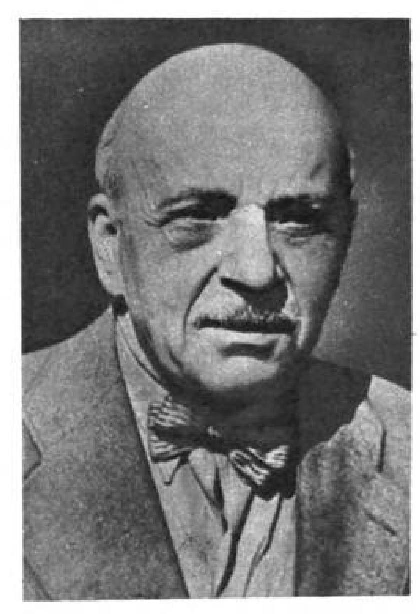
— Ну тогда давай Шопена, а там, гляди, и чему-нибудь другому научишься.

Тот же единственный слушатель, который долгими часами просиживал в зале кинотеатра, был убежден, что никакой иной музыки в мире вообще не может быть. Земляной пол в кинотеатре был усыпан белым обдонским песком, в полутьме мерцали вкрапленные в него зерна слюды, галька. Ветром с Дона надувало шелковые шафранные портьеры на окнах. Рокочуще похлопывая, они парусили.

...Но и после того, как Алеша с отцом уже уехали в Москву, она еще с месяц продолжала совершать свои ежедневные путешествия под палящим солнцем с нотами в сумке. Со сменой на турбазе через каждые две недели отдыхающих менялись и завсегдатаи бильярдной под сценой, то и дело между ними и тетей Глашей вспыхивала ожесточенная война, и неизменно она принуждала их к позорному отступлению с помощью все того же испытанного оружия — сибирькового веника, швабры и половой тряпки. После этого Революционный этюд Шопена мог звучать в зале летнего кинотеатра без всяких помех.

И когда он вдруг однажды смолк и больше не возобновлялся ни на другой день, ни в последующие дни, бильярдисты уже сами потребовали объяснения у тети Глаши. Судя по тому, как после ее ответа под ударами их киев глуше застучали пластмассовые шары, к известию об отъезде Наташи они отнеслись без восторга. Оказывается, под музыку Шопена шары и стучали и бегали по зеленому сукну бильярдного стола веселее.

Окончание следует.

К 70-летию со дня рождения Павла Антокольского

вровень с правдой

«Наша поэзия, как всякое другое искусство, должна быть поэзией воинствующего мировоззрения... Поэт должен быть и политиком, и философом, и историком, и вообще... многосторонне вооруженным деятелем. Он должен быть таким деятелем не в декларациях, а в самих стихах, внутри стихов, в их тексте». Так писал в одной из своих статей Павел Григорьевич Антокольский. И на протяжении сорока пяти лет своей творческой деятельности поэт остается неизменно верен этим строгим требованиям, предъявленным им самим к высокому искусству поэзии.

Один из наиболее часто повторяющихся образов в творчестве Антокольского — образ времени, а своей любимой музой поэт называет Клио — музу истории: «Она мне диктовала все стихи любимые. И с ней мой труд страстней, мой путь ясней». Острое ощущение поворотных моментов, переломных эпох в истории человечества проявилось уже в ранних поэмах Антокольского, посвященных Великой французской революции и парижским коммунарам: поэт сравнивает их с «современниками бури московской», подчеркивая пролетарский характер революции 1871 года.

Историческая тема всегда связана для Антокольского с темой человека, бунтующего, мыслящего, созидающего. Обращаясь к «океану» времени, поэт пишет:

Дымится зной. Века влачатся
И, ненавидя свой покой,
Ждут не дождутся дня и часа,
Чтоб стать историей людской.

Человек, творящий историю,— главный герой поэзии Антокольского. В годы Великой Отечественной войны, когда поэт, по его собственному признанию, «писал много, как никогда раньше», этим главным героем стал советский человек, самоотверженно защищавший свою Родину, освободивший мир от фашизма. Вершина творчества Антокольского тех лет — поэма «Сын», посвященная памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, сына поэта, который пал смертью храбрых в июне 1942 года. Поэма, удостоенная Государственной премии, отличается высокой человечностью и напряженностью чувств. Личное горе было претворено поэтом в художественный образ большой обобщающей силы.

В стихах последних лет, особенно богатых философскими размышлениями — что вообще присуще творчеству Антокольского,— поэт снова и снова возвращается к образу человека-творца, прославляет человеческий дух и разум, «без оружья идущий на приступ» против «электронного снаряда» («Две реплики в споре»). Человек побеждает время — в этом утверждении заключен пафос многих недавно опубликованных стихотворений поэта.

Павлу Григорьевичу Антокольскому исполнилось семьдесят лет. За плечами — большой путь, путь, в котором поэт всегда умел «быть вровень с правдой, временем, судьбой». И хочется пожелать Павлу Григорьевичу здоровья, бодрости и долгих лет плодотворного труда.

Н. ЦВЕТКОВА

В гостях у 600 миллионов

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

НАПЕРЕКОР ТРУДНОСТЯМ

сли говорить о территории, то Пакистан, безусловно, единственное в мире, совершенно особое, уникальное государство. В самом деле, где еще на земном шаре вы найдете страну из двух частей, отстоящих друг от друга на 1 600 километров?!

В 1947 году английское правительство приняло решение о разделе Индии, своей бывшей колонии на Индостанском полуострове, на две части. Было создано два доминиона, которые впоследствии стали независимыми государствами — Индией и Пакистаном.

Британский лев одряхлел, но не утратил свойственного ему коварства. При разделе 1947 года еще раз проявился известный принцип колонизаторов «разделяй и властвуй». В данном случае они сделали крупную ставку на религиозную рознь. Поначалу их расчеты оправдались. Началась жестокая индусско-мусульманская резня. За несколько месяцев погибло полмиллиона человек. Число беженцев из Пакистана в Индию и из Индии в Пакистан достигло 8 миллионов.

Раздел был произведен по религиозному принципу, без учета национального состава населения, без учета экономических связей. Источники сырья во многих случаях оказались оторванными от обрабатывающих предприятий, многие поля оказались отрезанными от водоемов. От такого раздела страдали в равной степени и Пакистан и Индия. Казалось бы, что все это: сама жизнь, общая борьба с колониализмом и общие страдания — должно сплотить два новых государства. Но отравленные семена раздора, посеянные колонизаторами, все еще давали свои всходы. Империалистическая агентура продолжала играть на противоречиях, разжигаемых шовинистическими силами как в Пакистане, так и в Индии.

И вот в сентябре прошлого года дело дошло до вооруженного конфликта. В этом конфликте не было победителей и побежденных. Пострадала развивающаяся экономика и Пакистана и Индии, пострадало население районов, где начал было разгораться пожар войны. Эти печальные события лишний раз доказали всю абсурдность решения спорных вопросов с помощью силы. Ташкентская декларация перенесла решение спора между двумя странами с поля военных действий за стол мирных переговоров. Месяцы, истекшие после принятия декларации, показали, что путь переговоров — единственно возможный для Пакистана и Индии. К сожалению, в обеих странах — в Индии и Пакистане — есть еще силы, которые предпочитают отравленную атмосферу вражды и ненависти мирному «духу Ташкента». Однако и в Пакистане и в Индии как общественность, так и официальные круги — за Ташкентскую декларацию. Президент Пакистана фельдмаршал Айюб Хан вскоре после Ташкентской встречи сказал: «Руководящим принципом нашей внешней политики является то, что разногласия между двумя странами и другими странами не должны препятствовать развитию наших отношений с ними».

Сегодня отношения между Пакистаном и Индией нормализуются. Обе страны вернулись на путь мирного труда, на путь преодоления тех больших трудностей, каких немало в каждой стране, освобождающейся от колониальных оков и начинающей строительство новой жизни.

Мое пребывание в Пакистане совпало с важным событием. В Карачи, на многолюдной пресс-конференции, министр промышленности Алтаф Хусейн рассказал об основных стройках и задачах третьего пятилетнего плана. Капитальные вложения по этому плану возрастают на 300 процентов по сравнению со второй пятилеткой. Будет положено начало 46 новым для Пакистана отраслям промышленности, в том числе авиационной. Министром было указано, что и частные иностранные вложения возрастут в третьей пятилетке на 70 процентов. При этом Алтаф Хусейн сообщил собравшимся о целом ряде условий, которые обязаны соблюдать те, кто вкладывает свои капиталы в развитие пакистанской экономики. Эти условия должны гарантировать суверенитет страны.

С большим вниманием выслушали собравшиеся на пресс-конференции заявление министра о том, что к исходу пятилетки, к 1970 году, страна должна достигнуть такого уровня развития, при котором она окажется в состоянии прокормить себя без помощи извне. Как и в соседней Индии, это вопрос всех вопросов. Недостаток продовольствия и очень низкий жизненный уровень миллионов жителей — вот основная проблема, которую еще предстоит решить.

ФАКЕЛЫ В НОЧИ

Когда ездишь по Пакистану, то убеждаешься, что планы экономического развития страны опираются на реальную основу. Всюду много новостроек. И одна из них, которой пакистанцы гордятся, пожалуй, больше всего,— только что запущенный атомный реактор.

На севере страны, неподалеку от ее новой, еще строящейся столицы Исламабада, высится сооружение, хранящее в себе пакистанский атом. На зеленом фоне Гималаев причудливые контуры атомного центра приобретают поистине сказочную красоту. Только что построенное (а сооружение всего атомного комплекса еще в полном разгаре), оно смело соперничает с лучшими образцами архитектурного творчества, древнего и современного, которыми так богата страна.

Меня любезно встречает директор атомного центра доктор Иннас Али. За традиционной здесь чашкой кофе он рассказывает о том, как начинает свою жизнь новейший научный центр. С большой теплотой доктор Али вспоминает о своем пребывании в Дубне, о посещении других наших научных центров, говорит о том, что они собираются послать на стажировку в Советский Союз своих специалистов с этого реактора. Он говорит также о полезных связях с Академией наук СССР, о ценности нашей научной литературы, сетует на то, что мало ее издается на английском языке.

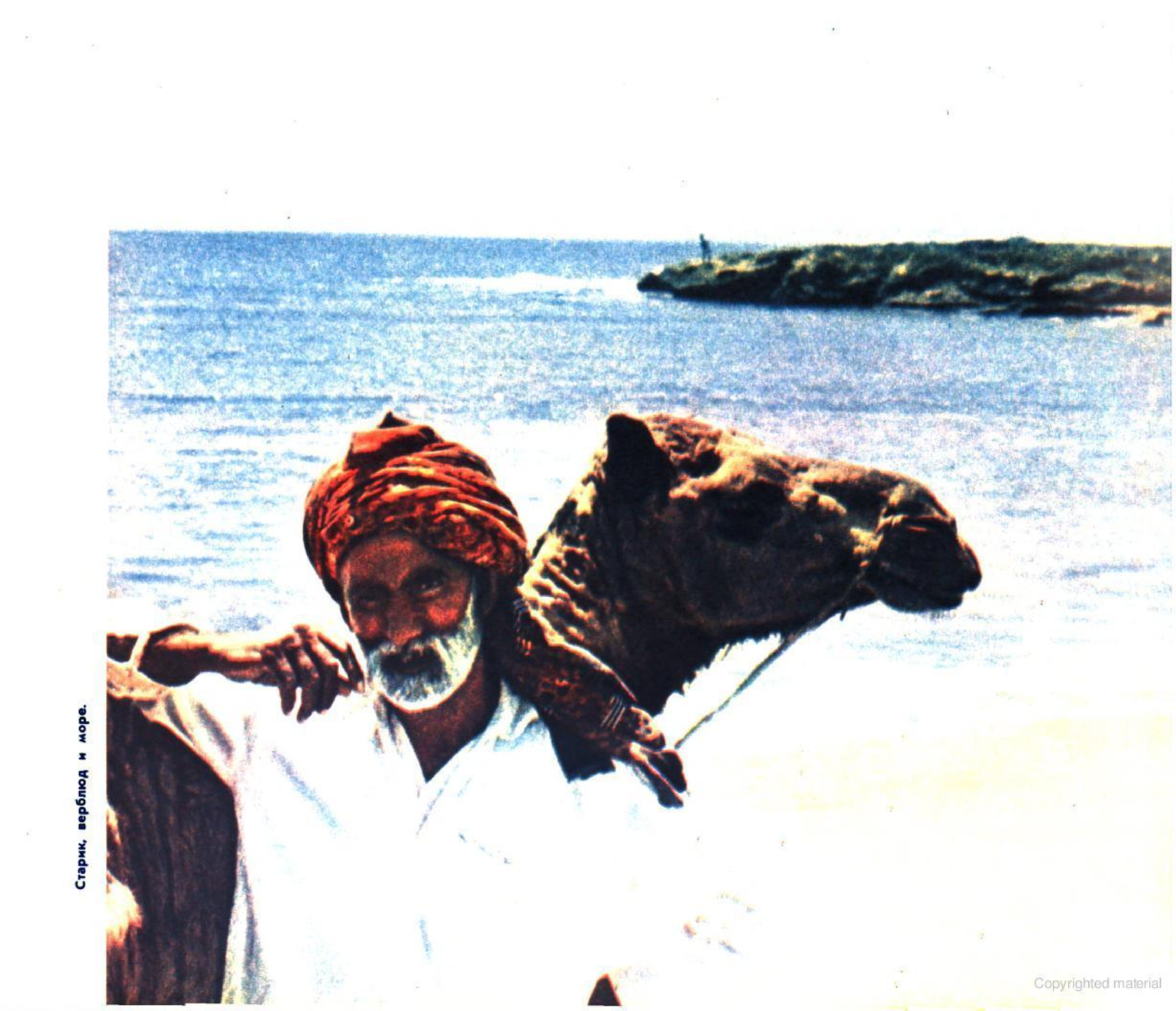
Затем я осматриваю атомный центр в сопровождении двух ученых. Это доктор Гани, руководитель отдела ядерной физики, и доктор Манан, руководитель отдела теоретической физики. Вначале они показывают мне макет атомного городка, центральная часть которого уже создана. Потом мы натягиваем на ноги белые чехлы и идем к реактору. Метровой толщины автоматические двери словно нехотя открываются, и мы попадаем в зал со стенами салатного цвета. В нем с удобством разместился бы большой цирк, но на том месте, где в цирке арена, высится реактор. Взбираемся на него по металлической лестнице, как на крышу многоэтажного дома. И, добравшись до верхней площадки, останавливаемся перед бассейном с водой. Затем спускаемся. Сквозь особое окно разглядываем гигантские металлические «руки», заходим в лаборатории, где колдуют над приборами мужчины и женщины в белых халатах. Почти все они молоды. Я обращаю на это внимание, и доктор Гани говорит мне, что еще совсем недавно в Пакистане было нелегко убедить молодежь идти в науку. Не считалось это дело стоящим, перспективным. А теперь отношение к науке у молодежи стало иным. При новом центре создается школа для подготовки специалистов-атомников.

На атомном реакторе, под Исламабадом, мне, конечно, приятно было услышать добрые слова о советской науке. Но вдвойне приятно было встретить в Пакистане посланцев нашей науки и техники, увидеть их, как говорится, в деле. В Карачи я познакомился с нашими специалистами и от них узнал о большом событии. Оказывается, недавно недалеко от Карачи они нашли богатейшее месторождение отличного газа. А это значит топливо для огромного города (более двух миллионов населения) и ценное сырье для химической промышленности.

— Поедем с нами? — сказали они мне.— Сегодня вечером там, у первого факела газа, торжество.

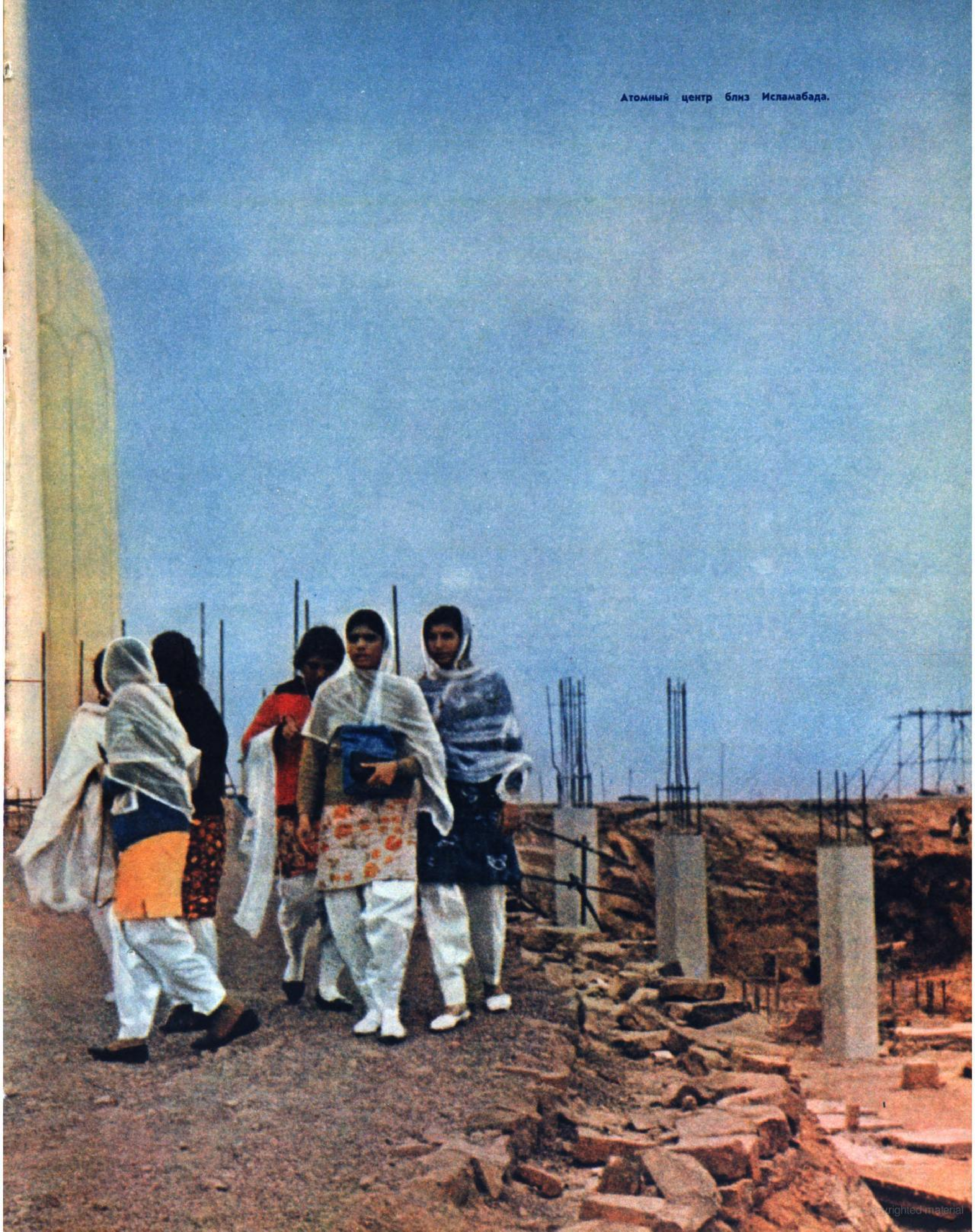
В машине нас пятеро. Пакистан-

Окончание. Начало см. № 26.

Старик, верблюд и море.

Атомный центр близ Исламабада.

Все дети любят сладости.

Рыболовецкий причал в Карачи.

ские инженеры Маджит и Хашми, главный советский специалист Василий Дмитриевич Кох, главный специалист по бурению Михаил Елизарович Гришин и я. Выбравшись из бешеного транспортного водоворота Карачи, попадаем на загородное шоссе, с которого вскоре сворачиваем на дорогу из тех, что у нас называются проселочными. Вокруг полупустыня. Зной. Все раскалено. Но мои спутники, видно, уже привыкли к такому климату, и в машине мерно журчит беседа деловых людей. Говорят час, говорят два. О буровых вышках, трубах, пробах газа. Говорят об уже плывущем сюда из Одессы новом оборудовании. Василий Дмитриевич спокойно, уверенно, со знанием дела расспрашивает пакистанских коллег о ходе работ, говорит веско, авторитетно и даже требовательно. У него за плечами огромный опыт работы и в нашей стране и за рубежом. То по одному, то по другому вопросу разгорается дискуссия, но последнее слово за Василием Дмитриевичем.

Вот на пустынной равнине показалась буровая вышка, а еще через несколько минут — белый поселок из простых одноэтажных строений. Мы сразу попадаем в окружение наших инженеров и техников. Все они в шортах и босоножках. Что поделаешь: жара несусветная! Спасаясь от нее, захожу в одну из комнат. Слава богу, здесь мерно гудит «кондишен». Прохладно. Можно дышать свободно.

Обстановка спартанская. Две солдатские кровати. Стол. Три стула, шкаф. В комнате один из ее обитателей, геолог Степан Омельянчук. Сели, разговорились.

Омельянчук родился в Винницкой области, учился во Львовском политехническом институте и затем пятнадцать лет работал в Карпатах. На свой труд здесь смотрит, как на дело обычное. В Карачи у него жена и ребенок. Две недели работает здесь, на третью едет к ним. Я вообще ни в Пакистане, ни в Индии не слышал от наших специалистов жалоб и сетований на климат или, так сказать, объективные трудности. Все они большие мастера своего дела, простые и мужественные люди. Они болеют за дело и если жалуются на что, так это на всякого рода организационные неполадки, какие возможны, наверное, на каждой стройке, особенно на интернациональной.

Заходят другие наши специалисты вместе с Василием Дмитриевичем Кохом. Отвечая на мои вопросы, рассказывают, как начинали здесь дело с молодыми пакистанскими рабочими. Многих приходилось учить, в какую сторону гайку закручивать. А сейчас любо посмотреть, как смуглые парни умело распоряжаются на буровой и окружающем ее хитросплетении машин и труб.

Заметив на столе последние номера журнала «Бурение», Василий Дмитриевич сразу встрепенулся.

— Откуда, ребята, они у вас?

—Выписываем,—отвечает Омельянчук.

— Молодцы! Возьму у вас на недельку? Хорошо?

И сразу заходит разговор о статье, опубликованной в одном из номеров. В ней описывается, как американцы бурят сверхглубокие скважины.

...Темнеет. За окном слышен шум моторов. Приехал директор корпорации по развитию нефтяной и газовой промышленности генерал Анвар Хан. Все выходят встречать его. Стройный, высокий, с красивым, живым лицом, в белой рубашке без галстука, по манерам он совсем не похож на крупного чиновника. Но следующие за ним пакистанцы держатся от него на почтительном расстоянии и своим поведением подчеркивают значимость его персоны.

Все направляются к горящему за поселком газовому факелу. Он гудит, как реактивный лайнер. Три трубы выбрасывают в небо три мощных огненных языка. Метрах в ста от ревущего пламени накрыты столы. Звучат торжественные речи. И даже в такой момент стол чисто пакистанский — никакого спиртного, только вода и кока-кола. Но все равно хорошо, празднично и красиво. Черное небо, все в звездах, буровая в огнях, белые столы и багряно-оранжевое зарево факела. И мощный рев выбившегося из-под земли газа.

И еще два слова о наших специалистах в Пакистане. В знойной полупустыне под Карачи, в заснеженных горах на севере страны, в непроходимых джунглях Восточного Пакистана — всюду хорошо трудятся и полнокровно живут небольшие коллективы советских людей, островки нашей жизни на необъятных просторах незнакомой страны. Эту необъятность страны и сплоченность наших ребят особенно ощущаешь, когда переезжаешь с места на место. Вчера я еще ловил с ними рыбу в Аравийском море, а сегодня играю в снежки в Гималаях. И к кому ни приедешь, все настоятельно просят меня заехать потом к «нашим» — советским специалистам, работающим иной раз за сотни километров от них. Всюду они жизнерадостны, бодры, всюду трудятся на совесть. Приятно их видеть в работе. Хорошо с ними и посидеть вечером за виски, разбавленным содовой водой, послушать наши песни под аккордеон или гитару. Необычайно широко разливается ночью над Аравийским морем старинный романс «Милая, ты услышь меня». А сколько былей и небылиц рассказывается такими вечерами! Многие из ребят исколесили и исходили и нашу страну и другие страны. Посвятившие всю свою жизнь одному любимому делу, они чем-то похожи на птиц в полете.

«ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИК» В КАРАЧИ

На одной из центральных улиц Карачи стоит большой двухэтажный особняк. Это библиотека «Дружба». Здесь можно взять советские книги, посидеть в читальном зале над нашими газетами и журналами, посмотреть советский фильм. А как же с языком? Конечно, есть наши издания и на урду и на английском. Но многое на русском. И пакистанцы — молодые и пожилые, мужчины и женщины — читают. По-русски.

Стоит подняться на второй этаж, и все становится понятным. Здесь изучают русский язык. Я попадаю на практическое занятие. Группа второго года обучения. Преподаватель Кира Патаки еще на прошлом занятии распределила между своими учениками текст «Гуттаперчевого мальчика» (адаптированный, разумеется), и сегодня они, сидя за столом, воспроизводят рассказ в лицах. Молодой служащий Ахтар Ахмад — «гуттаперчевый мальчик», сосед Ахмада по столу — его жестокий хозяин. Все остальные тоже активно участвуют в своеобразной инсценировке. Взрослые люди, они делают это по-детски самозабвенно, увлеченно. Кира Патаки шепчет мне, что все они с необычайным энтузиазмом учат русский язык. И надо сказать, что их познания для второго года обучения очень приличные. Я собираюсь перейти в соседний класс, и тогда один из слушателей, по имени Захид, просит меня послушать в его исполнении «Подмосковные вечера». Старательно, чисто выводит он по-русски слова песни. А в соседнем классе Инна Мухина ведет занятия со слушателями-первогодками. Они уже в состоянии спросить меня: «Откуда вы приехали?», «Как вас зовут?», «Где вы живете?»

Интерес к русскому языку, русской литературе, искусству и вообще к нашей стране характерен для сегодняшнего Пакистана. Об этом, пожалуй, лучше всего скажут несколько цитат из пакистанской газеты «Лидер». Во время моего пребывания в Пакистане в ней была опубликована большая статья под такой шапкой: «После пятнадцати лет русские книги снова в продаже. Они содержательны, дешевы и прекрасны». В статье, в частности, говорится:

«Это словно исполнение мечты книголюба. Антология классических русских рассказов, прекрасно изданная на отличной бумаге и безупречно переведенная на урду, продается всего лишь за 1 рупию и 25 пайсов. А сколько еще других книг на урду, английском, бенгали! Все эти русские книги появились в книжных магазинах несколько месяцев назад. А читатели требуют еще и еще. Переводы с русского на урду продаются мгновенно, а многие книги вообще не достигают магазина, так как расхватываются еще до прилавка. Один книготорговец рассказал, например, что «Мать» Горького на урду не дошла до его магазина, ибо все экземпляры еще до этого раскупили его друзья.

Эти книги — самые дешевые из всех, какие когда-либо продавались у нас. И в то же время они самые лучшие, ибо что может сравниться с русской литературой?! Что же касается русской научной литературы, то, по словам одного крупного книготорговца, она заслуживает самого серьезного внимания. Ученые в разных областях науки смогут извлечь из русских книг огромную пользу. Издатели предлагают использовать некоторые из этих книг в качестве пособий в учебных заведениях».

Кстати, столь лестные отзывы о нашей литературе вовсе не объясняются каким-либо особо прогрессивным направлением газеты. Газета обычная. Во всю первую полосу аршинный заголовок: «Владелец дома убил квартиранта» и т. д.

Перечитываю сейчас статью о наших книгах и вспоминаю шофера Мурата из Карачи, с которым мне довелось там много поездить. С каким восторгом говорил он о наших книгах! И тоже восхищался «Матерью» Горького. Видно, этот роман, давно написанный великим русским писателем, чем-то очень близок сегодня пакистанскому труженику.

СВОИ ЗАБОТЫ — СЕБЕ НА ПЛЕЧИ

Вдоль городских улиц и шоссейных дорог Пакистана выстроились, на западный манер, рекламы. Одна за другой, большие и яркие, они мчатся навстречу твоей машине. Особенно много гигантских щитов с рекламой страховых компаний: «Мы торгуем спокойствием», «Предоставьте нам ваши заботы!»

Много забот у рядового пакистанца. Много забот у всей страны. Но ни в страховых компаниях, ни в западных столицах не разрешить проблем, которые стоят сегодня перед Пакистаном. По-моему, это понимают народ и правительство. Они взваливают свои заботы на свои плечи. Они сами пытаются решить свои проблемы.

Выше уже говорилось, что нехватка продовольствия и крайне низкий уровень жизни многих миллионов — главная проблема. О ней говорят, пишут, пытаются ее разрешить. Пакистанская газета «Морнинг Ньюс», говоря о судьбе сотен тысяч бездомных и обездоленных людей, пишет: «Создавшееся положение кажется безысходным тупиком. ...Но мы должны приложить все усилия, чтобы решить эту гигантскую проблему раз и навсегда».

Общественность страны горячо обсуждает сейчас проблему семейного планирования. Вот, например, мнение по этому вопросу пакистанского министра здравоохранения и социального обеспечения Кази Анварула: «Бурный рост населения так же страшен, как ядерная война». На специальном семинаре по семейному планированию министр заявил, что население мира выросло с 2 миллиардов до 3 с лишним за последние тридцать лет и при таких же темпах рождаемости оно превысит 6 миллиардов через тридцать пять лет. Он сказал, что проблема регулирования роста населения становится сейчас очень актуальной во всем мире, но особенно в развивающихся странах, в том числе и в Пакистане.

Проблема сокращения рождаемости является предметом заботы правительства страны. «Быстрый рост населения,— говорит президент Айюб Хан,— не может не пугать тех, кто думает о будущем. Если население Пакистана будет расти такими же темпами, то я думаю, что все наши усилия по развитию страны и ее народа будут напрасны. Наши планы, наши жертвы и наша трудная работа во имя прогресса будут сведены на нет из-за столь быстрого роста населения. Если ничего не будет сделано в области контроля рождаемости, то я боюсь заглядывать в будущее на несколько десятилетий вперед. Лично я могу утешить себя тем, что меня тогда не будет в этом мире. Но моя страна и мой народ будут поставлены перед фактом. И

грядущие поколения не простят нам того, что мы допустили по отношению к ним».

Вот как серьезно ставится этот вопрос на самом, как говорится, высоком, официальном уровне. Центральные газеты отводят много места материалам на эту тему. Передо мной номер газеты «Морнинг Ньюс». Целых четыре (!) полосы в ней посвящены проблеме семейного планирования. Здесь и статьи государственных деятелей, и статьи специалистов, и материалы Национального научно-исследовательского института по семейному планированию (есть и такой!), здесь же и реклама противозачаточных средств.

Когда знакомишься с Пакистаном, то обращаешь внимание на большую заботу о развитии образования. Пусть к некоторым вопросам здесь подходят не совсем так, как к этому привыкли мы, советские люди, пусть кое-что кажется нам немного наивным, даже странным, но тем не менее такое внимание общественности и правительства к системе образования не может не радовать каждого, кто приехал в Пакистан с открытым сердцем и добрыми намерениями.

Уже сам по себе внешний вид многих колледжей и университетов, старинных и новых, производит внушительное впечатление. Например, целый университетский городок в Карачи, светлый, зеленый, образец современной архитектуры, и поседевший от времени огромный университет в «культурной столице» страны Лахоре. Студенты и ученики колледжей, энергичные, жизнерадостные, уверенные в себе, как бы олицетворяют будущее страны. Они и теперь уже играют важную роль в общественной жизни.

И еще деталь. Приближается Всемирный день здоровья. Считается, что он отмечается во всем мире. Но мы, в нашей стране, с нашим медицинским благополучием обычно как-то не замечаем этой даты. Иное дело в Пакистане. Уже до Дня здоровья в газетах появляются заметки о его приближении. Устраиваются различные мероприятия, посвященные этой дате. При мне этот День проводился под лозунгом «Человек и его город». В Пакистане этот лозунг имеет особое значение. Много было сказано и написано о насущных нуждах населения пакистанских городов и сел. Печать свидетельствовала: «Почти во всех главных городах система водоснабжения нуждается в улучшении», «В перенаселенных городах очень высок процент заболеваемости туберкулезом», «Необходимы более эффективные меры по предотвращению массовых сезонных заболеваний»...

Да, проблем, забот и дел хватает... Как в Пакистане, так и в соседней Индии. Но и в той и в другой стране вокруг этих проблем бурлит общественное мнение. Лидеры той и другой страны откровенно говорят о них народу. И это обнадеживает. А главное, чтобы в решении этих проблем, в строительстве новой жизни Индия и Пакистан были вместе, плечом к плечу. Только при этом условии успех будет сопутствовать им.

Март — май 1966 года.
Пакистан — Индия — Москва.

В 20 СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ

В одной из частей Белорусского военного округа вошло в славную традицию торжественно и сердечно поздравлять солдат с днем рождения. В столовой выделен для этого особый стол, и редко случается день, чтобы он пустовал. Именинники получают подарки, пусть скромные, но тем не менее дорогие и приятные сердцу. Старается и повар: праздничный день — праздничное меню.

Совсем недавно в часть приезжали поздравить молодых именинников ветераны Отечественной войны. А после юбилея домой, на родные предприятия и в родные колхозы, совхозы идут волнующие письма с рассказом о том, как среди боевых друзей отмечался праздник.

Е. САДОВСКИЙ

г. Минск.

На снимке: в этот день стол именинников не пустовал.
Фото Е. Кольченко.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВА

ПЬЕР КОРНЕЛЬ У «РОМАНТИКОВ»

Шекспир, Островский, Чехов, Горький, Мольер давно перестали быть достоянием лишь профессиональных театров. Но попробуйте сыграть в самодеятельности «Сида» — пьесу Пьера Корнеля! Сыграть так, чтобы зритель увлекся происходящим действием, пережил чувства и страсти, которыми живут герои этой трагедии, казалось бы, далекие от современного зрителя.

А именно такой спектакль показала к 360-летию со дня рождения французского драматурга студия «Романтики» на сцене клуба Дорогомиловского химического завода имени Фрунзе. Молодой коллектив прошел хорошую подготовку у опытных педагогов — А. Леонидовой, О. Степановой, В. Галагана. Руководит студией режиссер Н. Роксанов.

В спектакле главную роль сыграл начальник цеха С. Лисицын, роль Химены исполнила инженер Е. Новикова, в других ролях были заняты экономист Н. Герасимова, мастер Л. Новиков, механик В. Тарасов, инженер П. Мухина, шофер И. Егоров и другие. Все они молоды и, конечно, романтики.

П. СИТАЛЕВ

На снимке: сцена из спектакля «Сид». Химена — Е. Новикова, Дон Родриго — С. Лисицын.
Фото А. Гладштейна.

ПОСЕЛОК ЗЛАТОКУЗНЕЦОВ

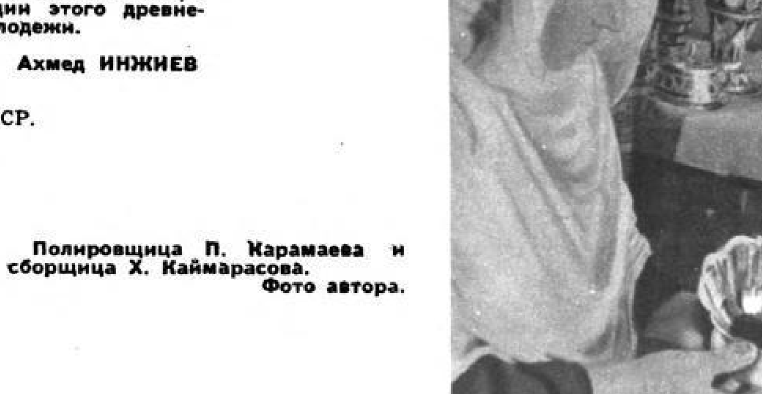
Далеко за пределами Дагестана известны работы кубачинцев, прославленных мастеров златокузнечества.

Раньше этим ремеслом занимались только мужчины. Сейчас на Кубачинском художественном комбинате над созданием знаменитых изделий работают и женщины.

В школе введен предмет златокузнечества, где опытные мастера передают традиции этого древнего искусства молодежи.

Ахмед ИНЖИЕВ

Поселок Кубачи,
Дагестанской АССР.

Полировщица П. Карамаева и сборщица Х. Каймарасова.
Фото автора.

ПРИЕЗЖАЙТЕ!

Я работаю мотористом на теплоходе, который совершает рейсы по могучему Енисею. Самый длинный наш маршрут Красноярск — Диксон—Красноярск, протяженностью более 5 тысяч километров. А пассажиры наши самые разные: молодежь, пожилые, пенсионеры. Сколько незабываемых впечатлений дает им поездка по Енисею!

Когда мы отходим от причала Красноярска, туристы задают много вопросов членам экипажа, интересуются достопримечательностями, населенными пунктами. Но есть и такие, которые с опаской спрашивают: «А во время прохождения Казачинского порога ничего не случится?» Некоторые потом удивляются, как это мы прошли без всяких повреждений и приключений Казачинский порог, Осиновский порог, Пономаревские камни. А дело в том, что корабль надежный, команда опытная, река хорошо изучена.

Когда подходим к Полярному кругу, который находится в районе селения Курейка, туристы чувствуют себя уже заправскими «мореходами». В честь пересечения Полярного круга готовится своеобразный праздник.

В эту ночь никому не хочется спать, ночь в Заполярье светлая, а Енисей в этих местах раскинулся вширь на десятки километров.

Много интересного для туристов в Игарке, Дудинке и других местах. Всегда весело на «зеленых стоянках». Кто собирает грибы (здесь их удивительно много), кто купается и загорает. Есть занятие и для любителей рыбной ловли. Рыбаки никогда не возвращались с пустыми руками!

Одним словом, поездка по Енисею — увлекательный отдых. Приезжайте к нам, не пожалеете!

В. БОЛСУН,
моторист теплохода
«Александр Матросов»

п. Подтесово,
Красноярский край.

МУЗЕЙ ИВАНА БУЛГАКОВА

Приезд в Курск известного борца И. Поддубного покорил ученика гимназии Ваню Булгакова. Он решил стать таким же ловким, сильным. Вскоре в квартире Булгаковых появились гири, куски рельсов. С ними мальчик возился утром и вечером. Кто-то подсказал Ване поступить в школу любителей физического развития, только что организованную в городе. Через несколько лет Иван Булгаков стал непобедимым на борцовском ковре. Но... на одном из состязаний он получил серьезную травму. Однако нельзя было травмировать его любовь к тяжелой атлетике, к борьбе... Иван Дмитриевич становится страстным пропагандистом этого вида спорта, спортивным журналистом. Он неизменный председатель жюри всех тяжелоатлетических состязаний и чемпионатов по борьбе, проходивших в Курске.

Более полувека Булгаков коллекционирует все, что связано с тяжелой атлетикой, как у нас, так и за рубежом. Его небольшая квартира по улице Советской, 13, превращена в своеобразный музей тяжелоатлетического спорта. Здесь побывали знаменитые силачи России: Поддубный, Буль, Вахтуров, Шемякин, Шульц, Пасунько и многие другие. По отзыву известного арбитра Ивана Владимировича Лебедева — «Дяди Вани» — «Булгаков — целая энциклопедия русского спорта».

Коллекция Булгакова действительно уникальная. Она насчитывает более 6 тысяч фотографий борцов, тяжелоатлетов, силачей, арбитров, снимков чемпионатов по борьбе, где бы они ни проходили, редкие фотографии женщин-борцов, подвизавшихся одно время на аренах России и Европы. В 48 огромных альбомах — газетные и журнальные отчеты о чемпионатах, таблицы результатов схваток, цирковые афиши, начиная с первого международного чемпионата по французской борьбе, проведенного в 1899 году в Петербурге, до последних состязаний борцов на Олимпийских играх.

Иван Дмитриевич ведет обширную переписку с любителями борьбы в нашей стране и за рубежом. В день семидесятилетия в адрес Булгакова поступили письма-поздравления от известного в прошлом русского силача, непобедимого Георги Гакеншмидта, проживающего ныне в Англии, участника Лондонской олимпиады 1908 года Георгия Демина из Италии, знаменитого польского борца Станислава Збышко из Кракова, русского богатыря Дмитрия Мартынова из Риги, бывшего чемпиона мира Александра Мазура и многих других.

А. ТУРКОВ

г. Курск.

ЮТ...

ПОЧЕТНЫЙ РАБОЧИЙ

Совхоз имени Фрунзе славится на Херсонщине не только своими высокими урожаями, но и чудесными людьми. Каждый пятый труженик — бывший участник гражданской или Великой Отечественной войны. Более двухсот человек имеют боевые награды. Здесь свято чтут армейские традиции: товарищество, дружбу, скрепленную в боях за Советскую Родину.

На первой странице книги почета четвертого отделения совхоза — портрет генерал-лейтенанта Карбышева, имя которого стало легендой. История такова. Активным участником подпольного движения в Маутхаузене вместе с Дмитрием Михайловичем Карбышевым был полковник в отставке Шамшеев Митрофан Алексеевич, ныне управляющий отделением совхоза. По его предложению генерал-лейтенант Д. М. Карбышев был занесен в книгу почета и зачислен почетным рабочим в бригаду коммунистического труда. Деньги, которые перечисляются на лицевой счет Карбышева, идут в фонд мира.

Недавно решено одну из улиц отделения совхоза назвать именем генерала Карбышева Д. М., верного сына своего Отечества.

И. ТАРАН

г. Херсон.

Тринадцать метров пути. Фото геолога А. Майбороды. г. Хабаровск.

полпреды

- 110 МИЛЛИОНОВ ТУРИСТОВ
- ПО МАРШРУТУ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
- ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ ВИЗ
- ТУРИЗМ — ЭТО ДРУЖБА

На теплоходе «Балтика» были обнаружены заговорщики: английские школьники решили воспрепятствовать его уходу в рейс. Ребятам ужасно не хотелось покидать гостеприимный Ленинград, совершенно их очаровавший. Такой необычный способ продления путешествия мог родиться, конечно, только в мальчишеских головах. Взрослые туристы, разумеется, более сдержанны, но и они с грустью покидают эти улицы, каналы, мосты и белые ночи. «Побродив по этому удивительному городу, окутанному романтикой весны, мы поняли, почему в него влюбляются наши соотечественники»,—сказали английские хирурги после своих ленинградских каникул. Конечно, Ленинградом восторгаются не только англичане. На наших снимках вы видите лишь одну из туристских групп, а едут сюда гости из десятков стран мира. Но ведь и Ленинград лишь один из городов, привлекающий туристов. Прекрасных городов на свете тысячи, а туристов! Что их сейчас волнует! Давайте-ка побываем в «штабе» международного туризма и узнаем все поточнее...

непосед

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

полпреды непосед

В Москве недавно проходило совещание технических комиссий по ослаблению формальностей и развитию туризма, которое проводил Международный союз официальных туристических организаций (МСОТО).

Под знаменами могучего племени туристов собираются люди самые различные; ни возраст, ни профессия, ни язык не мешают им опоясывать планету невидимыми нитями своих маршрутов. Мешают пока разные формальности и затруднения финансового порядка.

Нельзя сказать, что представители туристских фирм — народ бескорыстный. Забота МСОТО об облегчении путешествий строится на трезвом расчете: дешевле и проще — значит, выгодней и самому путешественнику и фирмам, его опекающим. Туристов-то будет больше! Индустрия странствий — одна из наиболее доходных и могущественных. Вот несколько любопытных цифр.

В 1963 году доход от национального и международного туризма составил 53 миллиарда долларов (только в рамках государств — участников МСОТО).

В прошлом году число путешествующих туристов составило 110 миллионов человек.

С 1950 по 1963 год доходы от туризма выросли на 331 процент — прирост больший, чем в любой отрасли промышленности, работающей на экспорт.

Сейчас в мире имеется около 6 миллионов мест в туристских гостиницах.

Будущий, 1967 год объявлен Международным годом туризма.

Для того, чтобы он прошел как можно успешнее, и собрались в Москве деловые люди, полпреды непосед из 38 стран. Они обсуждали разные вопросы: упрощение процедуры выдачи виз и паспортов, сокращение таможенных и пограничных формальностей, свободный обмен рекламными туристическими материалами, провоз валюты... Решено привлечь видных экономистов для изучения существующих налогов и пошлин, которые ложатся в ряде стран тяжким бременем на плечи туриста, с тем чтобы мотивированно потребовать их отмены.

Не забыты и автомобилисты, предусмотрено развитие сети дорог, стандартизация правил, признание национальных водительских прав, устройство мест отдыха и ночевок за умеренную плату, унификация указателей, обслуживание. Во время Международного года туризма будут проводиться несколько авторалли, самый большой из них — по маршруту Александра Македонского: из Европы в Индию!

Я задал участникам совещания несколько вопросов, связанных с Международным годом туризма. И вот ответы.

ГОСПОДИН СТАНЕК, ФРАНЦИЯ:

— Авиалиния Москва — Париж готова принять новых пассажиров. Я представляю в Москве не только генеральный комиссариат по туризму, но и авиакомпанию Эр-Франс, поэтому могу заверить, что мы поставим на линию столько самолетов, сколько потребуется, чтобы обеспечить всех путешествующих в Международный год туризма.

ГОСПОДИН СУМИТА, ЯПОНИЯ:

— В Токио вскоре открывается ваш туристско-информационный центр. Это вопрос дней. Постоянный морской рейс Иокогама — Находка и дальнейшая поездка по Транссибирской магистрали уже полюбились нашим туристам, особенно молодежи. Открытие прямого воздушного сообщения Токио — Москва значительно приблизит нас друг к другу и привлечет новых путешественников. Кроме того, этот путь позволит нам быстро перебрасывать туристов из Западной Европы в Токио через Москву.

ТОВАРИЩ Г. КАСОВ, БОЛГАРИЯ:

— Уже в этом году мы примем сорок тысяч советских туристов — на десять тысяч больше, чем в прошлом, 1965-м. К их услугам отели, спортивные площадки, различные развлечения, они будут регулярно получать советские газеты и журналы, в библиотеках при гостиницах найдут книги на русском языке. К Международному году туризма мы готовимся основательно. В будущем году вступит в строй самый большой в Европе кемпинг — на пятнадцать тысяч человек. На побережье, к югу от Бургаса, возводится курортный комплекс, который к 1970 году сможет принимать одновременно пятьдесят тысяч отдыхающих. В 1967 году намечено провести большое путешествие через все балканские страны.

ТОВАРИЩ В. М. АНКУДИНОВ, НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ТУРИЗМУ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР:

— Мы за то, чтобы снять препятствия, мешающие свободному движению туристов. Сейчас граждане всех стран (кроме так называемой республики Тайвань) могут получить бесплатно визу в любом консульстве Советского Союза, причем немедленно или в особых случаях не более чем в семь дней. Но мы пойдем дальше: будем рассматривать вопрос безвизного посещения нашей страны на взаимных условиях. Уже сейчас туристам, путешествующим по морским круизам и следующим транзитом через аэропорты, визы не требуются. С рядом стран обмен без виз уже осуществляется. Кроме того, мы принимаем без паспортов студентов и школьников из Англии, США и других стран, не берем налоги в гостиницах и аэропортах. Наше управление наметило меры для успешного проведения Международного года туризма: открываем много новых маршрутов, один из них пройдет через знаменитый заповедник Кижи. Строятся дороги, гостиницы, кемпинги, мотели. И если в прошлом году нашу страну посетило миллион двести тысяч иностранных граждан, то в год Международного туризма, осуществив намеченное строительство, мы примем на треть больше. Упрощается и оформление документов советских граждан, выезжающих за границу. Сейчас паспорта выдаются в областных и краевых центрах, а в недалеком будущем это смогут делать районные организации. В этом году поедут за рубеж 1 200 тысяч наших соотечественников-туристов.

На пресс-конференции я спросил руководящих деятелей МСОТО:

— В перерыве между заседаниями вы побывали в Ленинграде. Чувствовали вы себя в этой поездке туристами или только деловыми людьми?

Вот ответы.

Г-Н Х. АРЕСПАКОЧАГА и ФЕЛИПЕ (ИСПАНИЯ), ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ПО РАЗВИТИЮ:

— Программа работы совещания была достаточно напряженная, и я, к сожалению, не смог почувствовать себя туристом.

Г-Н РОБЕРТ ЛОНАТИ (ШВЕЙЦАРИЯ), ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ МСОТО:

— Я уехал из Москвы с желанием изучить организацию обслуживания, но она была столь хороша, что я в конце концов почувствовал себя просто туристом.

Г-Н ТАРЗИ (АФГАНИСТАН), ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОМИССИИ СТРАН ЮГО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ:

— Поездка дала возможность почувствовать себя туристом. Я забыл о делах и наслаждался так, будто путешествую по классу люкс!

И последнее: хочется привести слова, сказанные на пресс-конференции председателем комиссии по облегчению формальностей г-ном Г. Риччи (Италия):

— Дом дружбы, в котором проходила наша работа, мы назвали Домом туризма, потому что дружба — это туризм, а туризм — это дружба!

ДВА БОЯ

Два боя, и между ними целая жизнь молодого человека: крутые взлеты, ошибки, минуты отчаяния и возвращение к тому, что только и может дать настоящее, большое счастье.

«Кожаные перчатки» — так называется новая спортивная повесть, подготовленная автором к печати.

Мы публикуем фрагменты: два боя тяжеловеса Николая Коноплева, от имени которого ведется повествование.

Полностью повесть будет опубликована в журнале «Октябрь».

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Рисунок Е. Шукаева.

1

...Думаю о Наташке, и становится легче. Вот будет смехота, если мне крепко попадет на ринге. Непременно станет говорить, что она так и знала, что я, конечно, делал то не так и это вовсе не так.

Однако хоть бы чуточку узнать, что там происходит. Старик перегибает малость: тут вовсе издергаешься. Разве мне безразлично, как там ребята? Это ж мука мученическая — ничего не знать!

Незаметно для себя я чуть не бегом сную по бульвару, и прохожие с недоумением смотрят вслед: «Рехнулся парень?..»

Нет, к черту, пойду вот сейчас, и пусть старик делает, что хочет, а я узнаю... Это ж беда — так издеваться над человеком!

И тут кто-то легонько цепляет меня за локоть, дышит так, будто бежал вдогонку.

— Арчилу подняли руку! Вот так!

Мать честная, это ж Наташка! Шагает рядом, задохнулась, видно, так прямо и выскочила из зала, в одном платьишке, искала меня по всему бульвару.

— С ума сошла, застудишься...

— Вот чушь! Ты ни о чем не думай. Тебе сейчас это вредно, как, впрочем, всегда...

И как-то сразу все на своих местах. И раз пять или шесть она вот так ко мне выбегала. И я ловил себя на том, что уж нетерпеливо жду, когда наконец снова появится на запорошенных снежком широких ступенях цирка ее независимая фигурка, и начинал тревожиться, когда она долго не появлялась.

Этот вечер был вообще каким-то особенным, и, может быть, оттого, что неяркая, слегка таинственная игра света на снегу придавала всему вокруг необычайность, или оттого, что теплый ветер задиристо ерошил сухие ветки, заставляя их беспокойно шептаться друг с другом, я чувствовал, что сегодня ничего не надо бояться, ни того, что предстоит на ринге, ни даже той мысли, которая упрямо лезла в голову, мысли о том, что мне без Наташки, кажется, не прожить на белом свете.

В этот вечер, подобный которому я и вспомнить не могу, все представлялось удивительно простым и совершенно возможным. Выбежит сейчас Наташка, и я укрою ее под курткой, чтоб не дрожала, и скажу ей, что хожу здесь и думаю о ней и что может она смеяться, сколько хочет, и говорить, что хочет, мне все равно: то, что я думал, сказал. Слышишь, ветер, теплый, задиристый? Я так и скажу ей: «Знаешь, Наталья...»

Но, только она появлялась, я забывал все это. Один раз она почему-то шла медленно и хоть так же независимо, будто ей принадлежал цирк и все его сверкание, однако сердце у меня упало в предчувствии чего-то нехорошего.

— Подумаешь,— сказала она.— Ну и проиграл, что из того?

— Кто?!

— Откуда я знаю? Кажется, его зовут Иваном.

— Ванька?

— Ну и что? Судьи — жулики. Я так и сказала!

Проиграл Ванька! Сколько же можно мне еще топтаться по этой постылой хлюпи? Какое

все-таки паршивое время — эта ранняя весна. Нет, старик, с его приказами беречь нервы — чудак. Будто мы жалкие меланхолики, пугливые вороны... Эх, был бы я там! Мне всерьез начинало казаться, что Ванька проиграл именно оттого, что меня там не было, что, будь я там, неважно где, хоть за кулисами, все пошло бы совсем иначе...

Наташка выбежала снова, и я уже издали понял: на этот раз все в порядке. И она, не добежав до меня, кричала:

— Явное преимущество! Я так и знала!..

И, перевирая боксерские термины, рассказывала, как Сашка сначала все подпрыгивал, все подпрыгивал, потом стал бить вот так и вот так и без отдыха и все напирал, и судья остановил бой в третьем раунде, и правильно сделал, потому что тот, другой парнишка, стал уже качаться и закрываться обеими руками.

— Смотри, Николай, вот так!..

Мне было смешно, уж очень забавно Наташка демонстрировала глухую защиту. И мне опять захотелось забрать ее под куртку и сказать, что все время хожу и думаю о ней, хотя и не думал. Сашка, значит, выиграл! Нет, как хотите, но я больше здесь торчать не намерен. Пусть старик выгоняет вон, я все равно пойду туда, к ребятам...

— Николашка, пора!

Мы столкнулись с Арчилом нос к носу в подъезде. О, какой боевой вид у малыша! Заклеена бровь, ссадины обильно замазаны зеленкой...

— Молоток, муха!

— Ладно... Ты только не дрожи коленками...

Задается. В раздевалке пахнет вьевшимся запахом пудры, и странно выглядят вдоль стены зеркала с засохшими букетиками астр. Что-то рассказывает Аркадию Степановичу наш полутяж Юрка, все переспрашивает: «Верно ведь, верно?..» У него на плечах перекинуто полотенце, ему выходить скоро на ринг, и он, мы понимаем, оттого излишне болтлив и делает вид, что именно сейчас, сию минуту необходимо выяснить что-то такое, что можно с полным успехом выяснить и после...

В раздевалке гул. В раздевалке жарко. Иван и Сашка подходят ко мне, помогают снять куртку, разговаривают с самым спокойным видом о чем-то, не имеющем никакого отношения к боксу, к рингу, к залу, шум которого слышен, как тяжелые вздохи. Я знаю, что один из них счастливец, а другой полон горя. Но делаю вид, будто ничего не знаю, и нарочно протягиваю Ваньке бинты: «Помоги, Иван... Ты мастак в этом деле».

Все, как во сне, все зыбко и вместе с тем совершенно отчетливо. Подскакивает Арчил:

— Колька, слышал анекдот о льве, который шел по лесу?

— Нет! А ну рассказывай...

И все мы смеемся над старым анекдотом, который знаем давным-давно, и Аркадий Степанович смеется, щуря узкие, как бойницы, светлые глаза. И мне понятно, что все это делается нарочно, и всем понятно, что это нарочно. Мне хочется сказать ребятам и Аркадию Степановичу, что все будет в порядке, но пять или шесть рук уже похлопывают меня по плечу: все ясно.

Наконец мы идем с Аркадием Степановичем к рингу. Он зачем-то все поглаживает меня по спине, это немного раздражает, но, наверное, так принято, и я опять выпячиваю подбородок и стискиваю челюсти — пусть не думают те, кто в зале, что между канатами ринга пролезает такой уж обомлелый от неожиданности, розовый юнец.

— Как погулял, Коля?

Вопрос этот поражает своей нелепостью в тот момент, когда в первый раз в жизни стоишь в углу ринга на глазах у всех. Я даже не сразу понимаю, о чем меня спрашивает Аркадий Степанович, и, когда до сознания доходит смысл, начинаю столь же нелепо длинно и подробно рассказывать о том, как гулял, что сегодня здорово тепло и, знаете, такой хороший ветер...

— Так, так...— кивает Аркадий Степанович и легонько подталкивает меня, чтобы я обернулся к судье, который, оказывается, ждет, чтобы я обратил на него внимание.

Судья зачем-то щупает мои перчатки и очень быстро, внимательно заглядывает в глаза. Я улыбаюсь этому симпатичному человеку и страшно удивляюсь, когда он в ответ хмурится и сурово и негромко говорит: «На середину!»

Опять я в углу. Старик все поглаживает меня по спине. Я слышу глуховатый, какой-то вибрирующий гул зала и почему-то с любопытством смотрю, как за судейским столом худой мужчина, весь в белом, поднимает гонг, похожий на медную тарелку, и вдруг резко бьет по нему, отчего я вздрагиваю.

— Начинай, Коля! — опять подталкивает меня Аркадий Степанович.— Начинай, голубчик!..

Сколько раз я представлял себе раньше это мгновение! И ничего не было похожего. На самом деле все оказалось гораздо серьезнее и гораздо проще вместе с тем. Серьезнее оттого, что теперь все происходило на самом деле. Проще оттого, что, стоило мне коснуться перчаткой парня, как все вокруг обрело ясность, и я видел перед собой только то, что и следовало видеть,— боксера, его немного напряженную стойку, его глаза, чуточку растерянные и отчаянно решительные.

Но мало было увидеть. Я вдруг ощутил странное чувство полной невозможности что-то предпринять, что-то сделать. Руки и ноги показались лишними, легкими, будто их и не было. Надо было как-то выходить из оцепенения, как-то двинуть рукой, шагнуть куда-то...

Парень, видно, первым пришел в себя. Он легонько, будто приноравливаясь, ткнул меня перчаткой в лоб, другой раз...

Это меня отрезвило, вернуло способность нормально владеть руками и ногами. До сознания дошел чей-то смешок, чей-то неуверенный хлопок в ладоши.

И тут случилось совершенно невероятное. Я внезапно увидел с полной отчетливостью открытый для удара подбородок парня очень близко и, не отдавая себе отчета в том, что делаю, ударил коротко, сильно в этот подбородок, точно, как на уроке, классическим движением прямой левой.

И остался на ринге один. И тут же услышал злой, почему-то осуждающий голос судьи: «В угол!..»

Виновато я отошел в угол и растерянно посмотрел на Аркадия Степановича, уверенный в том, что он будет сейчас за что-то ругать меня.

Я слышал, как судья все так же осуждающе считает у меня за спиной: «...Три... четыре... пять...» В цирке было так тихо, будто он вдруг стал пустым и гулким.

Потом судья схватил меня за руку, и я от неожиданности уперся и не сразу позволил судье поднять мою руку. Он тихо сказал мне:

— Что, что ты упираешься?

И вслед за тем громко, пугающе громко, на весь зал закричал:

— Нокаутом победил Коноплев!

Сразу стало невероятно шумно. И только тогда я увидел парня, который хватался за канаты и неуверенно, держась за них, пробирался почему-то в мой угол ринга. Я бросился к нему, и мы обнялись там, у каната. И он мне сказал: «Здорово, брат, ну и ударчик...»

И я его поцеловал, поцеловал звонко и неумело в щеку, и зал загудел смехом, и долго, долго хлопали...

2

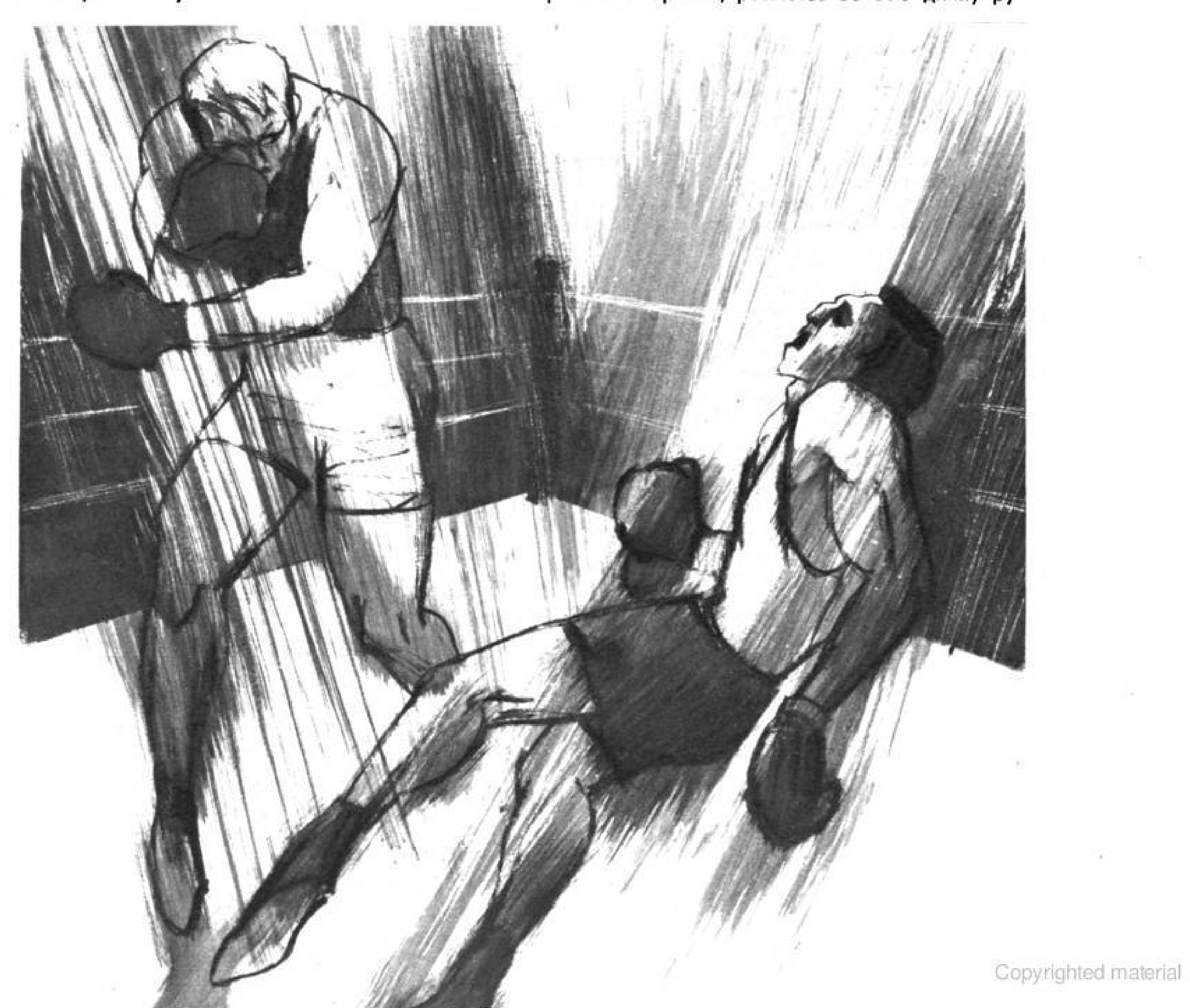
...Атмосферное давление вновь подскочило в зале к выходу на ринг тяжеловесов. Оно достигло той критической точки, когда в котле срабатывает предохранительный клапан, предотвращающий аварию.

Здесь предохранительного клапана не было. Казалось, что вот-вот все полетит к чертям. Я успел заметить, как в коридоре тихо, тревожно переговаривались полицейские, видно, только что прибывшие для подкрепления, как они серьезно слушали то, что им торопливо говорил офицер. Меня сначала удивило, откуда взялись пожарники и для чего они бегом кинулись к шлангам. Гарью вроде не пахло. Я смекнул, что при случае в ход будет пущена вода.

Не бой, а трагедия! Стоя с Аркадием Степановичем у выхода в бушующий зал, посреди которого высоко над головами ослепительно белел квадрат ринга, я заметил, как там и здесь пустели места в рядах кресел: кто поблагоразумней, спешил уйти от греха подальше.

Из зала, с той, противоположной его стороны, доносились глухие удары, слышимые даже сквозь невероятный шум возбуждения. Массивные, во всю стену ворота главного входа, запертые на железный засов, гнулись и с минуты на минуту должны были распахнуться настежь под напором тех, кто их атаковал снаружи. Туда побежали полицейские. Я видел, как один из них, румяный, молодой, пытался и никак не мог затянуть вздрагивающей рукой ремень своей каски.

Ворота гнулись. В их створе образовалась зияющая щель, слышен был сухой треск дерева. Пожарники, размотав во всю длину ру-

кава, нацелили брандспойты в эту щель, все расширяющуюся.

Истерически завизжали женские голоса. Громадные ворота не выдержали напора, сдались, распахнулись. И тут же ударили тугие, с канат толщиной струи воды. Вероятно, у пожарников ходили от волнения руки, потому что сначала вода окатила ползала, а уж потом ударила прицельно, в упор, в победно орущую, лезущую в зал толпу.

Было мне не до смеха, куда уж там. Но невозможно было удержаться, видя, как отдуваются, пуча глаза, какие-то сановитые люди в почетной ложе, ошпаренные с головы до ног мощной струей.

Тугими ударами, в упор била и била вода в тех, кто ворвался. Падали, выкарабкивались из-под навалившихся тел, но лезли вперед!

Начало боя задержалось. Но, видно, ничего нельзя было сделать. Полицейские ограничились тем, что встали стеной вокруг, у подножия ринга.

Мы пошли на ринг. Старик шел чуть впереди меня, грузный, сутуловатый, как никогда, похожий на старого гладиатора, повидавшего все на своем веку. Наверное, вид у нас обоих был достаточно внушительный, потому что странно замолкала улюлюкающая публика по мере того, как мы продвигались к рингу. Помню, какой-то расхристанный, с галстуком чуть не на спине субъект, широкозадый, с бабьей физиономией, выскочил было перед нами в проходе, засвистал натужно и неумело. Я улыбнулся и так свистанул, что субъект чуть не повалился на колени. Подействовало. Раздался оглушительный хохот и даже аплодисменты.

Мы вышли на ринг первыми. Было настоящим хамством заставлять ждать боксера-гостя, особенно в такой обстановке. Но Гуннар Берлунд не спешил выходить. Это был, конечно, хорошо рассчитанный прием. Попробуйте проторчать пять или семь минут на ринге, когда трещотки над головой орут глумливо и нагло! Молодчики, устроившиеся над нашим углом ринга, время даром не теряли. Я видел, как на пол ринга вылетел и закружился большой ржавый гвоздь, видел, как внезапно побелел, схватился за голову фотокорреспондент, пристроившийся снимать меня, как руки его стали мгновенно красными от крови, когда он отнял их от затылка.

Маневр Берлундом был рассчитан тонко. А нервы у меня оказались некрепкими в тот раз, нет, некрепкими. Старик, конечно, это понимал. Он вдруг, чего уж я никак не ожидал, спросил меня, наклонясь к самому уху, чтоб я расслышал:

— Ты помнишь, Коля, сплетниц?

— Сплетниц?!

— Ну как же! Ты их так называл. Ну, эти зеленые, острые, в кадке у окна...

— О! Конечно, помню!..

— Зацвели. Представляешь? Мы с Глафирой Вячеславовной диву даемся...

Как же это было вовремя! Как бывает, когда идешь по комнате в потемках и, коснувшись знакомого предмета, спинки стула или кровати, воспроизводишь мысленно всю комнату в целом, так и эти остроносенькие зеленые сплетницы в кадушке у окна, нежданно-негаданно зацветшие, вернули меня в Москву, мою, настоящую, с комсомольскими песнями, запахом лип в Сокольниках, рассветными над городом гудками...

Орало, гудело, трещало вокруг. Но это не имело уж такого большого значения. Гораздо важнее теперь было то, что ответит Аркадий Степанович, если я сейчас расхрабрюсь и спрошу:

— Аркадий Степанович!

— Да?

— А можно, я как-нибудь приду к вам домой?

— Отчего же? Приходи...

Черт с тобой, Гуннар Берлунд, и с твоими маневрами. Наплевать мне на все это с высокого дерева.

Спокойствие. Вот оно как будто пришло. Я уже почти равнодушно, как на нечто досадное, но и неизбежное, гляжу, как перепрыгивает через канаты и под всеобщее ликование посылает приветы забинтованными руками белокурый кумир, тот самый Берлунд, который столько грозил мне кулаками.

Спокойствие, сказал я. К сожалению, оно было слишком коротким.

Когда на середине ринга мы взглянули друг на друга, я понял: бой будет беспощадным.

У него жестокие, холодные глаза. Я стою на пути перед его выгодным контрактом профессионала, любимчика, кумира, гордости нации. Он должен бросить меня на пол. Бросить любой ценой, любыми средствами. Другого решения быть не может.

Это я увидел в его холодных глазах. И это меня взбесило.

У него были покатые плечи, матовая кожа, под которой легко, эластично переливались мышцы. Он был на редкость холеный боксер. Наметанным взглядом я без труда определил, что он вынослив, быстр, резок, опасен.

Ноги сухие, нервные. Он немного ниже меня ростом, вероятно, будет стремиться к сближению. Там, в ближнем бою, надо держать ухо востро: жди грязи. Станет бить локтями, тыкать пальцем в глаза. У нас этого нет, не водится. Но наслышаны...

— Дистанция,— говорит Аркадий Степанович.— Правую руку выше...

Но вот и гонг!

Конечно, этого следовало ждать: Берлунд успел задержать меня в углу. Он подобрался, как зверь к жертве, тихо, хищно. На мгновение я замешкался и тут же должен был принять глухую защиту. Резкие, без разбора удары поражали прижатые мои перчатки, плечи, локти. Удары были резки, через перчатку я почувствовал их опасность.

Он был достаточно опытен, чтобы делать ставку на этот наскок. Мы оба понимали: так бой не выиграешь. Это на публику. Берлунд попытался попробовать меня, так сказать, на зубок, испытать на крепость. Мне пришлось прибегнуть к клинчу. Он рванулся. Мы оба едва не упали, потеряв равновесие.

Я выскользнул из угла.

Ринг мне всегда казался тесным. Наверное, так думает каждый тяжеловес. В этом бою мне особенно казалось малым пространство, очерченное канатами. Виной тому Берлунд. Маневры его были быстры и неожиданны. Он задался целью ни на миг не отпускать меня. Я очень долго не мог отвоевать выгодную мне дистанцию. Отступая, я заставлял его промахиваться, но канаты тут же отбрасывали меня, и он опять оказывался близко.

У него было обостренное чувство дистанции. И он немного пижонил, пользуясь им. Я намотал это на ус. В таком бою надо было все успеть приметить, запомнить, учесть. Два или три раза, когда я контратаковал прямыми ударами, Берлунд спокойно опускал руки и легким движением головы уходил от ударов. На публику это производило потрясающее впечатление. Раздались взрывы хохота, глумливый свист в мой адрес.

Расстояния он мне не давал. Вблизи его удары не были опасными, но он был быстрее меня, чувствовал себя в своей стихии.

Канаты выталкивали меня, едва я пытался отступить. Берлунд, стремительно проскальзывая под мою левую руку, бил накоротке, надолго прилипал, клинчевал. Это порядком изматывало. Я еще ничего не успел сделать, но уже трудно дышал.

...Когда пришла ошибка? Громадная ошибка, чуть не стоившая мне нокаута!

Мы были оба молоды и здорово самолюбивы. Лично я считал, а впрочем, и продолжаю считать, самым унизительным на ринге — быть смешным. Я почти все время слышал, как покатывалась публика. Конечно, ей казались невероятно смешными мои постоянные промахи, мои судорожные попытки получить простор.

И вот случилось то, чего я так нетерпеливо ждал. В разгар темпового, суматошного ближнего боя Берлунд внезапно отскочил и, опустив руки, расслабясь, играя плечами, смотрел на меня, словно предлагая: «Ну, что ж ты? Бей! Ты этого хотел? Бей!» Вызов был столь откровенен, что не атаковать было невозможно! Мне потом говорили ребята, будто весь зал подался вперед, ожидая: что-то будет?.. Я не забыл об осторожности. Нет, не забыл. Но мне казалось, что я понял этот пижонский прием и, если ударить не прямым, а быстро, снизу...

Мне потом говорили, что он опередил. Что он прыжком бросился и всем весом ударил открытую челюсть.

Я этого не видел. Я видел, как ринг встал дыбом. Это было настолько реально, что я не удивился. Я принялся карабкаться по брезенту. Брезент был скользкий. Я карабкался, но до верхнего края было все так же далеко.

— Три... Четыре...

Счет рефери привел в сознание. Конечно, я не помню, при каком счете встал на ноги. Было глухо и темно. Только как раз передо мной маячило что-то расплывчатое. Тишина, темнота, мелькание...

Ребята потом рассказывали, будто в зале люди падали в обморок. Будто в самом деле стояла такая тишина, что слышно было, как упала капа, которую я выплюнул. Я пошел вперед, рассказывали ребята. Я шел с опущенными руками, сбыченной головой. Берлунд бросился добивать, но в спешке промахнулся, и мы оба упали.

Не помню, что было в перерыве. Помню только, как острый запах нашатыря пронзил до затылка, и мутный, колеблющийся силуэт там, напротив, обрел устойчивость. Я не отводил от него глаз и теперь узнал Берлунда.

Старик что-то говорил. Я сумел улыбнуться ему и сказал требовательно: «Капу!..»

Потом все постороннее опять перестало существовать. Я видел перед собой фигуру боксера, понимал, кто это, а все остальное не имело никакого значения. Пожалуй, в те мгновения разум отступил. Осталось сознание, что я в бою и — обнаженный инстинкт. Инстинкт пригнул мою голову в тот момент, когда к ней мощно рванулась чужая перчатка. Инстинкт послал мою руку вперед, заставил ударить крупное, в каплях пота тело. Инстинкт вложил в этот страшный удар небывалую силу.

Говорят, он упал не сразу. Говорят, он рухнул, сжавшись в комок, лишь после того, как я, шатнувшись, сделал к нему движение. Говорят, будто лежа он не отводил от меня глаз, с таким выражением, словно хотел навсегда меня запомнить...

Говорят, что рефери на ринге сделал все для того, чтобы дать ему отдышаться, перетаскивая меня из угла в угол, будто по ошибке, и только после этого начал счет...

Мы были оба молоды. Конечно, только это спасло нас в бою, похожем на трагедию.

Мы были очень сильными и по-разному, но в равной мере самолюбивы.

К третьему раунду мы почти очнулись. Я все еще подволакивал ноги. Берлунд был бледен, почти синь, тяжко дышал, как всегда бывает, когда пропустишь болезненный удар в солнечное сплетение, словно вынимающий душу.

Мы оба рвались к победе. До последней секунды боя. Мы были предельно собранны и осторожны. Наверное, так надо было вести себя в первых раундах.

Но мы слишком много отдали в первых раундах и теперь дрались предельно собранно и осторожно потому, что узнали друг друга.

Я еще два раза посылал Берлунда в нокдаун. Оба раза он вставал, шел на меня, оскалив зубы, мучительно выискивая мгновение ударить.

Время прекратило поединок. Мы недодрались. Во всяком случае, у меня было такое ощущение. Думаю, что было оно и у Берлунда.

Судьи долго совещались и наконец вынесли решение: «Ничья!»

Не хочу думать, верно ли это было. Мы шли по тесному живому коридорчику: впереди Берлунд со своим секундантом, за ними — мы с Аркадием Степановичем. Люди тянули руки, похлопывали по плечу, сначала Берлунда, за ним меня: «О ля-ля!» — и говорили что-то еще, чего я не понимал, но на что Берлунд благодарно кивал головой, а за ним кивал и я.

Мы не расстались врагами, нет. Он потом зашел к нам в раздевалку, и, как водится у спортсменов, мы пожали друг другу руки. Геннадий перевел, что Берлунд желает мне счастья. Я сказал, что желаю счастья ему, так, как он его понимает. Мы еще посмеялись: «Да, да! У каждого оно свое!»

До сих пор меня не покидает ощущение, что мы тогда недодрались. Досадно. Бой мог бы быть великолепным, если б мы оба вели себя умнее.

А. Дейнека. ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ИНЖЕНЕРА.

А. **Дейнека.** МУЗЕЙ ЛЕЖЕ.

РОК-Н-РОЛЛ. ПАРИЖ.

БУДЕТ ЛИ РАЗБИТ БЕТОН

Мартын МЕРЖАНОВ

Итак, до очередного чемпионата мира по футболу остались считанные дни. Позади четыре года, прошедшие в острой борьбе на переполненных стадионах и в укромных тренировочных базах. Футбольной воды утекло много, и текла она бурно, преодолевая стремнины, меняя направления, разделяясь на ручьи. Тренеры то тянули футбол назад, к доброму старому дубль-ве, то деформировали бразильскую систему, то начинали поклоняться новому идолу, который не имел ясно очерченного облика.

Напуганные взлетом дважды чемпионов мира — бразильцев, многие европейские команды и некоторые южноамериканские (например, Аргентина) громогласно заявили о своем желании укрепить оборону и, не задумываясь, начали строить у своих ворот бетонированные редуты.

Эта тенденция, появившаяся в Италии, была полнее всего использована опытным тренером Эленио Эррера из миланской команды «Интернационале». Сначала казалось, что игра с «либеро» («чистильщиком») будет только дежурным тактическим блюдом, но потом оказалось, что речь идет о стратегии.

Это особенно стало заметно в канун нового чемпионата мира. И сейчас, когда все шестнадцать сильнейших в мире команд кочуют по европейским стадионам, собираясь в Англию, можно наблюдать, как они испытывают прочность своего бетона и берут на зубок чужой... И сколько же раз мы видели, как много энергии затрачивают команды на разрушение чужих атак, не оставляя сил для своих!

В этом смысле характерна игра недавних наших гостей — футболистов национальной команды Франции. Они возвели бетонированные редуты, но не могли спасти свои ворота. И это не случайно. Трещины в бетоне были обнаружены не только во время игр на московском стадионе, взламывание защитных бастионов проходит повсюду и довольно успешно. К воротам многих команд, закрытым на семь замков, долго подбирались тактические ключи, и найдены они были в быстром маневре форвардов, как по фронту, так и в глубине поля, в острых диагональных передачах за спину соперника, в индивидуальном мастерстве игроков, умеющих на третьей скорости свободно распоряжаться мячом.

Такой стиль игры поставил в затруднительное положение защитников, в том числе и «чистильщика», рвал между ними тактические связи, сбивал их с наигранных позиций. Энтузиазм обороняющихся сгорал на медленном огне.

Пойдет ли дальнейшее развитие футбола в сторону укрепления оборонительных функций и усиления атакующего потенциала? Возможно. Но едва ли это произойдет в Англии, в дни чемпионата мира, где многие команды считают, что безопасность прежде всего. Судя по всему, мы вновь увидим позиционную борьбу, которую мы не раз наблюдали на чемпионате в Чили.

* * *

Я много раз видел бразильских футболистов и на тренировках, и в матчах на самом высоком уровне, и, наконец, в те для них счастливые минуты, когда их капитан поднимал над головой сверкающую на солнце золотую статуэтку богини Ники. Этим жестом он как бы подчеркивал: «Мы сильнейшие». И если мысленно обобщить все виденное, слышанное и прочитанное о чемпионах мира, то можно заметить самую характерную их черту — устойчивость успеха — выразительный показатель высокого класса.

Бразильцы и сейчас многим представляются загадкой. Во всяком случае, футбольный триумф, в который выливается почти каждый матч с их участием, рождает новую футбольную эстетику: тактическое разнообразие при абсолютной верности принципам своей системы.

Но руководители бразильской сборной понимают, что им придется в Англии встретить жесткое сопротивление именно на подступах к чужим воротам. Характерно в этом отношении высказывание их старшего тренера Висенте Феола, который на вопрос корреспондентов, боятся ли бразильцы европейского бетона, не задумываясь, ответил: «Нет. Мы будем играть так, как играли до сих пор, и изменять своей системе игры не будем».

Бразильцы сейчас выступают в Европе. Происходит шлифовка команды, окончательный отбор ее состава. Характерно, что Феола везет в Англию ряд игроков, которые впервые заявили о себе еще на шведском чемпионате восемь лет назад. Среди них — вратарь Жильмар, защитники Д. Сантос, Беллини и Орландо, хавбек Зито, форварды Пеле и Гарринча. К ним можно присоединить Амарилдо, который засверкал позже — на чилийском чемпионате — и был прозван «Белой жемчужиной».

Среди талантливых претендентов прежде всего нужно упомянуть хавбека Герсона, которого видели москвичи год назад. По всем данным, он займет в команде роль Диди и будет плести паутину комбинаций на середине поля. Второй хавбек, хорошо заявивший себя,— Лима. В защите выделяется Рилдо и в нападении — Жаиринье, Сервило, Силва, Парана.

Перед отъездом в Европу сборная Бразилии в разных составах сыграла ряд матчей с командами Перу, Польши, Чехословакии и все выиграла. Встречи носили не только товарищеский, но и контрольный характер. В их план входило наигрывание определенных тактических вариантов, а также просмотр игроков.

Беда Висенте Феола не в том, что у него нет первоклассных мастеров, а в том, что у него их слишком много. Это временами ставит его в тупик, и все же из 40 футболистов, заявленных в оргкомитет чемпионата, он уже отобрал 27, с которыми прибыл для акклиматизации в Европу.

Бразильцы, как известно, попали в самую тяжелую по составу группу — третью. Кроме них, там будут выступать португальцы, венгры и болгары, для которых соседство с чемпионами мира нельзя назвать уютным. Второй по трудности нужно считать четвертую группу, где встретятся СССР, Чили, Италия и КНДР. Затем вторую. В нее входят команды ФРГ, Швейцарии, Испании и Аргентины. Наконец, по всеобщему признанию, самой легкой группой оказалась первая. В ее составе Англия, Франция, Мексика и Уругвай.

Такая расстановка сил может дать самые неожиданные результаты. Стоит заметить, что организаторам турнира — англичанам, если и придется встретиться с бразильцами, то не раньше, чем в полуфинале.

Каковы же шансы команд? Прогнозы в футболе давно уже обречены на неудачу. Могут быть самые неожиданные сюрпризы. И все же естественным исходом будет, если в четвертьфинале окажутся такие восемь команд: Англия и Франция, ФРГ и Испания, Бразилия и Венгрия, СССР и Италия... А не другие? Возможно, что и некоторые другие. В том-то и прелесть футбольной игры, что трудно предугадать исход того или другого матча. Но обозреватели и специалисты всех стран склонны в финале видеть Бразилию и Англию.

Как же реагируют на этот прогноз бразильцы? Висенте Феола по этому поводу сказал: «Мы оптимисты, но и оптимисты терпят поражение. Поэтому мы каждый день твердим своим игрокам, чтобы они не поддавались благодушию, витающему вокруг нашей сборной. Мы должны быть готовы к худшему. Уверен, что только в этом случае добьемся лучшего».

Тренер англичан А. Рамсей на сей счет не высказал ни одного слова. Это и понятно: его команда не имеет устойчивых результатов. А значит, молчание — золото. Английский тренер весь в тревогах за состав, за тактическое построение атаки. Конфликт с обозревателями, которые резко критиковали его за попытку вести атаку тремя игроками, не имея форвардов на флангах, ликвидирован. После сенсационного поражения, которое англичане потерпели от Шотландии, Рамсей больше не искушает судьбу: его команда играет теперь с крайними нападающими.

Вопросы тактики будут занимать на чемпионате не последнее место. На первый план выходит умение мыслить на поле. И та команда, игроки которой будут тактически сообразительней и остроумней, всегда найдет пути к чужим воротам.

Верховодить на поле будут те, которые сумеют употребить свою силу для тонкого и разумного обращения с мячом. Однако нетрудно предвидеть, что грубости не избежать на английских полях, как невозможно ее было избежать на чемпионате мира в Чили.

...На моих глазах в Арике Дубинский получил серьезную травму ноги, Метревели покинул поле с забинтованной головой, полицейские выводили с поля двух итальянских футболистов. В эти же дни вышел из строя Пеле, и озабоченный оргкомитет ФИФА принимал срочные меры по борьбе с грубиянами. Поэтому когда я в последний раз виделся с президентом ФИФА лордом Стэнли Роузом — осенью прошлого года,— я не удержался от вопроса, который, как я догадывался, волновал его не меньше, чем меня. Я спросил: какие меры будут приняты для борьбы с грязной игрой? После некоторого раздумья, во время которого лорд внимательно рассматривал лепной потолок своей лондонской квартиры, он сказал:

— Сначала я вам обрисую случай, который произошел с моим коллегой, судьей. Он реферировал матч благополучно до момента, пока он не дал свистка, определив офсайд. Форвард, недовольный таким решением, пробегая мимо, бросил в адрес арбитра оскорбительное «слепой!». Возмущенный судья гневно спросил: «Что вы сказали?»,— а футболист спокойно ответил: «Так вы, оказывается, еще и глухой?!» Мне думается,— резюмировал Роуз, если наши судьи будут обладать острым глазом и хорошим слухом, то можно будет избежать грубую игру...

Предаваясь мечтам, хочется верить, что полицейским нечего будет делать на английских стадионах в дни чемпионата мира, что слепые и глухие арбитры исчезнут, а поэтому «война нервов» пройдет в рамках строгой корректности.

Ну что ж, поживем — увидим.

РЕПЛИКА

КРАСИВО СУЧЬЯ ОБРУБАЕМ!

Один из героев повести Н. Сизова «Арбат и Селенга» («Московский рабочий», 1966 г.), лесоруб Василий Коваль, с гневом говорит о ручной обработке поваленного леса: «Вот вы говорите: красиво сучья обрубаем. А ведь мой батя, дед да и прадед так же их обрубали. Заметьте, так же, такими же топорами. А вы говорите: красиво... Какая уж тут красота!»

Эти горькие слова вспоминаются, когда читаешь опубликованный в журнале «Новый мир» (№ 4 за 1966 г.) отзыв учителя П. Бойко «Конфликт не состоялся...» на упомянутую повесть. Написанный по железным канонам устаревших школьных учебников, в изложении которых ветвистое древо художественного произведения предстает голой лесиной, этот отзыв удивляет упрощенным подходом к литературному произведению. Пересказывая повесть «Арбат и Селенга», П. Бойко настолько выпрямляет, «очищает» сюжет, что невольно хочется воскликнуть: красиво сучья обрубаем!

Ведь голый пересказ фабулы, игнорирование внутренних закономерностей развития действия, побочных линий, мотивов, без которых вообще немыслимо произведение литературы, ведет к принижению творческих намерений автора.

Изложив содержание повести Н. Сизова по методу «красиво сучья обрубаем», автор с удовлетворением отмечает: «Итак, конфликт не состоялся».

А несколько далее он с тем же чувством записывает: «Отрицательные герои, которые, по замыслу автора, должны, так сказать, определять конфликт повести, бороться с Шумилиным, вступая в «борьбу», только портят дело (какое? Непонятно! — **Н. С.**). Собственно, они и не борются, а в течение всей повести мучительно пытаются понять, что же за человек Шумилин». По П. Бойко выходит, что отрицательные герои в произведении непременно должны сойтись лоб в лоб, так сказать, стенка на стенку. А раз в произведении Н. Сизова таковое не происходит — значит, и все произведение упраздняется.

Но в повести действительно конфликт есть. Н. Сизов вовсе не хотел свести свою задачу к внешнему противоречию: оставаться исследовательскому институту в Москве или, вопреки консерваторам, перебазироваться в Сибирь, ближе к производству. Он дал нравственно углубленное толкование главного конфликта своей повести: показал мучительное непонимание, которое так резко и даже драматично разделяет героев.

Конечно, повесть Н. Сизова не лишена недостатков. Но это вовсе не говорит о том, что к ней нужно подходить предвзято.

Совсем недавно журнал «Новый мир» критиковался за последовательно-фельетонное рецензирование прицельно выбранных литературных произведений. Неужели и дальше последуют на его страницах такие предвзятые рецензии?

Н. СЕРГОВАНЦЕВ.

4 ИЮЛЯ ЮГОСЛАВИЯ ПРАЗДНУЕТ «ДЕНЬ БОРЦА»

Л. ЛЕРОВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька».

Эти снимки сделаны в Словении. Здесь, пожалуй, каждый город, каждое село хранит память о подвигах партизан-подпольщиков, бойцов Народно-освободительной армии Югославии, бок о бок с которыми храбро дрались и советские воины.

Любляна, столица Словении.

ДОМ В ДЕ

Копер — древний городок на берегу Адриатического моря.

В сердце Есеницких гор лежит поселок Кроне. Самый популярный здесь человек — кузнец и художник Йожа Бертонцель.

Уходящий далеко в море Пиран — город средневековья. А это его молодость, его будущее.

Утро начинается с газеты.

...А я живу у самого синего моря!

ДИНЬЕ

Голуби ревнивы, как и люди.

После Нового Белграда, где зодчие, нарушив стандарт прямоугольной планировки, поражают смелостью и оригинальностью замыслов; после кипучего людского водоворота площади Теразии с ее шикарными магазинами и тротуарами, облепленными столиками «кафан»; после пестрого смешения разных эпох и культур на узеньких, кривых улицах времен легионов древнего Рима и янычар Сулеймана; после всей этой мозаики молодеющего города — утопающая в изумруде садов Дединья кажется тихим дачным поселком. Но это только кажется. Дединья — все тот же Белград, город-история. И в истории этой одна из героических страниц писалась именно здесь, в немноголюдной, живописной Дединье.

Спросите тут любого горожанина: «Молим, друг! Где музей Четвертого июля?» И он сразу же приветливо улыбнется вам. Не только потому, что мешанина сербских и русских слов скажет ему: «Перед тобой гость из России». Прохожему приятно, что гость интересуется именно этим музеем. И хотя после наиподробнейших его объяснений музей без труда найдет самый бестолковый человек, белградец все равно сочтет своим долгом лично привести вас к домику, откуда четверть века назад был брошен клич коммунистов: «Вставай, поднимайся на бой с оккупантами!»

...Все в этом доме-музее — и вещи, и фотографии, и документы — напоминает о тяжких днях 1941 года.

6 апреля 1941 года фашисты напали на Югославию. Им потребовалось менее десяти дней, чтобы оккупировать ее: прогнившая монархия, предательство буржуазии сказались в полной мере.

Король и правительство бежали за границу. Коммунистическая партия Югославии оставалась в стране той единственной силой, которая способна была продолжать борьбу с оккупантами и их местными прислужниками. Коммунисты не пали духом, они готовили массы к решающему сражению. Нападение гитлеровской Германии на СССР было воспринято как боевой сигнал: быстрее, быстрее готовить вооруженное восстание.

«Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только ради обороны страны социализма, но и ради окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Следовательно, это и наша борьба, и мы должны поддержать ее всеми силами, жертвуя даже жизнью...»

Это строки из письма Политбюро ЦК КПЮ, принятого в день нападения гитлеровцев на СССР. Пройдет пять дней — и уже будет сформирован главный штаб Народно-освободительных и партизанских отрядов Югославии с генеральным секретарем ЦК КПЮ Иосипом Броз Тито во главе. А еще через неделю события перенесутся в небольшой домик, укрытый зеленью садов Дединьи.

Дом принадлежал Владиславу Рибникару. В ту пору формально он не был коммунистом. Но всеми помыслами души своей этот человек был вместе с ними. Для него они были единственной подлинно революционной силой. И в те трагические для его родины дни он сам пошел к ним навстречу.

— Мой дом в вашем распоряжении. Правда, есть несколько осложняющих обстоятельств. Тут совсем рядом — главный штаб абвера[1]. В соседних домах живут агенты гестапо...

— О, это же великолепно! Значит, ваш дом вне подозрений. Кому придет в голову, что под носом гестаповцев собирается Политбюро компартии? Самый отчаянный конспиратор ничего лучшего не смог бы придумать...

Так дом патриота Рибникара стал штабом революционных сил. На втором этаже тайком собирались руководители компартии. Тут же скрывался от гестаповцев Иосип Броз Тито. Было два выхода из той части здания, где находилась его комната (я увидел ее такой же скромно обставленной, какой она была 25 лет назад). В случае тревоги можно незаметно выйти и скрыться в роще, доходившей до самого дома.

[1] Немецкой разведки.

В тот жаркий летний день члены Политбюро КПЮ пробирались сюда тайком, поодиночке, маскируясь кто как мог, запутывая следы. Приняты были все меры предосторожности, ибо в доме соберется цвет компартии.

На расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ после тщательного анализа сложившейся обстановки было принято историческое решение — начать в стране вооруженное восстание против оккупантов.

Это было 4 июля 1941 года — памятный день, ежегодно отмечаемый в Югославии как большой праздник — «День борца».

Уже в летние месяцы борьба обрела масштабы всенародного восстания. Первой же волной оккупанты были вышвырнуты примерно из 40 городов.

...От одного музейного стенда к другому, из комнаты в комнату.

— Здесь работал и Иво Лола Рибар. Вы слышали о нем? Герой Югославии, тогда, в сорок первом, он был секретарем ЦК комсомола.

...Иво Лола Рибар! Под стенами старой белградской крепости, там где Сава сливается с Дунаем, находится гробница народных героев. В ней покоится и его прах, прах бесстрашного вожака юных рыцарей революции. Он сумел сцементировать волей партии всех молодых патриотов Югославии, создав Объединенный союз антифашистской молодежи.

«Мы войско молодое...» Это была одна из самых популярных песен Народно-освободительной армии. Так было не только в песне: семьдесят процентов армии составляла молодежь.

Я слушаю экскурсовода и вспоминаю темпераментного Югу Гризеля. Он мой коллега из журнала «Свет». Журналисты Жунич и Гризель были моими гидами в дни путешествия по стране. А Югу я вспомнил сейчас потому, что и он принадлежал к той славной когорте молодых, что мужали в кровавых битвах с оккупантами, в суровых походах партизан.

Юга родом из Шибеник. Отсюда комсомолец Гризель, исключенный за вольнодумство из гимназии, ушел в горы, к партизанам Далмации. Сколько эмоций было в его рассказах, когда мы оказались в этом насквозь прокаленном солнцем белокаменном приморском городке на Адриатике!

— Комсомольцы в Шибениках были отчаянными парнями. Вон смотрите...

И Юга показал на узкую горловину в море. В порт Шибеники корабль может пройти только по этому каналу. Оккупанты, опасаясь возможного неожиданного визита английских подводных лодок, ставили на ночь в канале заградительные сети. Какая была паника в стане фашистов, когда однажды утром они обнаружили, что сети перерезаны! Это сделали комсомольцы.

...В конце 1941 года против 500 тысяч оккупантов сражались 80 тысяч партизанских бойцов — рабочие, крестьяне, студенты, ученые, врачи, учителя. Среди них был и хозяин маленького домика в живописной Дединье Владислав Рибникар. Он отправился к партизанам вместе с женой, чтобы там, на войне, обрести право стать коммунистом.

Пройдет немного времени — и в горах Югославии, где насмерть бьются с врагом бойцы Народно-освободительной армии, рядом с ними появятся отряды советских людей, бежавших из гитлеровских лагерей военнопленных. Пройдет еще год — и победоносные полки Советской Армии вступят на истерзанную фашистами югославскую землю, чтобы оказать непосредственную военную помощь своим друзьям в освобождении страны и ее столицы Белграда.

...Я покидаю музей 4 июля 1941 года и думаю о 9 мая 1945-го, думаю о своих соотечественниках, дравшихся на белградских улицах, вылавливавших мины на Дунае, чтобы расчистить путь баржам с русским хлебом, посланным Москвой голодающему Белграду. И меня вновь потянуло туда, где алые гвоздики рдеют меж белыми мраморными плитами, где под сенью плакучих ив братского кладбища лежат рядом с югославами и мои сограждане. Я видел на этих могилах цветы, принесенные сюда белградцами. Я знаю: в праздничный день 4 июля на мраморных плитах появится много свежих цветов. Это память сердца...

Василий **ФЕДОРОВ**

* * *

Между нами
Только камни
В этой жизни городской.
Дай мне речку с берегами.
Дай мне озеро с волной.

Дай мне
Таволги пахучей,
Дай мне памятных душе
Под высокой
Белой тучей
Разыгравшихся
Стрижей.

Дай калиновую крону,
Как весенний
Пышный дар.
Дай мне,
Дай мне
Хоть ворону
С примитивным криком
«Кар-р-р!»

Дай коня мне
В красной гриве
Проскакать в лучах
По дню,
И тогда
В одном порыве
Все в душе
Соединю.

* * *

В любви
И радостях
Изверясь,
Живу тревожней,
Чем в бреду,
Живу и
Все чего-то жду,
На что-то
Все еще надеюсь.

А мне поют:
Люби, как птицы.
Щебечут мне:
Играй вничью.
Года велят:
Пора смириться.
А я смиряться
Не хочу.

Как мне постылы
Назиданья
Покорности:
Страдай!
Терпи!
Я в мир пришел
Не для страданья,
Пришел для счастья
И любви.

Любовь
И счастье есть,
Я знаю:
И сам любил
В былые дни.
И мучаюсь я
И страдаю
Лишь потому,
Что есть они.

И потому,
Во всем изверясь,
Встречая
За бедой беду,
Я все еще
Чего-то жду,
На что-то
Все еще надеюсь.

* * *

В глазах твоих,
Чужих и злых,
В липучей тине дно.

Измена даже в помыслах —
Измена все равно!

Душа моя
Восстанет вся,
Восстанет — стает снег.
Неверная, расстанемся,
Наверное, навек.

С незажитыми ранами
Уеду, брéдя елями,
Лечить себя буранами,
Целить себя метелями!

* * *

Все чаще, чаще падаю,
Все чаще грудь болит.
Уже вино не радует,
А только тяжелит.
Любил и пил запальчиво,
И разгадал давно,
Что женщины обманчивы,
Как сладкое вино.
А жизнь была не гладенькой,
Не чистеньким кювет.
Уже кому-то дяденька,
Уже кому-то дед.

Здесь новые возможности,
Но горько между тем,
Поскольку к новой должности
Я не готов совсем.

* * *

Моя любовь
Давно в годах.
Как яблоня на горке
В отяжеляющих плодах,
Нуждается
В подпорке.

* * *

Бог весть,
От культа ль нам дались
Слова решительные, вроде
Крутого слова «Покорись!»
И это о родной природе?!

О, мы творим,
Преображаем!
Но почему ж,
Врага грубей,
Мы поминутно угрожаем
Извечной матери своей?!

Чтобы себя и мир спасти,
Нам нужно, не теряя годы,
Забыть все культы
И ввести
Непогрешимый
Культ природы.

ОМУЛЬ

Было некогда вдоволь
Осетра и плотвицы...
Ну, а где теперь омуль?
Говорят, за границей...

И в любви
И в почете
Для высоких обедов
Он летит в самолете
Вроде модных поэтов.

Омулька
Из Байкала
При еде и закуске
В наше время не стало
Даже...
Даже в Иркутске!

Лишаём обрастая,
Не нуждаясь в промочке
Глухо плачет пустая
Омулевая бочка.

* * *

Зима минула.
Счастлив я.
Иду по лесу,
Горя мало.
На старом пне
Лежит змея —
И тоже
Перезимовала.

И мне
И ей
Мила весна,
Хотя у нас
Различны вкусы:
Я напишу стихи, она...
Она кого-нибудь
Укусит.

* * *

Что сказать мне
О двадцатом веке?
Я скажу,
Что людям не везет.
Льется кровь,
И в каждом человеке
Стало меньше крови...
Вот и все.

* * *

Вода течет,
Вода кочует,
Вода другую воду чует.

Нет у воды
Другого дела,
Как, повстречавшись,
Петь звончей.
И там,
Где капля заблестела,
Глядишь,
Появится ручей.

В надеждах
Водонахожденья
Так часты
Наши заблужденья.

НЕ ОСТАВЛЯЯ ПЕРА

Творческий диапазон Бориса Дмитриевича широк и разнообразен: он прозаик, поэт и драматург. Первая книга, «Сытая земля», была издана в 1924 году. В журналах печатались его стихи, рассказы, повести, романы... Литературная критика отмечала крепнущее дарование автора, сочность и образность языка, остроту сюжетов. На библиотечных полках не залеживались книги Четверикова. Особенно полюбились читателям повести и романы «Синяя говядина», «Любань», «Заиграй-овражки», «Отава», «Ржавый дол», прозаические сборники «Малиновые дни», «Заграничный Степан», «Солнечные рассказы»...

Познакомился я с Борисом Дмитриевичем в 1944 году, работая в Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия». К этому времени он был автором уже 35 книг. Они отличались большим жанровым и тематическим разнообразием. В годы войны Четвериков не покинул блокированного Ленинграда. В нетопленной комнате, голодный, кутаясь в вороха разной одежды, он не выпускал из рук писательского пера. Передо мной легла выстраданная рукопись рассказов о героизме ленинградцев. Тогда же в издательстве Борис Дмитриевич поделился мечтой создать роман о легендарном герое гражданской войны Котовском, прочитал на память отрывки из только что написанной им поэмы «Ленинград».

К своему 70-летию Борис Дмитриевич приходит автором 42 книг. Осуществилась мечта: написаны, изданы «Повесть о Котовском» и роман в двух томах «Котовский».

Сейчас, накануне 50-летия Советского государства, готовятся к печати два исторических романа Бориса Дмитриевича: «Навстречу солнцу» — о разгроме колчаковщины и «Утро» — о предоктябрьском периоде, об искровцах, правдистах... Издается поэтический сборник «Страна задумчивых берез», куда войдет и поэма о Ленине.

Страницы этих книг наполнены обаянием большого таланта. Его животворящие истоки — в нашей кипучей жизни, в торжествующей ленинской правде.

Борис **ДЬЯКОВ**

Моя отрада

Анатолий **ЗАЯЦ**

* * *

Я Вам не клялся жизнью,
Украина:
Слова о том поэту нелегки.
Как Вы близки,
Как яростно любимы,
Как Вы порой
жестоко далеки!
Средь белой мглы,
В сердечных потрясеньях,
Средь нестерпимо яркой синевы
Ко мне Вы приходили,
Как спасенье,
И облегченье
приносили Вы.
Вы у меня
Признаний не просили,
Но к Вам тропа
Сквозь дни мои вилáсь.

Глеб ГРАКОВ

Наш дядя Миша

Спектакль «Твой дядя Миша» Георгия Мдивани, поставленный в Малом театре режиссером Владимиром Монаховым,— спектакль для всех. И для коммунистов и для комсомольцев. Кто еще есть в зрительном зале? Я уверен, что принципиально беспартийных в нем вообще нет...

Ермакова первых лет революции играет В. Соломин, Ермакова сегодняшнего — В. Хохряков.

...Итак, Михаил Николаевич Ермаков поменял двухкомнатную квартиру на Ленинском проспекте и переехал в одну комнату старого дома, где-то за высотным зданием, что на Котельнической набережной. Соседи по квартире новым жильцом не нахвалятся: тихий, скромный, сердечный...

Что же это за неравноценный обмен?.. Чудак?.. А если нет?..

Старый большевик, пенсионер Ермаков еще в первые годы революции, совсем молодым, при очень сложных обстоятельствах расстался здесь, в старом доме, со своей женой. И теперь возвращается он в этот дом недаром: хочет поближе быть к родным людям — пусть они не знают его...

В каждой сцене нам открываются новые и новые свойства души Ермакова — поистине золотые россыпи; нынешний пенсионер и доселе не смог еще их растратить.

В квартире, где некогда жила его Людмила — ее играет Л. Юдина,— Ермаков может видеть фотографию своего сына — капитана, погибшего при взятии Берлина в последние дни войны... Может видеть женщину, которую любил его сын,— Полину Викторовну (Е. Солодова), заглянуть в глаза внуку Борису (В. Соломин) и его любимой Леночке (эта роль исполнена молодой актрисой А. Евдокимовой).

Из прирожденной человеческой деликатности старый Ермаков не называет себя. Он не был рядом с близкими—так сложилась жизнь... Но жили они так, как мечтал Ермаков; его внук вырос таким, как хотел Ермаков... Самого же Ермакова судьба бросала из края в край: надо было строить государство, защищать мир.

В каждом спектакле Малого театра «Твой дядя Миша» два актера — В. Хохряков и В. Соломин — одновременно играют одного и того же человека. Более того, они одновременно присутствуют на сцене. Что это, формальный изыск? Изображение того, как «двоится» душа человеческая?.. Да нет же, это вовсе чуждо автору!

Тут открыта форма — новая, дающая большой простор содержанию. На сцене часто сосуществуют Михаил Ермаков наших дней и Миша Ермаков первых лет революции. И они нерасторжимы. Нам просто необходимо, чтобы они были на сцене одновременно: один — с порывом своей юности, другой — со зрелостью своей мысли и тоже с порывом чувств... Никогда не перестанет сердце Ермаковых биться у революции в груди!..

Трудно представить более точное художническое освоение формы.

Вот, например, самый трудный с «профессиональной» точки зрения момент спектакля. Вражеские змееныши стреляют в молодого чекиста Мишу Ермакова... Стреляют в засветившееся окно подвала, где среди ночи мечется в тревоге Мишина мать... Ее настигает смерть... А Миша лежит на камнях двора. Кровавый рассвет разливается над старой Москвой. Со злорадством и ужасом смотрит на все это с улицы, из-за узорчатых ворот дворник Тимофей (С. Харченко), верный хозяйский пес. А в полутьме невдалеке от полумертвого Миши стоит живой и здравствующий, убеленный сединами Михаил Николаевич Ермаков — наш современник...

Ему бы подойти к Мише, помочь... Но он не может ступить дальше ни шага!.. Само время — почти пятьдесят лет — отделяет его от Мишиной молодости. И какая жажда, какое стремление переступить этот невидимый барьер, какая горькая обида в душе старого Ермакова!.. Как ему хочется, чтобы Миша поднялся, превозмог смерть, вышел победителем из схватки с нею!.. Тут два образа доподлинно сливаются в один. И, думается, нет в зрительном зале скептически холодного ума, который точно «зарегистрирует»: мол, если старый Ермаков стоит на сцене, значит, и молодой еще выживет!.. Присутствие Ермакова, обращение Ермакова к Мише не снимают зрительского волнения, а делают его сильней и романтичней.

Блестяще проводит эту сцену В. Хохряков. Не менее вдохновенен и В. Соломин. Огромную страсть вложил в нее постановщик В. Монахов. И чудо театра свершилось! Оно через образы, характеры открывает нам сокровенный мир человеческой души.

В. Соломин, создав два образа, отстоящие один от другого на пятьдесят советских лет, сумел в обоих показать «ермаковскую косточку»! Тоже большая удача молодого артиста. Глядя на него, думаешь: какими же будут наследники Бориса, и с каким счастьем будет глядеть на них Борис!.. И видишь, что так вот и будет продолжаться революция: из века в век будут жить Ермаковы!

А как не порадоваться на «бабушку Люду» Л. Юдиной. На сцене ее Люда неизменно молода. В картинах, посвященных современности, перед зрителем едва ли не гимназический портрет Люды. И вот к ней,— туда, где ее уже нет, но где рос ее сын, где живет ее внук, и приходит старый Михаил Ермаков. Приходит, чтобы умереть там, где он полюбил однажды и навсегда... Умейте же так любить, как любят солдаты революции!

В небольших сценах надолго запомнится И. Верейский в роли настороженного чекиста Германа Ковалева. Это солдат Дзержинского, рыцарь революции, а Михаил Ермаков — его духовный сын.

Героическая драма Г. Мдивани очень сложна по охвату событий, переплетению судеб. Но режиссер В. Монахов достигает предельной цельности ее развития, четкости и выразительности характеристик. Художник В. Клотц в единстве с композитором А. Спадавеккиа создают лишь по внешности простой, а на деле очень сложный фон для развития действия, свободно перебрасывая его из нынешних дней в грозовые дни революции и оттуда снова в наши дни...

Следя за спектаклем, ощущаешь отчетливо, что это **наш** дядя Миша живет на сцене Малого театра. Живут соратники и дети дяди Миши, его внуки и их сверстники...,

За ними будущее.

В. Хохряков — дядя Миша.

Люда — Л. Юдина; в роли молодого дяди Миши — В. Соломин.

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

И я без Украины и России,
Как без дыханья,
без тоски,
без глаз.
И снится мне:
Из хаты вышла мама
Нарвать в садочке мяты-муравы.
...Я видел Вас
И в зорях и в туманах,
И неизменно
приходили Вы.
И горе мне,
И стану погорельцем,
Коль вдруг пойму, что Вами я
забыт.
И догорит в лучах прощальных
Сердце,
Как тот рассвет,
что детством в сердце вбит.
И горе мне,
Коль я сентиментален,
И сникнуть мне средь песенной
молвы.
...Я Вас люблю
В цветенье и металле.
И я умолк бы,
если бы не Вы.

Но Вы со мной,
Как шорохи рассвета,
Того, что детством прочно
в сердце вбит.
И даль цветет,
И высока ракета,
Что над собором
киевским летит.

ВЕТКА ПОЛЫНИ

Из солдатского дневника 1943 года.

Над рощами
Полынный ветер веял,
В деревьях изувеченных гудя.
А я тебе
И верил и не верил,
Усталым взглядом
Небо обводя.
И вот, когда
Проклятый истребитель
Взмыл над окопом —
Крепостью моей,
Я куст полыни жухлой
Вдруг увидел
На бруствере,
Набухшем от дождей.

Я ветку взял холодными
зубами,
Сухая горечь
Опалила рот,
Она прожгла б, наверно,
Даже камень:
Такой огонь
В себе она несет.
Вой нарастал,
Стремительно и тяжко,
И ветер шел к восходу
Напрямик.
До взрыва оставалось
Две затяжки,
И я поклялся
В этот страшный миг,
Что если хватит времени
до смерти,
Что если тот бугор перевалю,
Я вместо строк
Во фронтовом конверте
Тебе полыни
ветку
отошлю,
Чтоб привезли ее
В цветущий город,
Где светлым днем,
Ту ветку пригубя,
Вдруг ощутила б ты,
Как было горько
В последний миг
на свете
без тебя.

* * *

Не во том ли крае,
Где по склонам
Ты, как пава, на рассвете шла?
Не во том ли садике зеленом,
Где калина очи обожгла?

Не на той ли зорьке красноперой
Где ждала меня, не дождалась?
Не на той ли стежке,
Над которой
Белая косыночка вилась?

Так твердить бы мне
Старинным складом
Свято, как молитву,
Как завет:
Лада ты моя,
Моя отрада,
Без тебя мне
белый свет
не свет.

Сказки Западной Африки

ЛЕКАРСТВО ОКРАМЕНА

Пес Окрамен всегда был голоден и никак не мог совладать со своим желанием поесть. Где ни найдет еду, тут же ее и съест. Иногда еда принадлежала ему, иногда другому, но для него это было все равно. Когда ему хотелось есть, он не разбирался, чья это еда — его или чужая. И оттого, что Окрамен прослыл воришкой, не мог он найти жены в своей деревне. Никто не хотел породниться с ним.

И вот Окрамен отправился в дальний город, где никто ничего о нем не знал, и там нашел себе жену.

Привел он молодую жену к себе в деревню, и стали они жить вместе.

Потом в один прекрасный день жена Окрамена отправилась в родной городок навестить родителей.

Прошло немного времени, и Окрамену наскучила одинокая жизнь: он послал сказать жене, что ему тоже хочется погостить у ее родных.

Получив такое известие, тесть взял лук и копье и пошел в лес на охоту — добывать мясо, чтобы можно было устроить праздник в честь Окрамена.

Старик убил антилопу, приволок ее домой, освежевал и повесил жариться во дворе над костром.

Вот прибыл и Окрамен и как только увидел, что на костре жарится мясо, сразу потекли у него слюнки.

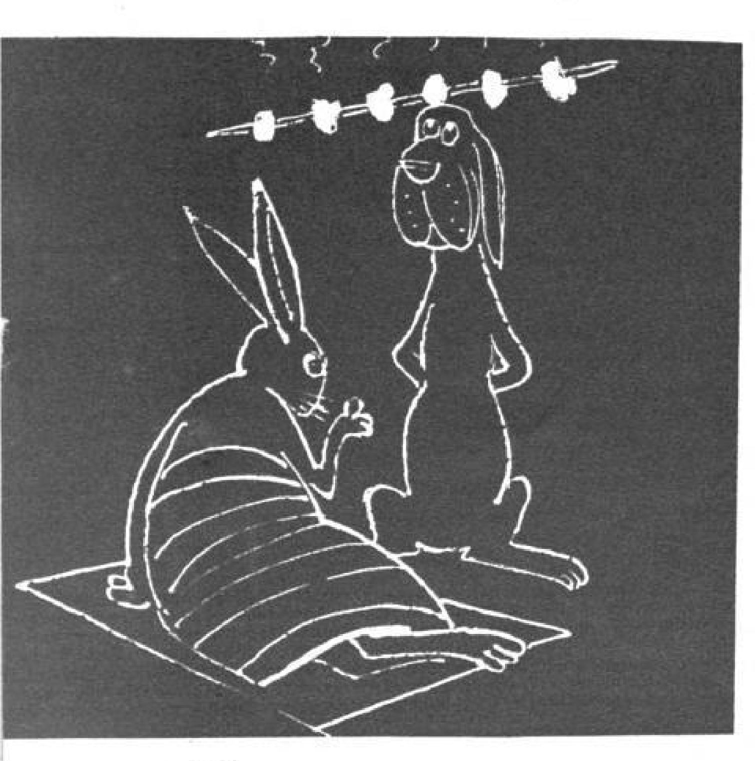
Настала ночь, все ушли в дом спать. Но Окрамен не мог заснуть. Он слышал запах жарившегося над костром мяса антилопы.

Поднялся он с соломенного мата, вышел из дому, подошел к костру и посмотрел на мясо. Он увидел капающий в огонь жир. Вернулся Окрамен обратно в хижину и снова лег. Потом опять встал, вышел и посмотрел на мясо. Затем снова вернулся, лег на мат и закрыл глаза.

Еще раз встал, подошел к костру и опять посмотрел на мясо. Лизнул кончиком языка капающий в огонь жир. Передними зубами он осторожно откусил маленький кусочек мяса. Не мог удержаться и разжевал его. Он проглотил крохотный кусочек, потом еще... а потом уже не мог остановиться, а все жевал и жевал до тех пор, пока не съел все мясо!

Только тогда он вернулся в хижину, лег на соломенный мат и заснул.

Когда наступило утро, жена Окрамена вышла подмести двор и увидела, что мясо антилопы исчезло. Она закричала:

— Кто-то съел мясо! Кто-то съел мясо!

Окрамен проснулся, услыхал, что говорят, и стыдно ему стало. Стыдно, что съел все мясо антилопы, добытой на охоте стариком тестем для праздника в его честь, Окрамена! Он укутал лицо так, чтоб никто не видел его стыда, и сбежал из города.

Вернулся Окрамен в родную деревню. А друзья и спрашивают его:

— Что ты здесь делаешь? А мы-то думали, что ты пируешь у тестя в доме!

Окрамен ответил:

— Я там был, да не смог оставаться дольше. Вчера я встал среди ночи и съел все мясо. Я съел мясо антилопы, убитой для меня на охоте стариком тестем. Мне стыдно. Я хочу найти такое сильное лекарство, чтоб помогло мне излечиться от воровства!

И люди ему посоветовали:

— Ступай к зайцу Аданко. У него есть сильное лекарство от такой болезни.

Пришел Окрамен к зайцу домой и сказал:

— Помоги мне, Аданко! Я вор. Если вижу мясо, никак не могу удержаться, чтоб не стащить его. Мне сказали, что у тебя есть сильное лекарство. Вылечи меня. Я заплачу тебе, сколько бы оно ни стоило!

И сказал Аданко:

— Я могу вылечить тебя от воровства. Только для того, чтоб приготовить лекарство, мне нужно мясо дикой свиньи!

Окрамен пошел на охоту, убил дикую свинью и принес зайцу. Заяц отрубил ровно столько мяса, сколько нужно было, чтобы приготовить лекарство, взял пряности, душистые травы, натер мясо луком, посыпал перцем и поставил на огонь.

Окрамен сидел и караулил мясо. Он услышал, как оно зашипело, и почуял, как оно запахло.

Наступила ночь. Заяц сказал:

— Окрамен, иди в хижину и ложись спать. Когда наступит утро, я сниму с огня мясо и приготовлю из него сильное лекарство для тебя. Оно навсегда излечит тебя от воровства!

Окрамен пошел в хижину и лег спать. Лег спать и заяц. Аданко заснул, а Окрамен никак не мог заснуть. Он чуял запах мяса. Слышал, как оно шипело на огне.

Не вытерпел Окрамен. Он разбудил зайца и сказал ему:

— Отец Аданко, а отец Аданко! Ведь в деревне у вас мыши! Как бы они не съели мясо. Лучше я его постерегу. Принесу и положу с собой рядом.

— Ну, постереги,— отвечал Аданко.— Мне-то все равно, лишь бы мясо завтра было готово, чтоб я мог приготовить из него лекарство для тебя.

Окрамен вышел из хижины, взял мясо, принес его и положил рядом с соломенным матом. Но уснуть не мог. И опять разбудил зайца:

— Отец Аданко! Мыши-то уже в хижине! Лучше я положу мясо под подушку!

Аданко сказал сердито:

— Зачем ты меня будишь? Делай что хочешь, лишь бы завтра мясо было тут, и я мог приготовить из него лекарство для тебя!

Окрамен положил мясо под подушку, закрыл глаза и притворился, будто храпит. Но уснуть не мог. Он чуял мясо под подушкой. И опять разбудил зайца:

— Отец Аданко, а отец Аданко! Мыши-то забрались под подушку! Я возьму мясо, положу себе на голову, стану посреди хижины и буду стоять так до утра!

— Ну так и становись,— отвечал заяц,— положи мясо себе на голову и постой так до утра. Не все ли мне равно, лишь бы завтра мясо было на месте, чтоб я мог приготовить из него лекарство для тебя.

Окрамен встал, взял мясо, положил его себе на самую макушку и так стоял. Стоял долго. Но маленькая струйка мясного сока потекла по его лицу и попала прямо в рот! Он облизнулся и опять стал будить зайца:

— Отец Аданко! Мыши-то уже здесь, по моей голове бегают! Пожалуй, лучше будет держать мясо во рту!

Аданко рассердился, что его опять разбудили, и сказал:

— Ну так держи его во рту!

Окрамен взял мясо в зубы и стал расхаживать по хижине, ворча и помахивая хвостом из стороны в сторону. Ходил, ходил да как изо всей силы закричит:

— О, отец Аданко! Пусть я буду тебе должен за это мясо!

— Нет, нет! — отвечал заяц.— Это мясо нужно для лекарства, чтобы вылечить тебя от воровства!

Но Окрамен совсем измучился и больше не мог терпеть. Он проглотил маленький кусочек мяса, потом еще кусочек побольше, потом еще... И в конце концов во рту у него ничего не осталось.

Тогда он лег на соломенный мат и уснул.

Как только рассвело, заяц встал и спросил Окрамена:

— Где же мясо? Я хочу приготовить лекарство.

Окрамен ответил:

— О, отец Аданко, я же говорил тебе, что буду должен за это мясо!

— Почему же ты мне должен за это мясо? — спросил заяц.

— Потому что вчера ночью,— отвечал Окрамен,— мыши забрались ко мне в рот, и, чтобы мясо они не съели, я проглотил его!

Тогда заяц сказал:

— Раз ты съел мясо, я не могу теперь приготовить лекарство и вылечить тебя.

И потому собака, пока жива, всегда будет воровать мясо и есть его.

Так она до сих пор и делает.

ДОЛЖНИКИ

Однажды в страну Ашанти пришел из города Мина охотник по имени Соко. Соко не был человеком этого племени, но он женился на девушке из Комаси и жил среди людей Ашанти. Вскоре он научился говорить на языке Ашанти, и люди, вероятно, забыли бы, что он пришелец, если бы не одно обстоятельство. Прежде чем прийти к Ашанти, он задолжал деньги. И это встревожило людей Ашанти, потому что до того, пока не приходил к ним Соко, никто из рода Ашанти не делал долгов. Теперь же среди Ашанти появился человек, у которого были долги, и людям это не нравилось.

Старики деревни пошли к Соко и сказали:

— До твоего прихода у нас никто никому не был должен. Ты обязан от своего долга избавиться.

Соко долго думая над этим. Верно, ему надо избавиться от долга. Но как это сделать, он не знал.

И вот однажды утром, когда Соко приготовлял вино из сока пальмы, шел мимо Ананси.

— Ананси, ты умный малый, посоветуй: как мне избавиться от своего долга?— спросил Соко.

Ананси задумался.

— Очень просто,— ответил он.— Ты только объяви: кто выпьет это пальмовое вино, тот и заплатит долг.

— Прекрасная мысль! — сказал обрадованный Соко.— Кто выпьет это пальмовое вино, тот и заплатит долг!

— А нельзя ли мне отведать немного пальмового вина? — спросил Ананси.

— Пожалуйста! Угощайся! Пей вволю! — сказал Соко.— Наливай да и пей!

Ананси выпил пальмовое вино. Именно этого он и хотел.

— А теперь мой долг перешел к тебе,— сказал Соко.— Я больше никому не должен.

И так Ананси взял на себя долг. Он вернулся на свою ферму и посадил несколько зерен.

— Кто съест мои зерна, тот и возьмет на себя долг,— сказал Ананси.

Зерна взошли. В один прекрасный день птица прилетела на ферму Ананси и склевала его зерна.

— Ха, ха! Теперь долг перешел к тебе,— сказал Ананси.— Я больше никому не должен.

Птица вернулась в свое гнездо. Теперь долг был на ней. Но она снесла несколько яиц и сказала:

— Кто разобьет мои яйца, тот и примет на себя долг.

Затем она улетела. И пока ее не было в гнезде, налетел ветер, сломал ветку, ветка упала на гнездо и разбила яйца.

Когда птица вернулась и увидела, что произошло, она сказала дереву:

— Теперь мой долг на тебе. У меня нет больше долга.

Дерево стало теперь должником. Но на его ветвях распустились цветы, и оно сказало:

— Кто попробует съесть эти цветы, тот и будет должником.

В это время пробегала мимо обезьяна и все цветы с дерева съела.

Тогда дерево сказало:

— Теперь ты взяла долг. За мной больше нет долга.

А обезьяна сказала:

— Кто меня съест, на том и долг будет.

Проходил в это время по лесу лев, схватил обезьяну и начал ее есть.

— Ага! — сказала обезьяна.— Теперь долг на тебе.

Должником оказался лев. Долго бродил он с этим долгом по лесу и наконец сказал:

— Кто съест меня, тот и примет на себя долг.

У людей племени Ашанти долга больше не было. Теперь долг был в лесу.

Но как-то Соко пришел в лес поохотиться и убил льва.

Он принес мясо льва в деревню, разделил его между людьми Ашанти, и они съели это мясо. Так долг снова вернулся к людям Ашанти.

Перевела Валентина Диковская.

КВАРТЕТ БЛИЗНЕЦОВ

Перед вами четверка близнецов из Франкфурта, которая пользуется большим успехом на эстрадных сценах.

ДРУГ ГОЛУБЕЙ

Говорят, что все кошки — ярые враги голубей. Но это неправда. Наш кот Барсик в большой дружбе с голубями.

А. ДОБРОДЕЕВ

ОБИТАТЕЛЬНИЦА САДА

Лиса, решив, что у людей ей будет жить гораздо удобнее, покинула лес и поселилась в одном из садов английского города Линдхорста.

ТРОСТЬ С ЧАСАМИ

Эту трость с часами, которая хранится в коллекции Ивицы Судника из города Самобора (Югославия), изготовили в Вене сто лет назад.

ЕЩЕ ОДИН РЕКОРД

В перечень мировых достижений внес свою лепту двадцатидвухлетний Майк Уильямс. Он пробыл под душем 68 часов 46 минут.

ДОМАШНИЙ ЗВЕРИНЕЦ

Мартышка Яник и боксер Миора — неразлучные друзья. Забраться на спину собаки — самое большое удовольствие для обезьянки. Такую сценку можно наблюдать в домашнем зверинце бакинцев Гаузеров. Живут в этом необычном зверинце и другие животные: барсук, лисица, хорек, куница, белка, черепаха, грач, сорока.

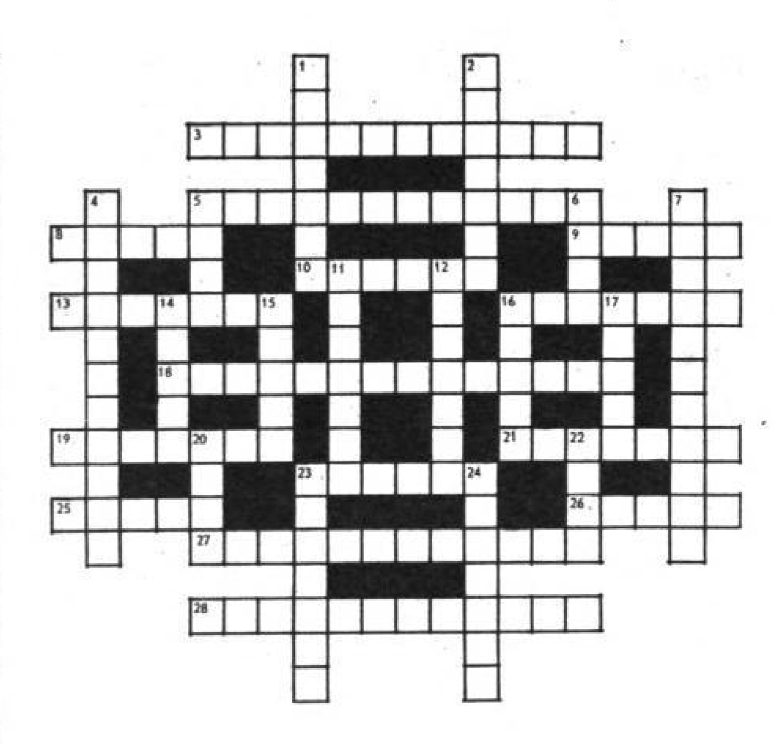
Евгений Григорьевич Гаузер — кандидат биологических наук, его жена Сима Исаевна — преподаватель биологии, а их дочь Ирина — студентка биологического факультета Азербайджанского университета.

И. ГОНЧАРЮК

НАГРАДА

Нелегкая задача выпала на долю почтового отделения города Питсбурга (США) — надо было вручить письмо с таким адресом: «Самому глупому адвокату в городе».

Десять адвокатов, которым было предложено письмо, с возмущением отказались принять его. И только одиннадцатый согласился. В конверте оказалось сто долларов и записка: «Приветствую вас от всего сердца. Вы не так глупы, как ваши коллеги».

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Точная передача звуков языка буквами или знаками. 5. Столица Гондураса. 8. Сельскохозяйственная машина. 9. Спортивный снаряд. 10. Моллюск. 13. Болгарский народный смычковый инструмент. 16. Немецкий физик. 18. Литературное направление в Европе второй половины XVIII века. 19. Быстроходное судно. 21. Русский архитектор. 23. Водопад, низвергающийся уступами. 25. Опора моста. 26. Порода собаки. 27. Наука о лекарственных веществах. 28. Способ консервирования пищевых продуктов.

По вертикали:

1. Сумчатое животное. 2. Музыкальный ансамбль. 4. Областной центр в РСФСР. 5. Большая рыболовная сеть. 6. Река на Дальнем Востоке. 7. Вид загадки, задача. 11. Героиня поэмы А. С. Пушкина. 12. Крупное вокально-инструментальное произведение. 14. Острая приправа. 15. Создатель произведения, проекта. 16. Болотная птица. 17. Народный поэт Узбекистана. 20. Несгораемый шкаф. 22. Французский писатель. 23. Армянский композитор. 24. Картина с объемным первым планом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

4. Кустодиев. 7. Асфальт. 8. Каботаж. 9. Направник. 14. Буратино. 15. Ацетилен. 16. Брасс. 18. Танганьика. 19. Люксембург. 22. Агава. 24. Землесос. 26. Стилобат. 27. Горностай. 28. Фуганок. 29. Яковлев. 30. Калькутта.

По вертикали:

1. Вулькано. 2. Константан. 3. Пеламида. 5. Исфахан. 6. Базилио. 10. Бухгалтер. 11. «Финансист». 12. Геометрия. 13. Ветеринар. 16. Букса. 17. Слюда. 20. «Разбойники». 21. Плинтус. 23. Полонез. 25. Столовая. 26. Стаккато.

На первой странице обложки: Молодой моряк. Аравийское море (Пакистан).

Фото В. Николаева.

На последней странице обложки: А. Дейнека. НА ЮГЕ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10624. Подписано к печати 29/VI 1966 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. Печатн. листов 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1150. Заказ № 1759.

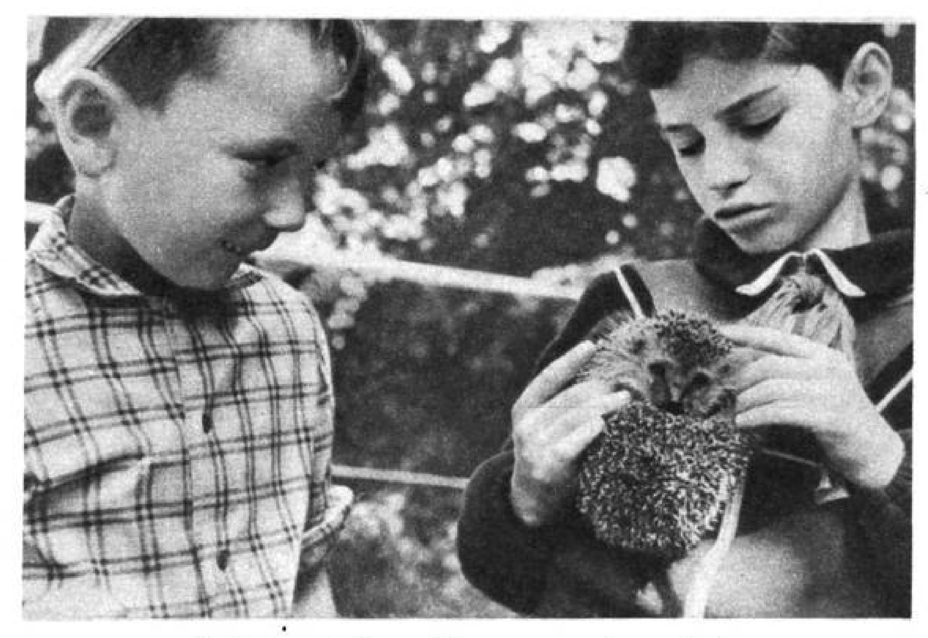
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

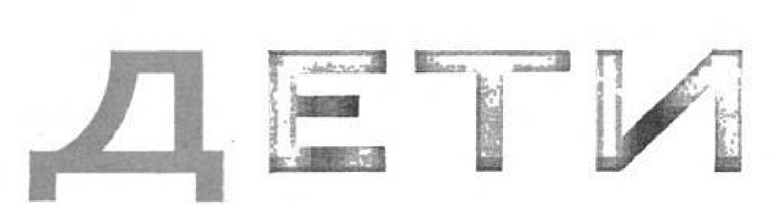
О них заботится вся страна. Тысячи писем идут в их адрес. И тысячи приглашений. Приглашают на все лето, предлагают бесплатные путевки, бесплатные билеты на самолеты и поезда. Маленькие ташкентцы уже отдыхают на Украине, в Подмосковье, в Северной Осетии, во всесоюзных здравницах «Артек» и «Орленок».

Корреспонденты «Огонька» Г. Санько и М. Цебоев ведут репортаж из подмосковного пионерского лагеря.

До завтрака нужно успеть заплести косы себе и младшей сестренке Диле.

— Назовем его Борькой! — советует Алеша Соболев.

ДЕТИ

Утром около умывальников шумно и оживленно. Вода колючая, холодная. Сегодня жарко с самого утра. Радио обещает днем 34 градуса. Погода узбекская!

Когда приехали гости, часть московских ребят с удовольствием перебралась в палатки. Мальчишки еще брызгаются, умываются, чистят зубы, а девочкам надо спешить в младшие отряды заплетать самым маленьким косички. Произошел обмен модами. Семилетняя москвичка Оля Финошина довольна: всегда носила две косички, а теперь ей заплели двенадцать. Узбечки привыкают заплетать по две косички. Ведь так гораздо быстрее.

...Горн на линейку. Строятся отряды. У каждого свое название — «Глобус», «Мечтатели», «Чайка», «Улыбка». Первый отряд назвали «Ёш куч», что по-русски означает «молодая сила». Но в отряде, конечно, не одни узбеки. Ташкентцы — во всех десяти отрядах, их в лагере сто три человека.

Флаг поднимает Сурая Ахмедходжаева. У нее сегодня день рождения. Четырнадцать лет. Можно уже вступать в комсомол.

После завтрака — в лес. Для ташкентцев лес в диковинку, многие из них никогда его не видели. Там их интересует все: деревья, травы, цветы, птицы. Особенно нравятся нежные березки. Девочки собирают траву, мох, папоротники, васильки, ромашки и даже шишки — «засушим, пошлем домой». Москвичи учат гостей плести венки. И вдруг сенсация — поймали ежа!

А в младших отрядах «Солнышко» и «Улыбка» — спартакиада. Программа: бег, метание мяча, прыжки в длину и высоту.

Бегут девочки — Дильфуза Умарова и Люся Чудотворова. Дильфуза на финише первая.

Отрядным Брумелем стал третьеклассник из Ташкента Юра Шведчиков.

За обедом разгорелся спор. В меню написано: «Плов». В этом-то блюде ташкентцы толк знают и выносят свое заключение:

— Это не плов,—говорит Надыр Ходжаев,— а шавля.

— А что такое шавля? — спрашивает Саша Урусов.

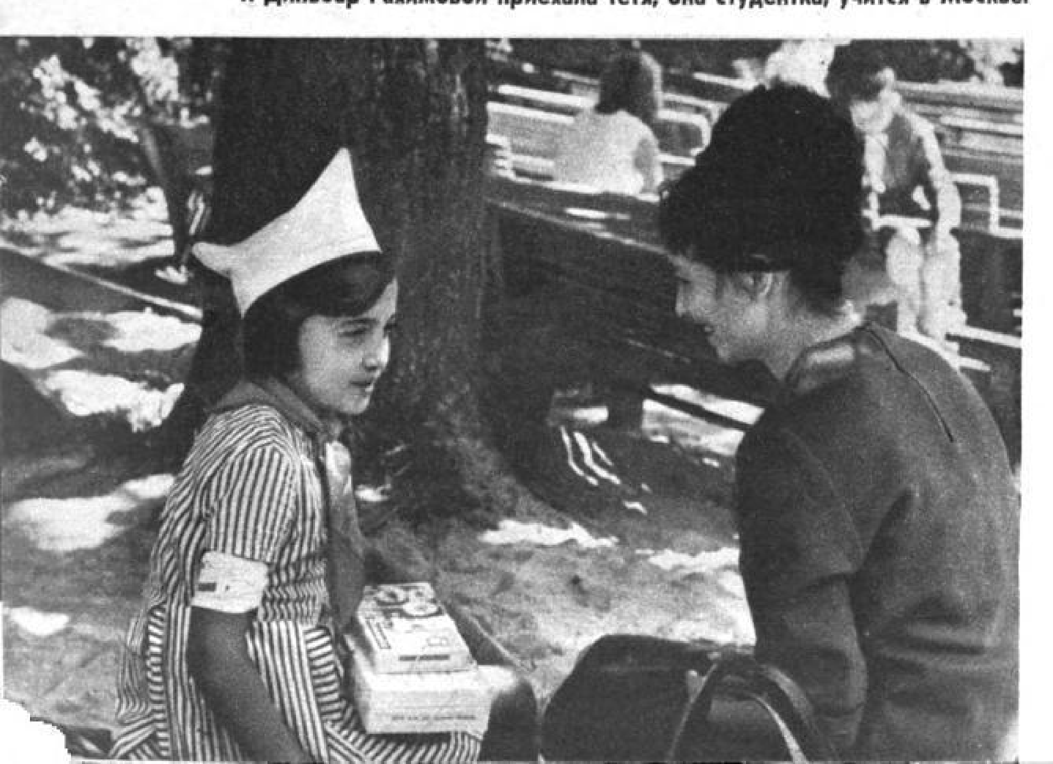
— Каша из риса и мяса.

— Так это и есть плов!

— Нет, шавля не плов. Приезжай в гости, мы тебя угостим настоящим пловом.

День закончился концертом самодеятельности. Он шел под девизом «Дружба» — «Дустлик». Гвоздь программы — узбекский танец «Дутар баёты». Для танца обязательно нужен бубен, но где его взять? Выход нашли: вместо бубна — пионерский барабан!..

К Дильбар Рахимовой приехала тетя, она студентка, учится в Москве.

В лесу...

ТАШКЕНТА

Тане Гулямовой, должно быть, снятся березы...

Хаким Салихов и Тургун Яйлавов любят шахматы, а Миша Ишутин — судья.

На экскурсию в Москву.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663